

№ 10513
И. В. СКВОРЦОВЪ

**Учебникъ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ**

Часть I.

И. В. СКВОРЦОВЪ,
начальникъ Петроградскихъ и Царскосельской женск. гимназій.

УЧЕБНИКЪ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ.

(СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ КУРСЪ).

Часть I.
ОТЪ НАЧАЛА РУСИ—ДО ІОАННА ІV.

ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
(Курсъ 4 кл. муж. гимназій).

Изданіе пятое.

Въ предыдущихъ изданіяхъ Учен. Комит. Мин. Нар. Пров. допущенъ въ
качествѣ учебнаго руководства въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ за-
веденій.

Въ пред. изд. Учебн. Комит. Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи
одобренъ въ качествѣ учебнаго руководства для старшихъ классовъ среднихъ
учебныхъ заведеній.

Въ 1 изданіи удостоенъ преміи митр. Макарія и Учебн. Комит. при Св. Си-
нодѣ одобренъ въ качествѣ руководства при прохожденіи курса гражданской
исторіи въ духовныхъ семинаріяхъ и епархіальныхъ женскихъ училищахъ.

Въ 4-мъ изданіи допущенъ Ученымъ Комитетомъ въ качествѣ учебнаго
руководства для 4-го класса мужскихъ гимназій.

Цѣна 50 коп.

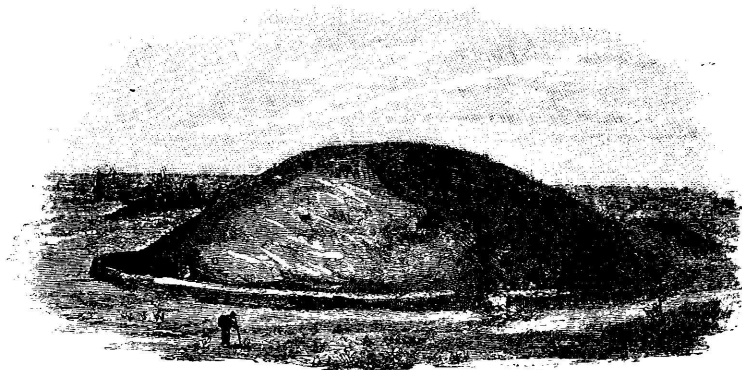

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Taru K. P. O'brod
Rakhatukogu
Est. A - 12626

6 44153-11

Александропольскій курганъ близъ Днѣпровскихъ пороговъ.

Древнѣйшіе обитатели Европейской Россіи.

Скиѣны и эллины. На всемъ пространствѣ Европейской Россіи, особенно на югѣ, встрѣчается много памятниковъ, оставшихся отъ древнѣйшихъ обитателей страны, таковы, напр., «курганы» (погребальныя насыпи), «городища» (развалины древнихъ укрѣпленій) и др. Археологическія раскопки («археологія»—наука о древностяхъ) этихъ памятниковъ даютъ не мало различныхъ предметовъ быта (посуда, монеты, разнаго рода украшенія и пр.), свидѣтельствующихъ, что Восточная Европа заселена была съ незапамятныхъ временъ. Сѣверную часть этой громадной равнины издавна, повидимому, заселяли или отодвинуты были сюда напоромъ кочевниковъ изъ Азіи финско-угорскія племена; югъ служилъ мѣстомъ постоянныхъ передвиженій и столкновеній разныхъ другихъ племенъ, непрерывной струей вливавшихся сюда изъ глубины Азіи.

Самыя раннія свѣдѣнія о народахъ, заселявшихъ югъ Россіи, даютъ греки, колоніи которыхъ основаны были по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря еще задолго до Р. Хр. (таковы: О л ь в і я—при устьѣ Буга, Танаисъ—при устьѣ Дона, Херсонесъ или К о р с у н ь—близъ нынѣшняго Севастополя, Пантикапей—на мѣстѣ нынѣшней Керчи и др.). Селясь на побережѣ, эллины (древніе греки), обыкновенно, не удалялись отъ морского берега вглубь страны, считая болѣе безопаснымъ и цѣлесообразнымъ привлекать «варваровъ» на свои рынки, гдѣ пріучали туземцевъ къ торговому обмѣну и, мало-помалу, подчиняли ихъ своему культурному вліянію. Мѣстами, какъ, напр., около Пантикапей, образовались даже смѣшанныя

поселенія изъ эллиновъ и «варваровъ». Отъ обитателей юга Россіи греки получали хлѣбъ, рыбу, мѣха, а имъ давали вза-мѣнъ ткани, вино, разнаго рода украшенія и предметы роскоши.

Племена, обитавшія на югѣ нынѣшней Россіи, носили у грековъ общее названіе **скивовъ**. Скивы получили въ древнемъ мірѣ большую извѣстность по предпринятому противъ нихъ персидскимъ царемъ Даріемъ Гистаспомъ въ VI в. до Р. Х. неудачному походу. Памятниками этого народа нужно считать большинство кургановъ, которыми усѣянъ весь югъ нынѣшней Россіи; многіе изъ нихъ теперь разрыты, и тамъ найдены человѣческіе скелеты, оружіе, разныя каменные и металлическія издѣлія «варварской» работы, но также и много сдѣланныхъ греками для скивовъ разнаго рода серебряныхъ и золотыхъ вещей (богатую коллекцію золотыхъ, бронзовыхъ,

Каменные бабы, найденныя въ южно-русскихъ степяхъ.

железныхъ и керамическихъ издѣлій этого ряда нашли недавно при раскопкѣ гигантскаго кургана Солоха въ Таврической губерніи). Особенною же извѣстностью пользуются двѣ вазы превосходной работы греческихъ мастеровъ (одна золотая найдена въ курганѣ К у л ь - О б а около Керчи, а другая — серебряная — близъ м. Н и к о п о л я на Днѣпрѣ, у рѣчки

Чертомлыка въ Екатеринославской губерніи). Обѣ вазы украшены изображеніями скивовъ, и только по этимъ изображеніямъ можно получить понятіе объ одеждѣ и внѣшнемъ видѣ этого народа. Судя по этимъ изображеніямъ, скивы принадлежали къ иранской вѣтви арійскаго племени. Греки различали скивовъ-кочевниковъ и подчиненныхъ имъ скивовъ-пахарей, жившихъ по Днѣпру. Земледѣліе у скивовъ — пахарей было столь развито, что они доставляли его продукты въ разные города Греціи и въ огромномъ количествѣ; между прочимъ Атика большую часть зерна получала отъ скивовъ черезъ греческія колоніи на Черномъ морѣ. Относительно быта скивовъ-кочевниковъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія греческій историкъ V в. до Р. Хр. Геродотъ. По его разсказу, скивы поклонялись водруженному въ землю мечу, какъ изображенію бога войны, и орошали его человѣческою кровью; они пили кровь перваго убитаго на войнѣ непріятеля. скальпировали побѣжден-

ныхъ и пили изъ череповъ, какъ изъ чашъ; бальзамированные трупы своихъ умершихъ царей они обвозили по всѣмъ подвластнымъ народамъ и затѣмъ погребали вмѣстѣ съ любимѣйшими женами покойника и самыми близкими слугами его, клали съ ними всю утварь, оружіе и драгоценности и насыпали громаднѣйшій курганъ; въ годовщину ихъ смерти снова правили тризну или поминки, убивая лошадей и царскихъ слугъ, трупы коихъ разставлялись вокругъ царскаго кургана.

Позднѣе, на мѣстахъ скивовъ, по свидѣтельству позднѣйшихъ греческихъ и римскихъ писателей, поселились сарматы, повидимому слившіеся со скивами, какъ народомъ родственнымъ и близкимъ.

Золотая ваза изъ кургана
Куль - Оба.

Серебряная ваза изъ Черто-
мыцкаго могильника.

Сарматы, распадавшіеся на нѣсколько племенъ (языги, раксоланы, аланы), съ IV в. до Р. Хр. удержали степи до II в. послѣ Р. Хр., уступивъ мѣста германскому племени готовъ и потѣснившись къ Кавказу. Остаткомъ этого скивско-сарматскаго (иранскаго) періода въ исторіи южно-русской степи является кавказское племя осетинъ

Готы, гунны, авары. Въ III в. послѣ Р. Хр. между Балтійскимъ и Чернымъ морями господствуетъ уже германское племя готы, подчинившее своей власти финскія и, вѣроятно, славянскія племена. Готы двинулись отъ Балтики по рѣкамъ, проникли въ Черное море и громили Визан-

тійскую імперію. Въ IV вѣкѣ ихъ вождь (Германарихъ) основалъ въ Черноморѣ довольно сильное государство, въ составѣ котораго числились, какъ думаютъ, и славяне, подъ именемъ в е н е д о в ь.

Въ концѣ IV в. появляется изъ-за Каспія новый кочевой народъ монгольскаго происхожденія—г у н н ы, которые раз-

Совѣщаніе скивовъ съ Куль-Обской вазы.

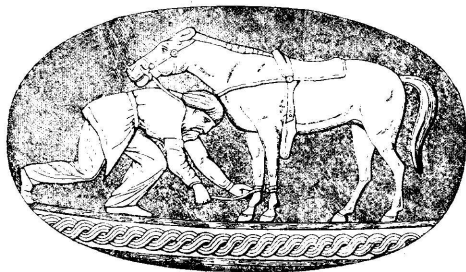
рушили царство готовъ и затѣмъ двинулись на равнины Венгріи и далѣе на Западную Европу, увлекая за собой готовъ и славянъ и подпадая, въ свою очередь, подъ культурное вліяніе послѣднихъ.

Съ паденіемъ царства гунновъ въ VI в., славянамъ Восточной Европы пришлось испытать тяжелое господство родственнаго съ гуннами, хищнаго кочево-

го племени—а в а р о в ь или обровъ. По занесеннымъ въ лѣтопись преданіямъ, они притѣсняли славянъ и особенно мучили женщинъ, запрягая ихъ по четыре, по пяти въ телѣги. Владычество ихъ, однако, было недолговременно. Массовое истребленіе обровъ франками, и затѣмъ болгарами,

создало въ древней Руси поговорку: «погибоша, аки обрѣ». Напоръ аваровъ и заставилъ славянъ отъ Буга и предгорья Карпатъ (гдѣ всего плотнѣе осѣли славянскія племена въ эпоху переселенія народовъ) разбредсти въ разныя стороны,

тѣмъ болѣе, что на смѣну обравъ явились съ востока еще новыя орды того же монгольскаго корня: угры (или венгры), которые послѣ нѣкоторыхъ передвиженій въ южной Россіи, заняли нынѣшнюю Венгрію, и х о з а р ы, которые основали на югѣ обширное государство—отъ Кавказа до Волги и средняго Днѣпра.

Скивъ, стреножащій коня.

Природа страны и ея вліяніе на исторію русскаго народа.

Природа страны имѣла замѣтное вліяніе на жизнь и характеръ русскаго народа и его исторію. Восточная половина Европы, гдѣ съиздавна селились славянскія племена, во многомъ отличается отъ Западной по особенностямъ своей природы.

Западная половина состоитъ изъ цѣлаго ряда острововъ и полуострововъ, горныхъ хребтовъ и морскихъ береговъ. При этомъ берега Западной Европы чрезвычайно извилисты и изрѣзаны внутренними морями и глубокими заливами. Горные хребты во внутренней части материка идутъ въ разныхъ направленіяхъ и раздѣлены долинами и низменностями. Все это способствовало образованію цѣлаго ряда независимыхъ государствъ, отдѣленныхъ одно отъ другого естественными границами. Отсюда же возникли и значительныя особенности въ бытѣ, занятіяхъ, языкѣ и характерѣ населенія этихъ государствъ. Съ другой стороны, при удобствѣ и легкости морскихъ сношеній одного государства съ другимъ, скоро развились торговля и промышленность, а возникшій отсюда постоянный взаимный обмѣнъ знаній содѣйствовалъ быстрому расцвѣту образованности. По морямъ отважный и предприимчивый европеецъ отправлялся въ дальнія страны искать себѣ добычи и счастія, подчиняя своему вліянію племена и народы въ другихъ частяхъ свѣта. При умѣренномъ и мягкомъ климатѣ большинства странъ Западной Европы, населенію не приходилось тратить особенно силы на борьбу съ природой за свое существованіе и оставалось много досуга на занятія науками, искусствами, поэзіей.

Иную картину представляетъ Востокъ Европы.

Громадной равниной раскинулся здѣсь материкъ, какъ бы составляя продолженіе равнинъ и плоскихъ возвышенностей Азіи. Только по окраинамъ этой равнины имѣются моря (Бѣлое, Балтійское, Черное, Азовское и Каспійское) и горные хребты (Уральскій, Кавказскій и Карпатскій). Но моря здѣсь не имѣютъ такого значенія для населенія, какъ на Западѣ, по своей отдаленности отъ центра страны и по слабому развитію береговой линіи сравнительно съ пространствомъ территоріи. Въ большинствѣ ихъ свободный выходъ стѣсненъ, навигація зимою затруднительна или совсѣмъ невозможна. Что касается горъ, то онѣ только опоясываютъ или обрамляютъ мѣстами великую равнину Восточной Европы и имѣютъ лишь слабое вліяніе на устройство поверхности и распредѣленіе водъ (съ Карпатъ и Кавказа бѣгутъ лишь не-

значительныя второстепенныя рѣки). Внутри великая восточная равнина также представляет разительную противоположность чрезвычайно неровной почвѣ Запада. Только въ срединѣ она немного поднимается и образует холмистую возвышенность (Алаунскую). Здѣсь берутъ начало всѣ большія рѣки страны — Волга, Днѣпръ, Донъ, Западная Двина, съ ихъ безчисленными притоками, служившія въ древности почти единственными путями сообщенія. Рѣки восточной равнины, многоводныя, широкія и глубокия, играли ту же роль, что моря на Западѣ: по теченію рѣкъ селились племена и распространялась гражданственность, на берегахъ ихъ строились города и поселки, по рѣкамъ велись торговыя сношенія какъ внутри страны, такъ и съ другими народами (греками, арабами, западными европейцами). Рѣки служили главнымъ орудіемъ сближенія между племенами, населявшими Вост. Европу: онѣ много содѣйствовали единству народному и государственному. Къ тому же вело и отсутствіе естественныхъ преградъ на громадной равнинѣ Восточной Европы при однообразіи природныхъ формъ: отсюда явилось однообразіе въ занятіяхъ населенія, одинаковость въ обычаяхъ, нравахъ, вѣрованіяхъ. Въ прямую противоположность Западу, населеніе Востока Европы, рано или поздно, должно было соединиться въ о д и н ъ великій народъ, который ищетъ опоры въ сплоченіи и стремится къ сильному самодержавію, какъ основѣ своего единства и силы въ борьбѣ съ внѣшними врагами.

Появленію и умноженію этихъ враговъ также много способствовали природныя условія страны, что и отразилось на ходѣ русской исторіи.

Въ южной половинѣ Россіи залегаютъ обширныя степи, поросшія высокою травою, мѣстами песчанья и солончаковыя. На востокѣ онѣ сливаются съ великой равниной Средней Азіи, откуда издавна и безпрепятственно приливали безъ перерыва, одна за другой, многочисленныя хищныя орды азіатскихъ кочевниковъ (гунны, авары, хозары, печенѣги, половцы, татары). Вслѣдствіе этого на югѣ и не могъ утвердиться прочный государственный порядокъ. Славянскимъ племенамъ, осѣвшимъ было въ плодородной долинѣ Днѣпра и усвоившимъ уже себѣ начатки образованія и христіанства изъ Византіи, пришлось тратить свои силы на борьбу съ свирѣпыми кочевниками и даже отодвинуться частью на непривѣтливый сѣверъ, покрытый въ древности дремучими лѣсами, озерами и болотами. Здѣсь, въ бассейнѣ Оки, притока Волги, прочно осѣло отличное отъ южанъ-малоруссовъ великое о р у с с к о е п л е м я, образовавшееся изъ слиянія славянской

и финской народностей. Выросшіе въ сравнительно бѣдной природой странѣ, въ борьбѣ съ довольно суровымъ климатомъ, терпѣливые и энергичные, предприимчивые и расчетливые великоруссы, во главѣ съ такими же князьями, объединили окрестныя племена подъ одною властію, дали отпоръ кочевникамъ-татарамъ, подчинившимъ было себѣ Русь, и мало-по-малу образовали, въ неустанной борьбѣ съ сосѣдями, сильное государство. Но эта жизнь среди неблагоприятныхъ историческихъ и физическихъ условій не давала населенію простора и досуга для занятія науками и искусствами, препятствовала надлежащему развитію промышленности и торговли. И, принявъ на свою грудь удары азіатовъ-кочевниковъ, служа такимъ образомъ для Зап. Европы оплотомъ отъ нашествія этихъ варваровъ, русские, значительно отстали въ развитіи образованности и торгово-промышленной дѣятельности отъ народовъ Запада, пока не сложились въ одинъ сильный народъ.

Славянское племя.

Происхожденіе славянъ. Славяне принадлежатъ къ большой семьѣ племенъ, происходящихъ отъ одного древняго народа — а р і й ц е в ѣ или индоевропейцевъ, въ незапамятныя времена жившихъ въ Средней Азій, у верховьевъ рѣки Аму-Дарьи. Размножившись, арийцы расселились изъ своего отечества въ разныя стороны. Такъ образовались отдѣльныя племена—въ Европѣ греко-италики, кельты, германцы, литовцы и славяне, въ Азій—иранцы и индусы. Переходъ литово-славянской группы аріевъ въ Европу относятъ къ 1000—600 гг. до Р. Х.; здѣсь группа эта окончательно распалась на славянъ и литовцевъ. Уже въ это далекое время славяне вышли изъ первобытнаго состоянія дикарей—умѣли приручать нѣкоторыхъ животныхъ, занимались скотоводствомъ, знали земледѣліе, шитье, тканье и плетенье.

Центральнымъ мѣстомъ поселенія славянъ въ Европѣ считаютъ Прикарпатскій край, куда прибила ихъ волна народныхъ передвиженій въ эпоху великаго переселенія народовъ,—и частію плодородныя мѣстности по среднему теченію Дуная. Отсюда славяне, подъ напоромъ кочевниковъ, постепенно расселились на сѣверъ, югъ и сѣверо-востокъ и раздѣлились на три группы: славянъ ю ж н ы х ъ—болгарь, сербовъ и хорватовъ, з а п а д н ы х ъ—чехо-моравовъ, поляковъ и славянъ полабскихъ и в о с т о ч н ы х ъ или русскихъ. Начиная съ VII вѣка по Р. Хр., славяне основали нѣсколько отдѣльныхъ го-

сударствъ—чешское, польское, болгарское, и русское. Последнее образовалось въ IX вѣкѣ. Съ этой поры и можно начать исторію нашей страны, пользуясь лѣтописными рассказами и другими источниками.

Разселеніе и древнѣйшій бытъ восточныхъ славянъ.

Первоначально славяне, какъ и всѣ первобытные народы, жили въ родовомъ быту—особыми группами, или р о д а м и (родъ—разросшаяся, разродившаяся семья), разселившимися особнякомъ. Каждый родъ почиталъ своего родоначальника и связанъ былъ круговой самообороной (родовая мечь). Съ теченіемъ времени роды, постепенно разрастаясь, сформировались въ племена, связавшія славянъ, жившихъ въ одной мѣстности, единствомъ языка, общими обычаями и преданіями о наиболѣе почитаемомъ родоначальникѣ. По описанію лѣтописи, восточные славяне въ IX в. занимали пространство отъ озера Ильменя до верховьевъ Оки и Волги и далѣе по Днѣпру и его притокамъ, по Днѣстру, по верховьямъ Буга и Западной Двины. Они дѣлились на нѣсколько небольшихъ племень, жившихъ отдѣльно одно отъ другого и получившихъ названіе или отъ мѣстъ поселенія, или отъ родоначальниковъ. Сѣверная часть славянъ, жившая по озеру Ильмену и по рѣкамъ, впадающимъ въ него, называлась общимъ именемъ—с л о в е н а м и (ильменскими). По верховьямъ Днѣпра, Западной Двины и Волги поселилось самое многочисленное среди восточныхъ славянъ племя к р и в и ч е й. Славяне, поселившіеся на поляхъ по среднему теченію Днѣпра, назывались п о л я н а м и. Къ западу отъ нихъ по бассейну Припети жили д р е в л я н е, названные такъ по густымъ лѣсамъ, покрывавшимъ ихъ страну. Къ сѣверо-востоку отъ полянъ, по рѣкѣ Деснѣ, разселились с ѣ в е р я н е. Болотистую мѣстность между Припетью и Западной Двиной заняли д р е г о в и ч и (дрягва—болото). На притокѣ Днѣпра—Сожѣ жили р о д и м и ч и (отъ родоначальника—Родимъ); далѣе, по верховьямъ Оки—в я т и ч и (отъ родонач. Вятко), самое восточное изъ славянскихъ племень. По Западному Бугу жили б у ж а н е (вольняне или дулѣбы), по Днѣстру и Пруту—у л и ч и и т и в е р ц ы и, наконецъ, въ предѣлахъ нынѣшней восточной Галиціи—б ѣ л о х о р в а т ы.

Разселившись на огромномъ пространствѣ, среди болотъ и лѣсовъ, отдѣльными группами, родичи невольно выходили изъ-подъ власти родовыхъ старшинъ. Мѣсто родовладыки заступалъ хозяинъ двора каждаго семейства. Роды начали дробиться на мелкія хозяйства семьями. Эти семьи объединяла иногда общая опасность отъ грозившаго всѣмъ врага. Въ

этихъ случаяхъ представители родовъ, или, точнѣе, главы семей, старшины, собирались на совѣщаніе, называвшееся вѣчемъ (отъ слова вѣщать, говорить). Постепенно славяне стали слгаться въ общины уже по интересамъ хозяйственнымъ и торговымъ, смотря по преобладавшимъ въ той или другой мѣстности занятіямъ (звѣроловство у древлянъ, земледѣліе у полянъ и т. д.).

Больше всего славяне любили заниматься хлѣбопашествомъ, съиздавна чтили и высоко цѣнили «землю — матушку-кормилицу». Благодаря повсемѣстному обилію лѣсовъ, рядомъ съ земледѣліемъ развиваются лѣсные промыслы, добычаніе меда и воска и охота за пушнымъ звѣремъ съ торгово-промышленными цѣлями. Воскъ, медъ и шкуры звѣрей издавна были предметомъ мѣновой торговли, особенно для племенъ, жившихъ по главной торговой дорогѣ къ Царьграду — по Днѣпру.

Селились славяне, обыкновенно, по берегамъ рѣкъ и озеръ, на высокихъ мѣстахъ, чтобы водой не затопило въ половодье. Жилищами ихъ были простыя деревянныя избы (истба—отъ истопка). Печей и дымовыхъ трубъ не умѣли дѣлать, а устраивали среди жилища очаги, на которыхъ и разводили огонь, при чемъ дымъ уходилъ въ отверстіе въ крышѣ или стѣнѣ. Были у славянъ и города, состоявшіе изъ ряда такихъ же избъ, огороженныхъ тыномъ изъ толстыхъ бревенъ или землянымъ валомъ, куда и укрывались жители окрестныхъ поселковъ, въ случаѣ нападенія врага. Нѣкоторые изъ этихъ городовъ, основанные на большихъ водныхъ путяхъ, по которымъ шла мѣновая торговля съ сосѣдями, или вблизи этихъ путей приобрѣли особенное значеніе, расширились, стали мало-помалу торгово-промышленными центрами для извѣстной мѣстности, притягивая къ себѣ окрестныя племена и являясь для нихъ убѣжищемъ, въ случаѣ внѣшней опасности. Таковы были: у ильменскихъ славянъ—Новгородъ, у кривичей—Псковъ и Смоленскъ, у полянъ—Кіевъ, у сѣверянъ—Черниговъ; кромѣ того у славянъ, поселившихся среди финновъ при озерѣ Неро (въ нынѣшней Ярославской губерніи),—Суздаль и Муромъ.

Благодаря вліянію городовъ, старый племенной бытъ славянъ постепенно измѣнялся. Сходившіеся съ разныхъ сторонъ въ города, люди теряли связи съ родовыми союзами и, смотря по своимъ дѣламъ и занятіямъ, соединялись въ иного рода сообщества—военныя и торговыя или промышленныя. Такъ зарождались своего рода общественные классы—купцовъ, воиновъ и т. д. Становясь сборнымъ пунктомъ для наиболѣе пред-

пріимчивыхъ и смѣлыхъ людей изъ среды населенія и центровъ для окружавшихъ хозяйственныхъ общинъ, городъ пріобрѣталъ власть надъ ними, при чемъ въ предѣлы «волости» города попадали зачастую родовыя общины изъ разныхъ племенъ (такъ, напр., Кіевъ, кромѣ, полянъ притянулъ къ себѣ и часть древлянъ; Новгородъ управлялъ и кривичами). Городское вѣче пріобрѣло большую силу и значеніе среди окрестнаго населенія.

Вслѣдъ затѣмъ въ нѣкоторыхъ городахъ выдвинулась и власть князей (славянское видоизмѣненіе германскаго слова «конунгъ»),—такъ назывались у славянъ главы сборныхъ «дружинъ», охранявшіе города и торговые пути отъ нападенія враговъ, а также наиболѣе почтенные и вліятельные племенные вожди (въ лѣтописи встрѣчаются имена такихъ князей—Аскольдъ и Диръ въ Кіевѣ, Малъ—у древлянъ).

Такъ, постепенно, расселившись на громадномъ пространствѣ Восточной Европы, славянскія племена стали перемѣшиваться между собою и составили рядъ мелкихъ политическихъ общинъ, управлявшихся двумя властями: городскими вѣчами и городскими или племенными князьями. Въ связи съ этимъ они теряютъ и прежнія свои племенные названія и называются, большею частію, уже по городамъ—новгородцы, кіевляне и т. д. Со 2-й половины IX вѣка начинается объединеніе ихъ въ одинъ большой союзъ. Помимо чисто внѣшнихъ причинъ, этому способствовала и одинаковость въ бытѣ, нравахъ и обычаяхъ славянъ, объясняемая общностью ихъ происхожденія. Последнее сказалось уже на внѣшнемъ видѣ нашихъ предковъ.

По отзывамъ иноземныхъ писателей, славяне отличались высокимъ ростомъ, русымъ цвѣтомъ волосъ, румянымъ лицомъ и сѣрыми глазами. Они обладали большою силой и необыкновенной выносливостью, смолоду пріучались переносить зной, холодъ и голодъ. Сыздавна они славились храбростью и стойкостью въ бою. Славянскіе воины дрались пѣшіе, желѣзными топорами, ножами, дротиками и мечами и искусно стрѣляли изъ лука. Кромѣ копья и стрѣлъ, иногда намазанныхъ ядомъ, славяне употребляли на войнѣ еще большіе деревянные щиты; панцырей и латъ у нихъ въ первое время не было. Не имѣя правильнаго строя, славяне не любили открытаго боя; они были мастера дѣлать засады и отсиживаться въ городищахъ или подолгу лежать подъ водой, при чемъ дышали чрезъ выдолбленный тростникъ, держа одинъ конецъ его въ зубахъ, а другой—надъ водою.

Добродушные и миролюбивые по природѣ, во время войны славяне становились иногда такъ свирѣпы, что не

давали пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ, и страшно истязали попавшихся къ нимъ въ руки, враговъ. Особенною грубостію отличались нравы у тѣхъ племень, которые вели охотничью жизнь. Поводомъ къ кровавой расправѣ и жестокостямъ служилъ также распространенный у славянъ обычай кровной мести, когда цѣлый родъ мстилъ другому за убійство своего сочлена. Вообще родовыя убійства и постоянные взаимные раздоры и распри, при отсутствіи законовъ и общей власти, которой бы всѣ безпрекословно подчинялись, были обычнымъ явленіемъ въ жизни славянъ

Семейная жизнь славянъ основана была на повиновеніи младшихъ членовъ рода начальнику, дѣтей — отцу. Послѣ его смерти власть переходила къ старѣйшему члену семьи, сперва къ братьямъ покойнаго, если таковые были подъ его властью, потомъ послѣдовательно къ его сыновьямъ, начиная со старшаго. Женщина находилась въ подчиненіи у своего мужа и исполняла тяжкія домашнія работы. Встрѣчалось даже многоженство: кто былъ побогаче, могъ имѣть двухъ, трехъ женъ и больше. Существовалъ обычай «умыканія» или похищенія невѣсты во время «игрищъ» или религіозныхъ празднествъ, въ которыхъ участвовали и дѣвушки изъ разныхъ родовъ, что указываетъ на свободу, которою онѣ пользовались. Родичи, однако, не любили уступать дѣвушку, эту полезную работницу въ полѣ и домѣ, другому роду, — отсюда обычай платить за невѣсту выкупъ или вѣно. Остатки этихъ обычаевъ и доселѣ сохранились въ свадебныхъ обрядахъ нашего народа. Обычное добродушіе славянъ смягчало зависимость слабѣйшаго пола отъ сильнѣйшаго, и многія изъ женъ такъ были привязаны къ своимъ мужьямъ, что иногда даже добровольно сжигались на кострахъ съ ихъ трупами. Славянки иногда ходили въ походъ вмѣстѣ съ ратниками, мстили за смерть своихъ мужей, снискивая тѣмъ себѣ общее уваженіе; эпическія пѣсни представляютъ намъ смѣлыхъ героинь среди древнихъ богатырей и ихъ матерей, окруженныхъ роскошью и необыкновенными почестями. Послѣ основанія государства, восточными славянами управляла нѣкоторое время со славою женщина (княгиня Ольга).

Добродушіе славянъ отразилось въ ихъ радушіи и гостеприимствѣ по отношенію даже къ иноземцамъ и въ ихъ мягкомъ отношеніи къ плѣннымъ и рабамъ. «Гостемъ» они называли одинаково и странника, и торговца. Все добро хозяина было къ его услугамъ; для него можно было даже украсть. Съ плѣнными славяне обходились дружелюбно; цѣня выше всего свободу, они назначали срокъ ихъ рабству, отпускали ихъ за выкупъ

а если освобожденные не хотѣли возвращаться, то могли жить и среди славянъ на свободѣ

Религія славянъ. Земледѣльческій и родовой бытъ славянъ отразился и на ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Они боготворили силы и явленія природы, вліяніе которыхъ сказывалось на успѣхахъ земледѣлія, и кромѣ того почитали души умершихъ предковъ

Древнѣйшимъ божествомъ бытъ **С в а р о г ъ**—небо со всѣми его явленіями; его дѣти—Сварожичи—представляютъ отдѣльныя небесныя явленія. Таковы были—божество солнца **Д а ж б о г ъ** (Дажьбогъ), податель всѣхъ благъ или Хорсъ, «горящій»; его чествовали также подъ именемъ **В е л е с а** (или Волоса), бога жатвы и скотоводства; далѣе слѣдоваль богъ вѣтра—**С т р и б о г ъ** и богъ грома и молніи—**П е р у н ъ**, являвшійся въ воображеніи славянъ съ палицей («перище» отъ «пърати»—поражать), лукомъ (радуга) и стрѣлами (молніи).

Представленія объ этихъ божествахъ у славянъ не успѣли, впрочемъ, выработаться и носили довольно смутный характеръ. Предъ концомъ язычества, въ эпоху князей-дружинниковъ, наши предки выше всего ставили Перуна-громовника, какъ бога войны, и «скотьяго бога» Велеса, между прочимъ, какъ покровителя торговли и вдохновителя пѣвцовъ и гуслиаровъ.

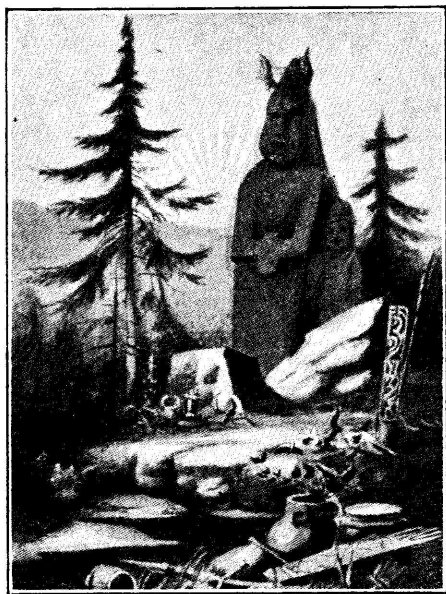
Славянинъ почиталь еще цѣлый рядъ второстепенныхъ божествъ, въ которыхъ олицетворялись различныя силы и явленія природы. Остатки этихъ вѣрованій сохранились, напримѣръ, въ нашихъ народныхъ сказкахъ о **К о щ е ѣ** **Б е з с м е р т н о м ѣ** (олицетвореніе мороза) и **Б а б ѣ** **Я г ѣ** (олицетвореніе вьюги). Земледѣлецъ-славянинъ особенно любилъ поле и луга, и въ его глазахъ каждая травка и цвѣтокъ представлялись чѣмъ-то живымъ: они ходили по полю, пропадали, превращались, издавали голоса. Отголоски этихъ вѣрованій слышатся и доселѣ въ разныхъ заговорахъ и заклинаніяхъ.

Вѣра въ духовъ природы переплеталась съ вѣрой въ духовъ предковъ. Это были самые близкіе славянину боги; память о нихъ хранится и доселѣ. Особымъ почитаніемъ пользовался **Ч у р ъ** или **Щ у р ъ**—родовладыка, дѣдь. (Ср. наше восклицаніе «чурь меня!», т.-е. храни меня, дѣдь!, а также уцѣлѣвшее и доселѣ слово «пращуръ»). Самыми же живыми олицетвореніями сельскаго быта и вѣрованій въ домашнихъ боговъ были дѣдушка—**Д о м о в о й**, **В о д я н о й**, **Л ѣ ш і й** (лѣсной дѣдь) и **П о л е в о й** или житный дѣдь. Домовой смотритъ за домомъ и всѣмъ помогаетъ, заплетаетъ гривы лошадамъ и т. п. Онъ принимаетъ на себя разные

образы—дѣлается о б о р о т н е м ъ. Этой способностью обладали, впрочемъ, по вѣрованію славянъ, и вообще души умершихъ. Они блуждали часто огонькомъ по болотамъ, могиламъ, прилетали ласточками; на зиму они оставались подъ землею, весною воскресали, жили въ лѣсахъ, на деревьяхъ—любимомъ пребываніи р у с а л о к ъ (отъ слова русый, свѣтлый, ясный,—такъ называли славяне души умершихъ, преимущественно женщинъ и дѣтей, обитавшихъ въ рѣкахъ, которыя представлялись путями въ подземное царство)

Этими вѣрованіями въ духовъ природы и предковъ опредѣлился и самый характеръ древнихъ празднествъ и обрядовъ связанныхъ, по большей части, съ перемѣнами въ жизни природы. Таковы праздники Коляды, Красной Горки, Купалы и др.

Первый праздникъ въ честь бога солнца — Коляда (отъ коло, колесо, кругъ, солнце—праздникъ рожденія солнца, когда оно «поворачиваетъ на лѣто» и дни начинаютъ прибывать; другое названіе того же праздника «о-весень» отъ о-весень), слившійся потомъ, по принятіи христіанства, съ праздникомъ Рождества. Зажигали по-

Идолское мольбище.

лѣно, изображавшее солнце, золой посыпали поле. Обмолачивали «житнаго дѣда» (снопь) и зерна раздавали мальчишкамъ, которые ходили «колядовать», осыпая зерномъ избы въ знакъ урожая. Празднества сопровождались переряживаніями, гаданьемъ (т.е. бесѣдой съ духами предковъ). Второй праздникъ конца зимы, — жгли и топили соломенное чучело, т.е. зиму (теперь это приурочено къ масленицѣ), послѣ чего выѣзжала Весна верхомъ на колесѣ (солнце). Всѣ шли «на горы» (могилы), которыя поливали медомъ и уставляли яствами для покойниковъ («радуница»—весеннія поминки по умершимъ). Молодежь выходила на холмы звать Весну-

красну (отсюда «Красная Горка»). Третій большой праздник справлялся, когда деревья покрывались листьями. Дѣвушки убирали лентами зеленыя березки, завивали вѣнки, пѣли пѣсни, водили хороводы; начинались разныя игрища, при чемъ женихи «умыкали» невѣсть. Лѣтомъ, въ іюнѣ, шумно и весело справляли праздникъ Купалы (пріуроченный потомъ къ 24 іюня—отсюда названіе Ивана Купалы), когда купались ночью, пировали, прыгали черезъ костры, собирали цѣлебныя травы.

Во многихъ мѣстностяхъ Россіи обряды и игры, имѣвшіе мѣсто на подобныхъ празднествахъ, сохранились и доселѣ, являясь нагляднымъ указаніемъ на обычаи и вѣрованія древнихъ славянъ. Точно также въ простомъ народѣ сохранилась доселѣ старинная вѣра въ возможность предузнавать и предсказывать будущее по разнымъ примѣтамъ, и въ силу заговоровъ. «Вѣщіе» люди, умѣвшіе объяснять «знаменія» и гадать, знавшіе пѣлебныя свойства растений и заговоры, назывались у древнихъ славянъ в о л х в а м и или к у д е с н и к а м и и пользовались большимъ почетомъ и уваженіемъ.

Особыхъ храмовъ въ честь боговъ и для совершенія общественнаго богослуженія у восточныхъ славянъ не было; храмомъ ихъ была природа и домашній очагъ—они молились своимъ богамъ по рощамъ у озеръ, у рѣкъ, на возвышенныхъ мѣстахъ, и чаще всего дома, чувствуя главнаго покровителя семьи—домового. Особыхъ жрецовъ у русскихъ славянъ также не было,—совершались жертвы старцами, старшинами родовъ. Идолопоклонство возникло лишь подъ конецъ язычества, когда стали дѣлать изображенія боговъ въ видѣ людей, обыкновенно изъ дерева. Тогда появились, напр., большія статуи Перуна въ Кіевѣ и Новгородѣ, Велеса—въ Ростовѣ, а также т р е б и щ а (треба — жертва) или к а п и щ а (копотъ — дымъ), гдѣ ставили идола и камень для жервоприношенія. Въ жертву приносили плоды животныхъ; подъ конецъ язычества явились и человѣческія жертвы. Вѣря въ загробную жизнь, славяне представляли ее продолженіемъ земной. Покойниковъ они зарывали въ землю, а иногда сожигали, при чемъ клали вмѣстѣ съ трупомъ и любимыя вещи умершаго—утварь, оружіе, его собаку, коня, пищу и питье въ чайніи, что все это потомъ понадобится. Тѣло умершаго иногда при сожженіи клали на ладью, чтобы душѣ легче было приплыть по рѣкамъ въ подземное царство, которое по мифологическимъ представленіямъ славянъ, находилось въ глубинахъ моря. Послѣ погребенія на могилахъ устраивали пиръ и воинскія игры—боролись, бѣгали взапуски. Такъ совершалась т р и з н а по умершимъ

Языческая религія, ея обряды и празднества, а равно и самыя вѣрованія восточныхъ славянъ не успѣли еще выработаться и принять опредѣленный характеръ, когда на Руси, благодаря сношеніямъ съ Византіей, распространилось христіанство.

Сосѣди славянъ.

По сосѣдству съ восточными славянами жило нѣсколько инородныхъ племень, а именно: финны, литовцы, болгары, норманны (варяги), хозары и печенѣги.

Ф и н н ы, составляющіе одну изъ отраслей монгольской расы и называвшіеся у славянъ чудью (нынѣ чухны), дробились на множество мелкихъ племень (чудь, весь, меря, мурома, мордва, мещера, черемиса, пермь, печора, югора и самоѣды). Они занимали весь сѣверный край нынѣшней Россіи отъ Балтійскаго моря до Уральскаго хребта. Финны занимались звѣроловствомъ и рыболовствомъ, жили разбросанно, небольшими поселками, и не были опасны своимъ сосѣдямъ. Сѣверные славяне вели съ ними торговыя сношенія и безпрепятственно селились среди нихъ, мирно подчиняя ихъ своему вліянію. (Такъ постепенно ославянились весь, меря, мурома—вошедшіе въ составъ великорусскаго племени). Финны обоготворяли явленія природы; главнымъ божествомъ у нихъ былъ *Юмала* — богъ неба, грома и молніи. Въ Финляндіи сохранилась древняя поэма—*Калевала*, гдѣ воспѣты финскіе богатыри-чародѣи. Сѣверные финны поклонялись камнямъ, медвѣдямъ и вѣрили въ злыхъ духовъ, во главѣ которыхъ стоялъ страшный *Кереметь*. Финны вообще представляются племенемъ очень бѣднымъ, скудно одареннымъ физическими и духовными силами; они такъ же некрасивы и угрюмы, какъ ихъ сѣверная природа. Изъ всѣхъ финскихъ племень только пермь или *біармія* (пермское племя иначе называется *зырянами*) достигло значительнаго развитія и сохранилось до XIII вѣка; оно славилось своимъ богатствомъ, находясь въ торговыхъ сношеніяхъ съ болгарями и норманнами.

Л и т о в ц ы—народъ арійскаго происхожденія, когда-то составлявшій одну группу со славянами, сильно отсталъ въ своей исторической жизни отъ славянскихъ племень. Обитая въ лѣсистой и болотистой мѣстности, по нижнему теченію Западной Двины, Нѣмана и Вислы, дѣлясь на нѣсколько мелкихъ племень, долго жившихъ въ полудикомъ состояніи, литовцы лишь въ XIII в. объединяются и образуютъ самостоятельное государство, явившееся опаснымъ сосѣдомъ Юго-западной Руси.

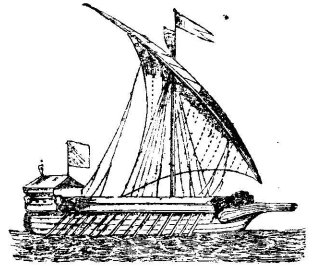
Литовскія племена дробились на мелкія, независимыя одно отъ другого, владѣнія и общины, во главѣ которыхъ стояли князья (кунигасы), сильно, однако, ограниченные въ своей власти вліяніемъ жрецовъ и проявлявшіе свою силу и значеніе только во время войны. Племенную связь между этими разрозненными поселками поддерживали общіе нравы, языкъ и особенно вѣрованія. Религія литовцевъ имѣла не мало общаго со славянской и состояла въ поклоненіи силамъ и явленіямъ природы, которую литовцы населяли массою божествъ разнаго рода. Главнымъ божествомъ былъ Перкунь, богъ молніи и грома, предъ идоломъ котораго горѣлъ неугасимый огонь. Религіозное усердіе литвиновъ выражалось обильными жертвоприношеніями животныхъ (лошадь, быкъ, козель и др.). Приносили и человѣческія жертвы—плѣнниковъ или дѣтей. Иногда старцы, больные и увѣчные заживо всходили на костеръ и сожигались, считая такую смерть самою пріятною богамъ. Жрецы (вайделоты, высшіе изъ нихъ назывались кривейты) пользовались большимъ значеніемъ въ народѣ. Погребальныя обычаи Литвы сходны были съ славянскими. Вѣря въ загробную жизнь и считая ее продолженіемъ земной, литовцы сожигали покойниковъ съ ихъ любимыми вещами, конемъ, оружіемъ и даже рабами. Погребеніе сопровождалось пиршествомъ.

Литвины были люди крѣпкаго мускулистаго сложенія, бѣлолицыя, съ свѣтлыми волосами и голубыми глазами. Въ домашнемъ быту отличались добродушіемъ и гостепріимствомъ; на войнѣ были суровы и хищны, какъ и всѣ полудикія племена. Занимались они, по преимуществу, охотой въ своихъ дремучихъ пущахъ, изобиловавшихъ множествомъ всякихъ звѣрей, питались мясомъ звѣрей, рыбой, кониной; обычнымъ напиткомъ было молоко кобылицъ. Обстановка и условія жизни у нихъ были самыя простыя: они жили въ земляныхъ или бревенчатыхъ дымныхъ хижинахъ, освѣщаемыхъ лучинами, съ окнами, затянутыми звѣриной кожей. Какъ и у другихъ народовъ, низшихъ въ родовомъ быту, у нихъ существовалъ обычай кровавой мести, сопровождавшійся проявленіями большой жестокости. Женъ они покупали и держали ихъ въ рабскомъ состояніи. Въ случаѣ голода, прежде всего убивали женщинъ. Отецъ имѣлъ право убивать своихъ больныхъ дѣтей, а дѣти—старыхъ и больныхъ родителей, какъ лицъ, которыя служаль въ тягость и себѣ и другимъ, а въ загробной жизни будутъ веселиться съ богами.

Б о л г а р ы, осѣдлый торговый народъ тюркскаго племени, жили по рѣкамъ Камѣ и Волгѣ (отъ послѣдней получили и свое названіе; одна изъ болгарскихъ ордъ въ V вѣкѣ отдѣ-

лилась и дошла до Дуная, гдѣ, смѣшавшись съ славянами, образовала впоследствии царство Болгарское). Живя на торговомъ пути по самымъ большимъ рѣкамъ Вост. Европы, болгары вели обширную торговлю. Въ ихъ столицѣ В е л и к и х ъ Б о л г а р а х ъ (близъ нынѣшней Казани) сходились купцы финскіе, славянскіе, персидскіе и арабскіе. Болгарское царство сохранялось до XIII в. (до нашествія татаръ); потомки ихъ живутъ и теперь близъ Казани, подъ именемъ ч у в а ш е й.

Н о р м а н н ы—жители Скандинавіи, народъ германскаго происхожденія, были ближайшими сосѣдями славянъ на Сѣверѣ и рано вступили съ ними въ сношенія. Суровая, непривѣтливая природа Скандинавіи заставила норманновъ искать себѣ пропитанія въ морѣ. Въ поискахъ за добычей, шайки этихъ удалцовъ, подъ начальствомъ викинговъ или морскихъ королей (отсюда русское слово «витязь»), часто дѣлали набѣги на своихъ легкихъ ладьяхъ на прибрежныхъ жителей Европы и иногда даже утверждали тамъ свою власть (какъ, напр., въ Англіи въ нач. XI в., въ Сѣверо-Западной Франціи въ нач. X в., въ Южной Италіи въ XI в.). Норманны называли себя «варингеръ» (вооруженные люди),—потому славяне и прозвали ихъ в а р я г а м и. Къ варяжскимъ дружинамъ присоединялись нерѣдко удалцы изъ литовскихъ и славянскихъ племенъ, жившихъ у береговъ Балтійскаго моря. Эти сбродныя дружины пробирались и въ Константинополь по «великому водному пути изъ варягъ въ греки»: изъ Финскаго залива рѣкой Невой до Ладожскаго озера, по Волхову въ Ильмень, отсюда рѣкой Ловатью, затѣмъ перетаскивали (волокомъ) лодки въ Днѣпръ и спускались въ Черное море. Въ столицу Греціи они ѣздили для наживы, торгуя награбленнымъ добромъ или же нанимались въ императорскую гвардію. Проходя много разъ черезъ земли финновъ и славянъ и пользуясь разрозненностію этихъ племенъ, норманскія дружины, въ сообществѣ съ удалцами изъ тѣхъ же славянъ, нерѣдко подчиняли ихъ своей власти, облагая данью. Этимъ они полагали начало невольному объединенію славянскихъ и финскихъ племенъ и способствовали пробужденію сознанія необходимости единой власти, для внутренняго порядка при раздорахъ родовъ и борьбѣ ихъ за первенство, и для болѣе успѣшной борьбѣ съ внѣшними врагами.

Норманская ладья.

Х о з а р ы, народъ тюркскаго племени, образовали довольно обширное и могущественное государство на пространствахъ отъ Днѣпра до Волги. Подлѣ Астрахани найдены остатки ихъ обширной столицы И т л я, бывшей центромъ ихъ торговли съ греками, славянами, евреями и арабами. Въ Итилѣ, благодаря этому, мирно уживались, другъ подлѣ друга, представители четырехъ религій: языческой, магометанской, христіанской и еврейской и послѣднюю исповѣдывалъ к а г а н ь—духовный владыка и верховный повелитель хозарь. Хозары были народъ полуосѣдлый: хотя у нихъ и существовали города, но большинство народонаселенія жило въ кибиткахъ, немногіе богатые имѣли глиняныя мазанки и только у кагана были высокія кирпичныя хоромы. Лѣтомъ Итиль пустѣлъ: жители забирали имущество и откочевывали въ степь. Хозары постепенно распространили свое владычество отъ Каспія до Терека, Крыма и Днѣпра; на Дону основанъ былъ ими другой большой городъ—Саркелъ или Бѣлая Вежа. Въ IX вѣкѣ они подчинили себѣ славянскія племена полянъ, вятичей и радимичей и брали съ нихъ дань. Владычество хозарь надъ славянами, между прочимъ, способствовало развитію торговли съ Востокомъ. Пользуясь ихъ покровительствомъ, славянскіе купцы стали плавать по Волгѣ, спускались въ Каспійское море, достигали юго-восточныхъ его береговъ и даже на верблюдахъ провозили свои товары до Багдада. Прочно укрѣпившись на нижней Волгѣ, хозары долгое время сдерживали напоръ кочевыхъ ордъ изъ Азіи, давая тѣмъ возможность русскимъ славянамъ крѣпко освоить Днѣпръ и его водную дорогу въ Византію. Силу хозарь подорвали набѣги новыхъ выходцевъ изъ-за Урала—п е ч е н ѣ г о в ь, а затѣмъ походы русскихъ князей (особенно Святослава).

П е ч е н ѣ г и—народъ тюркскаго племени—къ исходу IX в. пробились черезъ Хозарскую землю въ южныя степи, захвативъ все пространство ихъ отъ Дуная до Дона. Дѣлились печенѣги на 8 огромныхъ ордъ, четыре изъ которыхъ кочевали къ западу отъ Днѣпра, грабя Дунайскую границу Византіи; другія четыре кочевали къ востоку отъ Днѣпра, грабя русскихъ славянъ и вредя ихъ торговому пути по Днѣпру на Черное море. Были печенѣги хищнымъ, жестокимъ и дикимъ народомъ, не сумѣвшимъ даже принять отъ сосѣдей культуры и образованности. Въ XI в. новый кочевой народъ—половцы—заняли становища печенѣговъ, частью ихъ покоривъ, частью истребивъ съ помощью Византіи.

Начало Русскаго государства.

Разсказъ лѣтописи. Отдѣльныя племена восточныхъ славянъ постоянно враждовали между собою и не могли поэтому устоять противъ сильныхъ сосѣдей. Въ половинѣ IX в. «варяги изъ-за моря» брали дань со славянъ, жившихъ по Ильменю, и со всѣхъ кривичей, а также съ сосѣднихъ финскихъ племенъ — чуди и мери; въ то же время хозары наложили дань на полянъ, сѣверянъ и вятичей.

Надоѣло сѣвернымъ славянамъ платить дань варягамъ, и въ 862 году они общими силами ихъ прогнали. Но вслѣдъ затѣмъ у славянъ опять настали внутренніе раздоры и усобицы — «родъ возсталъ на родъ». Тогда, собравшись на вѣче, они, по предложенію новгородскаго старѣйшины **Гостомысла**, порѣшили искать себѣ князя на сторонѣ, чтобы онъ «владѣлъ ими и судилъ по праву». Славянскіе послы отправились «за море къ варяжскому племени Русь» и сказали русскимъ князьямъ: «Земля наша велика и обильна, да наряда (порядка) въ ней нѣтъ: приходите княжить и владѣть нами». Три варяжскихъ князя, братья **Рюрикъ**, **Синеусъ** и **Труворъ**, приняли это предложеніе и явились со своими дружинами. Старшій изъ нихъ Рюрикъ поселился въ Новгородѣ, Синеусъ на Бѣлоозерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ. Отъ нихъ и земля наша стала называться Русью. Событіе это было въ **862-мъ** году. Этотъ годъ и считается началомъ русскаго государства.

Спустя два года послѣ призванія князей, говоритъ лѣтопись, умерли оба младшіе брата Рюрика, и онъ сталъ править одинъ. Онъ началъ раздавать волости (области) своимъ «мужамъ», т.-е. главнѣйшимъ дружинникамъ и велѣлъ имъ «города рубити», т.-е. строить деревянныя крѣпости, гдѣ бы можно было держаться противъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Дружинники имѣли при себѣ вооруженные отряды и заставляли окрестныхъ жителей повиноваться князю и платить дань.

Двое изъ дружинниковъ Рюрика, **Аскольдъ** и **Диръ**, которымъ не досталось городовъ въ управленіе, отпросились у него со своими родичами въ Константинополь поискать добычи и счастья. По дорогѣ, плывя по Днѣпру, они захватили въ свои руки Кіевъ, городъ полянъ, и стали княжить надъ ними, освободивъ ихъ отъ дани хозарамъ. Около Аскольда и Дира собралось не мало удалцовъ-искателей приключеній, во главѣ которыхъ, на двухстахъ

ладьяхъ, они сдѣлали въ 865 году (по другимъ извѣстіямъ походъ былъ еще въ 860 г.) набѣгъ на Византію. Русы обступили Царьградъ и стали разорять его окрестности. Греки пришли въ ужасъ, тѣмъ болѣе, что императоръ (Михаиль) въ ту пору находился съ главными силами въ Азіи, гдѣ онъ воевалъ противъ арабовъ. Получивъ извѣстіе о нападеніи Руси, онъ поспѣшилъ въ столицу. Патріархъ Фотій взялъ изъ Влахернскаго храма чудотворную ризу Богородицы и совершилъ съ нею крестный ходъ вокругъ стѣнъ. Вѣсть о прибытіи императора съ войсками и буря, разбившая много русскихъ лодокъ, заставили Аскольда и Дира возвратиться въ Кіевъ. Вслѣдъ затѣмъ въ Кіевъ отправлены были греческіе миссіонеры, которымъ удалось окрестить многихъ русовъ, въ томъ числѣ, по преданію, крестились Аскольдъ и Диръ.

Весь этотъ лѣтописный рассказъ представляетъ изъ себя попытку лѣтописца XI в. составить связное изложеніе изъ отдѣльныхъ преданій, рассказываемыхъ въ Кіевѣ и Новгородѣ, такъ какъ достовѣрныхъ источниковъ о событіяхъ IX в. у лѣтописца не было. Теперь мы располагаемъ свѣдѣніями, какихъ не имѣлъ лѣтописецъ, почему можемъ дополнить рассказъ лѣтописца о началѣ Русскаго государства.

Тѣ восточные славяне, которые осѣли на среднемъ Днѣпрѣ, раньше другихъ вошли въ торговыя сношенія съ Византіей, почему раньше другихъ развились и разбогатѣли. Но они еще не успѣли устроить у себя крѣпкаго государства, какъ подпали подъ власть сильныхъ и образованныхъ сосѣдей—хозарь. Въ VIII в. по Днѣпру стали проходить въ Византію полчища варяговъ, которые захватили власть надъ здѣшними славянами, скинувъ съ нихъ власть хозарь. Варяги, осѣвшіе среди славянъ, скоро стали сливаться съ покоренными, усваивая ихъ языкъ, вѣру и нравы. Этыхъ варяговъ славяне называли Русью, и государство, образовавшееся на среднемъ Днѣпрѣ съ главнымъ городомъ Кіевомъ, стало отсюда называться Русью, какъ у самихъ славянъ, такъ и у сосѣдей

Слѣдующія полчища варяговъ уже не могли осѣдать на среднемъ Днѣпрѣ, потому что Русь была достаточно сильна, чтобы отбиться отъ нихъ. Новыя полчища варяговъ поэтому осѣдаютъ и захватываютъ власть надъ болѣе бѣднымъ природой и торговлей краемъ — Новгородскою землей. Укрѣпившись здѣсь и образовавъ сильное государство, сѣверные варяги стараются пробиться по великому водному пути, захвативъ все его теченіе въ свои руки. Это вело къ борьбѣ Новгорода съ Кіевомъ, гдѣ побѣда оставалась чаще всего за Новгородомъ

Но какъ только новгородскій князь сѣдился въ Кіевѣ, онъ сейчасъ подчинился культурной обстановкѣ Кіева, усваивая языкъ, нравы и вѣру Кіевскихъ славянъ. Отъ всего этого времени у лѣтописца XI в. сохранились только нѣсколько именъ Новгородскихъ князей, могилы которыхъ, вѣроятно, еще показывали въ Новгородской землѣ,—Рюрика, Синеуса и Трувора, да еще нѣсколько именъ князей Кіевскихъ—Аскольда и Дира. Изъ нихъ лѣтописецъ и составилъ тотъ рассказъ, который приводится выше.

Народная память ко времени составленія лѣтописи сохранила сказаніе о томъ, что послѣднимъ Новгородскимъ княземъ, овладѣвшимъ Кіевомъ и создавшимъ единое Русское государство, былъ князь Олегъ, послѣ котораго сѣдѣлъ князь Игорьъ. Связывая ихъ съ именами прежнихъ князей, лѣтописецъ и передаетъ помѣщаемый ниже рассказъ о дѣятельности князя Олега.

Объединеніе подъ властью Кіева. Сношенія съ Византіей. Борьба со степью.

Олегъ. Въ 879 году Рюрикъ умеръ. За малолѣтствомъ его сына Игоря сталъ княжить его родственникъ — Олегъ (879 — 912), князь очень предприимчивый, хитрый и воинственный.

Олегъ задумалъ забрать въ свои руки весь великій водный путь въ богатую Грецію и соединить подъ своей властью племена славянъ, жившихъ по Днѣпру. Собралъ онъ большое войско изъ варяговъ и всѣхъ подвластныхъ и даже неподвластныхъ ему племенъ — сѣверныхъ славянъ и финновъ и двинулся на югъ. На пути онъ окончательно подчинилъ себѣ кривичей, захвативъ у нихъ Смоленскъ, и затѣмъ взялъ обманомъ Кіевъ, убивши Аскольда и Дира. Кіевъ Олегу очень понравился, и онъ сдѣлалъ его своимъ стольнымъ городомъ, назвавши его, по словамъ лѣтописи, «матерью городовъ русскихъ».

По лѣтописному преданію, Олегъ овладѣлъ Кіевомъ посредствомъ слѣдующей хитрости. Оставивши позади главную рать, онъ приплылъ къ городу съ небольшою дружиной, скрытой въ лодкахъ, и послалъ сказать Аскольду и Диру, что земляки ихъ, варяжскіе купцы, ѣдутъ въ Грецію и желаютъ съ ними повидаться. Аскольдъ и Диръ пришли и тотчасъ же были окружены ратными людьми, повыскакавшими изъ лодокъ. «Вы — не князья и не княжескаго рода, сказалъ имъ Олегъ, а

я — роду княжескаго» и, указавъ на маленькаго Игоря, прибавилъ: «а вотъ сынъ Рюрика». Аскольдъ и Диръ были убиты и погребены на горѣ.

Для утвержденія своей власти въ покоренной области и для защиты отъ кочевниковъ со стороны степей, Олегъ началъ строить новые города, сажая въ нихъ своихъ дружинниковъ, и затѣмъ постепенно подчинилъ своей власти и обложилъ данью славянскія племена, жившія къ востоку и западу отъ Днѣпра (древлянъ, сѣверянъ и радимичей), освободивъ послѣднихъ отъ дани хозарамъ. Не довольствуясь скудной данью славянскихъ народовъ, Олегъ во главѣ громадной рати, составленной изъ всѣхъ подчиненныхъ ему племенъ (на 2000 ладьяхъ — по словамъ лѣтописи), совершилъ морской походъ на Византію; онъ осадилъ самый Царьградъ, страшно опустошилъ окрестности его, нещадно избивая жителей, и отступилъ только тогда, когда греки заплатили ему большой выкупъ. Олегъ воротился въ Кіевъ съ богатой добычей, которая состояла изъ золота, паволокъ (шелковыя ткани), греческихъ винъ и другихъ товаровъ. Результаты своего удачнаго похода Олегъ утвердилъ письменнымъ торговымъ договоромъ съ греками, весьма выгоднымъ для русскихъ купцовъ; они, на примѣръ, могли покупать въ Константинополѣ товары, не платя за нихъ пошлины. Договоръ этотъ сохранился въ лѣтописи въ переводѣ съ греческаго.

Олегъ установилъ такимъ образомъ съ Византіей болѣе прочныя и выгодныя торговыя сношенія, имѣя въ Царьградѣ постоянный рынокъ для сбыта русскихъ товаровъ (мѣха, кожи, медъ и воскъ), которыхъ онъ съ дружиной набиралъ не мало, въ видѣ дани съ подвластныхъ племенъ. Въ походѣ Олега участвовали и неподчиненныя ему племена, жившія въ области верхняго Днѣпра и Буга, заинтересованныя въ удачномъ исходѣ выгоднаго для всѣхъ предпріятія. Кіевъ съ его князьями становился, такимъ образомъ, и политическимъ, и экономическимъ центромъ страны, притягивавшимъ къ себѣ, объединявшимъ въ одинъ большой союзъ разбросанныя по рѣкамъ восточной Европы славянскія племена.

Народныя легенды украсили походъ Олега чудесными подробностями. Олегъ придѣлалъ колеса къ лодкамъ и пустилъ паруса; гонимыя вѣтромъ, лодки достигли по сушѣ до воротъ города. Императоръ (Левъ VI Мудрый), перепугавшись до-нельзя, согласился заплатить требуемую дань по нѣскольку гривенъ (фунтовъ) серебра на cadaго воина Олевой рати; но греки умыслили избавиться отъ русскихъ, предложивъ имъ отравленныя яства. Олегъ узналъ ихъ ковар-

ство, наложилъ тяжкую дань и, повѣсивъ свой щитъ на вратахъ Царьграда, удалился, обремененный добычей. Ея было такъ много, что на обратномъ пути паруса на лодкахъ дружины были сдѣланы изъ шелковой матеріи, а у простыхъ воиновъ изъ полотна.

Самая смерть Олега украшена особымъ преданіемъ. Одинъ кудесникъ предсказалъ Олегу смерть отъ любимаго коня. Олегъ не велѣлъ себѣ больше подавать этого коня. Когда, черезъ много лѣтъ, князь узналъ, что животное умерло, то отправился взглянуть на его кости и посмѣяться надъ обманомъ кудесника; но въ то время изъ черепа коня выползла ядовитая змѣя и ужалила князя въ ногу.

Олегъ умеръ въ 912 г. За необыкновенную удачу народъ прозвалъ его вѣщителемъ, т.-е. чародѣемъ.

При Олегѣ мимо Кіева прошли, направляясь на западъ (въ Паннонію), орды угровъ или венгровъ. Ихъ потѣснили новые кочевники, появившіеся изъ-за Уральскихъ степей — печенѣги. Занятые борьбой съ этимъ полудикимъ племенемъ, хозары не могли мѣшать Олегу подчинять сѣверянъ и радимичей, дотолѣ платившихъ имъ дань. При преемникѣ Олега, Игорѣ (въ 915 г.) печенѣги прорвались уже и въ рускіе предѣлы и стали тревожить восточныхъ славянъ. Много зла они наносили своими набѣгами. Небольшими отрядами проникали они въ рускія области, грабили, сжигали поселенія, уничтожали нивы и быстро удалялись на своихъ легкихъ степныхъ коняхъ. Иногда собирались они большой шайкой и нападали на рускіе купеческіе караваны, поджидая ихъ у днѣпровскихъ пороговъ. Начиная съ Игоря, русскимъ князьямъ пришлось вести постоянную борьбу съ этими свирѣпыми кочевниками.

Игорь (912—945), преемникъ Олега, не имѣлъ его отваги и удачи въ походахъ. Жадный къ добычѣ, онъ задумалъ, по примѣру Олега, сдѣлать большой набѣгъ на Грецію и двинулся моремъ къ Константинополю. Но, повидимому, онъ не рассчиталъ своихъ силъ и не сумѣлъ оборониться отъ грековъ. Суда его были истреблены, такъ называемымъ, греческимъ огнемъ (это былъ, какъ полагаютъ, горючій составъ изъ нефти, сѣры и смолы, который греки кидали изъ мѣдныхъ трубъ на рускія лодки; составъ этотъ горѣлъ и на водѣ), а сухопутное войско, пробравшееся на берега Малой Азіи, было разбито.

Игорь рѣшился, во что бы то ни стало, загладить стыдъ своего пораженія. Онъ послалъ «за море» звать варяговъ, нанялъ печенѣговъ, собралъ подъ свои знамена множество

воиновъ изъ подвластныхъ ему славянскихъ племенъ. Страшныя вѣсти принесли въ Царьградъ изъ Корсуна: «идеть Русь безъ числа — корабли ихъ все море покрыли». Игоревая рать дошла уже до Дуная, когда отъ грековъ пришли послы съ предложениемъ дани — отступного безъ боя. Посовѣтовался Игорь со своей дружиной и согласился. «Неизвѣстно, кто одолѣеть, мы или они. Да и съ моремъ не уговоришься», — рѣшили дружинники...

Игорь вернулся въ Кіевъ и заключилъ съ греками новый договоръ (945), какъ и договоръ Олега, сохраненный намъ лѣтописью. Какъ результатъ отступленія и мира безъ боя, договоръ этотъ былъ менѣе выгоденъ, чѣмъ Олеговъ, и съ нѣкоторыми стѣсненіями для русскихъ «гостей». Договоръ былъ подтвержденъ обоюдной клятвой. Въ дружинѣ Игоревой было не мало и христіанъ. И въ ту пору, какъ язычники клялись на холмѣ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна, сложивъ тамъ свои щиты и мечи, «крещеная русь» присягала именемъ христіанскаго Бога въ соборномъ храмѣ св. Іліи.

Договорами Олега и Игоря установленъ слѣдующій порядокъ торговыхъ сношеній Руси съ Византіей. Ежегодно лѣтомъ русскіе торговцы являлись въ Царьградъ на опредѣленный срокъ (не болѣе 6 мѣсяцевъ); по договору Игоря, никто изъ русскихъ гостей не могъ оставаться тамъ на зиму. Императорскіе чиновники отбирали у прибывшихъ купцовъ княжескую грамоту съ обозначеніемъ числа посланныхъ изъ Кіева лодокъ и переписывали имена прибывшихъ пословъ и купцовъ, чтобы, подъ видомъ послѣднихъ, не прокрались въ Царьградъ русскіе пираты. Да и самихъ купцовъ побаивались, пропуская ихъ лишь небольшими партіями (до 50 чел.) и притомъ безъ оружія. За правильностью торговыхъ сдѣлокъ покупателей съ продавцами наблюдалъ особый императорскій приставъ. Торговля была, по преимуществу, мѣновая: мѣха, медъ, воскъ и челядь (рабовъ-плѣнниковъ) Русь мѣняла на паволоки (шелковыя ткани), золото, вино, овощи. Всѣ русскіе «гости», за время своего пребыванія въ Царьградѣ, пользовались даровымъ «кормомъ» и баней. По истеченіи торговаго срока, русскимъ купцамъ давали изъ греческой казны на дорогу продовольствіе и, взамѣнъ испорченныхъ, новыя судовыя снасти — якоря, канаты, паруса и пр.

Подъ старость Игорь пересталъ самъ ходить за полюдьемъ («по людямъ» — такъ назывался сборъ дани), а посылалъ боярина Свѣнelda. Это было невыгодно для Игоревой дружины, съ которой онъ обыкновенно дѣлился, и она стала роптать: «Отроки (дружинники) Свѣнelda богатѣютъ, а мы

наги и босы»... Послушался ихъ просьбъ Игорьъ и пошелъ самъ за данью. Собравши достаточно съ древлянъ и отпустивъ большую часть дружины, корыстолюбивый князь пошелъ за данью вторично... «Повадился волкъ въ стадо овецъ, все стадо расхитить, пока не убьютъ», рѣшили на вѣчѣ древляне и варварски умертвили Игоря: по словамъ лѣтописи, они привязали его къ двумъ деревьямъ, пригнутымъ до земли, а потомъ деревья отпустили; несчастный князь былъ разорванъ на двѣ части...

Св. Ольга. По смерти Игоря, вдова его, Ольга, стала править страной (945—957) за малолѣтствомъ своего сына Святослава. Ольга, родомъ псковитянка, пользовалась въ народѣ извѣстностію, какъ женщина очень умная и хитрая, съ твердымъ и рѣшительнымъ характеромъ. Она не стала дожидаться совершеннолѣтія сына и жестоко отомстила сама древлянамъ, какъ того требовалъ священный обычай кровавой мести. Рассказы о мщениіи Ольги съ разнаго рода преувеличеніями долго потомъ переходили изъ устъ въ уста; ея дѣйствіями въ данномъ случаѣ восхищались не только современники, но и позднѣйшія поколѣнія.

По разсказу лѣтописи, древляне, боясь мщениія за смерть Игоря и желая умилостивить Ольгу, предложили ей выйти замужъ за князя ихъ Мала. Ольга притворно согласилась и затѣмъ первыхъ пословъ древлянскихъ велѣла бросить въ глубокую яму вмѣстѣ съ лодкой, на которой ихъ, въ знакъ особаго почета, принесли слуги Ольги. «Довольны ли вы честию?»—спросила ихъ Ольга. «Охъ, хуже намъ Игоревой смерти»,—отвѣчали древляне. Ихъ закопали живыми въ землю. Когда затѣмъ явились, по требованію Ольги, и не зная объ участи первыхъ, другіе послы изъ «нарочитыхъ» (лучшихъ) древлянскихъ мужей, Ольга велѣла ихъ сжечь въ банѣ, гдѣ они мылись,

Простой русскій
воинъ X-го вѣка.

Святославъ.

какъ почетные гости. Третьихъ она велѣла избить на могилѣ мужа въ то время, какъ они вмѣстѣ съ нею совершали тризну. Затѣмъ она пошла съ войскомъ на древянь, разбила ихъ и осадила городъ Коростѣнь, гдѣ умертвили ея мужа. Древяне просили мира. Ольга согласилась и потребовала вмѣсто дани, по три воробья и по три голубя съ каждаго дома. Къ ногамъ птицъ она велѣла привязать горячія вещества и поджечь ихъ, а затѣмъ пустила птицъ, которыя полетѣли въ городъ, въ свои гнѣзда. Деревянный городъ сгорѣлъ, а жители частью были перебиты или принесены въ жертву на могилѣ Игоря, частью обращены въ рабство.

Усмиривъ древянь, Ольга съ сыномъ и дружиною обѣхала свои владѣнія, раздѣлила земли на участки и подробно опредѣлила размѣръ дани и повинностей («уставы и уроки, дани и погосты») у подвластныхъ племенъ.

Кромѣ своей распорядительной хозяйственной дѣятельности, Ольга прославилась еще и тѣмъ, что первая изъ княжеской семьи крестилась. Христіанъ было уже много въ Кіевѣ, и при своемъ умѣ Ольга не могла не видѣть преимущества христіанства надъ бѣдной языческой вѣрой славянъ. Въ 957 году она посѣтила Константинополь для поклоненія святымъ и принятія благословенія отъ патріарха. Тамъ она имѣла свиданіе и съ греческимъ императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ.

Лѣтопись сообщаетъ объ этомъ путешествіи Ольги, что княгиня, тогда еще язычница, такъ поразила императора Константина своимъ умомъ и наружностью, что онъ предложилъ ей вступить съ нимъ въ бракъ. Ольга не желала этого, но, чтобы не обидѣть отказомъ императора, отвѣтила ему, что сначала нужно подумать объ ея крещеніи. Императоръ вызвался быть ея крестнымъ отцомъ и приказалъ совершить таинство крещенія патріарху. Въ крещеніи Ольга приняла имя Елены. Когда же императоръ вновь заговорилъ о бракѣ, Ольга отвѣтила ему, что по христіанскому закону крестный отецъ не можетъ жениться на крестной дочери. «Перехитрила ты меня!»—сказалъ удивленный ея мудростью императоръ.

Вскорѣ, по возвращеніи домой, Ольга передала правленіе сыну своему Святославу. Его, по разсказу лѣтописца, она не разъ уговаривала принять христіанство. Святославъ не соглашался и говорилъ: «Какъ мнѣ принять другой законъ: дружина станетъ надо мною смѣяться».—«Если ты крестишься, то и всѣ то же станутъ дѣлать», возражала Ольга. Святославъ остался неперклоненъ. Христіанская вѣра, проповѣдывавшая смиреніе и любовь, не по душѣ была суровому и воинственному князю.

Св. Ольга была женщина необычайная. Она заняла престолъ мужа въ тяжелое время древлянскихъ волненій и сумѣла установить твердой рукою порядокъ и внутренній миръ. Сыну своему эта великая правительница передала государство, столь прочно сложенное и столь крѣпкое, что Святославъ могъ искать новыхъ земель, не боясь внутреннихъ потрясеній. Не удивительно, что народная память, а за нею—и лѣтопись не находятъ словъ, чтобы высказать удивленіе предъ этой великой правительницей, и ставятъ ее по уму и дарованіямъ выше императора самаго образованнаго въ то время государства. Примѣрами ея мудрости старались руководиться въ Кіевѣ долго послѣ ея смерти и князья, и бояре. Церковь причислила Ольгу къ лику святыхъ, а народъ прозвалъ княгиню «Мудрою».

Святославъ (957 — 972), по лѣтописному изображенію, является идеаломъ языческаго князя-дружинника. Еще ребенкомъ онъ участвовалъ въ походѣ Ольги на древлянъ, съ малыхъ лѣтъ освоился съ боевой жизнью и думалъ только о ратныхъ подвигахъ и удалыхъ походахъ. Все его княженіе прошло въ непрерывныхъ войнахъ. Походы онъ совершалъ необыкновенно быстро — ходилъ какъ барсъ, по выраженію лѣтописца. Никакого обоза не возилъ за собою, не бралъ котловъ, мяса не варилъ, но, нарѣзавъ ломтями конину, звѣриное мясо или говядину, пекъ на угольяхъ и ѣлъ. Шатра у него не было — онъ спалъ на голой землѣ, постеливъ только конскую попону, а подъ голову подложивъ сѣдло. Такова же была у него и дружина. Безстрашный воинъ, Святославъ не любилъ прибѣгать къ хитрости и нападать врасплохъ, но всегда посылалъ сказать врагамъ: «Иду на васъ!»

Берега Оки, Волги и Дона были первымъ мѣстомъ его военныхъ дѣйствій. Онъ покорилъ племя вятичей, доселѣ платившихъ дань хозарамъ, разорилъ и разграбилъ города и села болгаръ по Волгѣ и разбилъ на голову выступившее противъ него, большое хозарское войско, съ самимъ каганомъ во главѣ. Онъ взялъ придонскую столицу хозаръ — Бѣлую Вѣжу и побѣдилъ ясовъ и касоговъ, воинственныхъ жителей Прикавказья.

Всюду разнеслась молва о смѣлыхъ набѣгахъ удалого князя и храброй дружинѣ его, и греческій императоръ Никифоръ Фока пригласилъ его къ себѣ на помощь противъ дунайскихъ болгаръ. Святославъ принялъ предложеніе и во главѣ огромнаго войска проникъ въ Болгарію; съ огнемъ и мечемъ прошелъ онъ всю страну и остался здѣсь жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ.

Въ это время печенѣги напали на Кіевъ и чуть имъ не овладѣли. «Ты, князь, чужой земли ищешь, а *свою не блюдешь*,— послали ему, по словамъ лѣтописи, сказать кіевляне:—неужели тебѣ не жаль ни твоей отчины, ни старухи-матери, ни дѣтей твоихъ?» Святославъ воспѣшилъ съ дружиной своей въ Кіевъ и прогналъ печенѣговъ далеко въ степь. Вскорѣ послѣ этого престарѣлая Ольга скончалась и была похоронена по христіанскому обряду.

Между тѣмъ императоромъ Византіи, вмѣсто Никифора Фоки, сдѣлался убійца его, Іоаннъ Цимисхій, опытный и храбрый полководецъ. Опасаясь имѣть своимъ сосѣдомъ воинственнаго Святослава, онъ потребовалъ, чтобы русскій князь удалился изъ Болгаріи, и, получивъ отказъ, самъ повелъ на него многочисленныя войска.

Смутились сначала русы: ихъ было гораздо меньше, чѣмъ враговъ; греки лучше были вооружены, — у нихъ была броненосная конница, и въ Дунай вошли греческіе корабли съ огнеметательными снарядами. Не взирая на это, безстрашный князь воодушевлялъ своихъ сподвижниковъ. «Некуда уже намъ дѣться,—сказалъ онъ имъ:—волей или неволей надо сразиться. Не посраимъ земли Русской, ляжемъ костями; мертвымъ нѣтъ срама! Если въ бѣгство обратимся, то и срамъ будетъ и бѣды не избѣжимъ. Станемъ твердо. Я пойду впереди. Если сложу свою голову, то сами о себѣ думайте». «Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и мы свои сложимъ», — отвѣчали ему воины.

Борьба, однако, была далеко не равная. Послѣ цѣлаго ряда кровавыхъ сѣчь, Святославъ заперся въ Доростолѣ, и русскіе удивили враговъ своими отчаянными вылазками. Нерѣдко, побѣжденные превосходными силами, они обращали тылъ, но отступали медленно, закинувъ за плечи свои длинныя щиты. Иногда ночью, при свѣтѣ луны, они, по разсказамъ грековъ, выходили изъ города, сжигали тѣла павшихъ товарищей, убивали надъ ними плѣнниковъ и съ какими-то священными обрядами погружали въ воду младенцевъ и пѣтуховъ. Въ числѣ убитыхъ русскихъ греки находили иногда женщинъ: онѣ въ мужской одеждѣ слѣдовали за своими мужьями въ сраженіи.

Наконецъ, не видя ни откуда помощи, изнуренные голодомъ, русскіе вступили въ переговоры съ греками. Святославъ принужденъ былъ уступить, оставилъ Болгарію и заключилъ миръ съ греками.

Передъ выходомъ изъ Болгаріи, Святославъ пожелалъ имѣть свиданіе съ Цимисхіемъ, которое и состоялось на берегу Дуная.

Одинъ изъ византійскихъ историковъ (Левъ Діаконъ) такъ описываетъ это свиданіе: Цимисхій въ блестящихъ латахъ на конѣ подѣхалъ къ берегу Дуная; его окружалъ многочисленный отрядъ всадниковъ, у которыхъ доспѣхи были покрыты золотомъ. Между тѣмъ, Святославъ приближался въ лодкѣ, дѣйствуя весломъ наравнѣ съ другими гребцами. Онъ былъ средняго роста, имѣлъ плоскій носъ, голубые глаза,

Святославъ и византійскій императоръ Іоаннъ Цимисхій.
Съ карт. В. Верещагина.

густыя брови, мало волосъ въ бородѣ и длинныя косматыя усы. Волосы на его головѣ были выстрижены, за исключеніемъ одного локона—знакъ благороднаго происхожденія. Шея у него была плотная, грудь широкая и всѣ члены очень стройны. Вся наружность князя представляла что-то мрачное и суровое. Въ одномъ ухѣ висѣла серьга, украшенная карбункуломъ и двумя жемчужинами. Бѣлая одежда его только чистотою отличалась отъ одежды другихъ русскихъ. Не выходя изъ лодки, Святославъ поговорилъ немного съ императоромъ и отправился назадъ.

Возвращаясь въ Кіевъ съ остатками своей дружины, русскій князь погибъ въ битвѣ съ печенѣгами, которые дожидались его у днѣпровскихъ пороговъ (972).

Объединеніе племень. Дѣятельность первыхъ князей-дружинниковъ, поскольку можно судить о ней по рассказамъ лѣтописи, отразилась прежде всего на объединеніи славянскихъ племень. Поселившись среди разрозненныхъ славянскихъ и финскихъ племень, князья положили начало единству Русской земли не только тѣмъ, что намѣтили ея границы, но и тѣмъ, что создали общіе интересы, до извѣстной степени связавшіе ея части. При Рюрикѣ вліянію князей подчинена была только озерная Новгородская область и сѣверныя славянскія и финскія племена, его призвавшія. Его преемники, Олегъ и Игорьъ, пошли далѣе по великому водному пути съ сѣвера на югъ и подчинили своей власти племена, жившія на этомъ пути. Святославъ облагаетъ данью послѣднее, оставшееся еще нетронутымъ славянское племя — вятичей и распространяетъ свое вліяніе даже за предѣлы первоначальнаго расселенія восточныхъ славянъ. Къ концу X в. всѣ уже почти племена восточныхъ славянъ были приведены подъ руку кіевского князя.

Подчинивъ себѣ племена, князья обыкновенно заставляли ихъ платить себѣ дань. Для сбора ея, князья со своими дружинниками объѣзжали подвластныя имъ земли (такъ называемое «полюдь»); если же покоренныя племена сами везли дань въ Кіевъ на княжескій дворъ, то это называлось «повозомъ»).

Сборъ дани, какъ общей для всѣхъ повинности, и объѣзды князей также содѣйствовали, до извѣстной степени, объединенію племень. Они привыкли смотрѣть на князя, какъ на общую для всѣхъ власть, стоявшую выше племенныхъ распрей. Но еще болѣе способствовала сознанію единства обязанность населенія участвовать въ княжескихъ походахъ на другія племена, на другіе народы. Впервые замѣчается это при Олегѣ, когда почти всѣ племена, жившія по великому водному пути, собираются подъ одно знамя и соединенными силами совершаютъ общій походъ. Такіе же походы предпринимаются при Игорѣ, и въ договорѣ его съ греками впервые встрѣчается выраженіе «Русская земля». А Святославъ уже проситъ дружинниковъ «не посрамить земли Руской», и дружина раздѣляетъ взгляды князя.

Постепенный ростъ государства выражался и въ постоянныхъ попыткахъ найти выгоднѣйшій центръ для управления

и торговли: Олегъ перенесъ столицу въ Кіевъ; Святославъ думалъ водвориться еще южнѣе — въ Переяславцѣ на Дунаѣ. Князья неразрывно связаны были только съ дружиной, — въ ней первоначально была главная опора ихъ власти и силы. Съ нею князья совѣщались, съ нею совершали походы и дѣлили добычу, старшимъ дружинникамъ давали въ управленіе города и волости. Но, мало-по-малу, устанавливаются у князей болѣе тѣсныя связи съ населеніемъ и проясняется сознание необходимости заботъ объ этомъ населеніи. Своя же личная выгода побуждаетъ князей охранять своихъ данниковъ отъ разоренія. Такъ, послѣ мятежа древлянъ отъ беспорядочнаго сбора дани Игоремъ, Ольга прилагаетъ особыя заботы объ установленіи порядка въ дѣлѣ сбора дани. Святославъ принимаетъ близко къ сердцу укору кіевлянъ, что онъ «чужой земли ищетъ, а свою не блюдетъ», и спѣшитъ въ Кіевъ. Непосѣдливые воинственные князья-дружинники постепенно превращаются въ мирныхъ устроителей земли своей, начинаютъ заботиться, главнымъ образомъ, о внутреннемъ «нарядѣ» (порядкѣ), для котораго и были призваны населеніемъ: на первый планъ выдвигаются заботы о судѣ, объ управленіи и другіяхъ еще болѣе важныхъ сторонахъ общественной жизни.

Торговья сношенія съ Византіей и борьба со степью. Помимо объединенія племенъ, походы князей на Царьградъ имѣли другое важное послѣдствіе: Русь завязала постоянныя торговыя сношенія съ Византіей, что выразилось въ торговыхъ договорахъ Олега и Игоря съ греками и имѣло крупное значеніе не только въ экономическомъ, но еще болѣе въ культурномъ отношеніи, сближая славянъ съ наиболѣе въ то время образованной націей, каковы были греки; это сближеніе отразилось затѣмъ на распространеніи среди русскихъ славянъ христіанства по восточному обряду.

Торговля съ Византіей, приносившая и богатство, и культуру, находилась въ сильной зависимости отъ южной степи, черезъ которую шель водный путь по Днѣпру въ Черное море. Непремѣнною заботою первыхъ князей была борьба за эту дорогу съ кочевниками-печенѣгами, которые постоянно своими набѣгами тревожили торговые караваны, а часто и грабили ихъ. Если защита южной границъ государства давалась князьямъ довольно легко и ограничивалась постройкою укрѣпленій и сторожевою службою, то безопасность торговой дороги въ Византію вынуждала къ большимъ военнымъ походамъ, для защиты торговыхъ каравановъ, до Чернаго моря.

Раздоры между сыновьями Святослава (972—986). Сыновья Святослава — Ярслолкъ кіевскій, Олегъ древлянскій и Вла-

димирь новгородскій, по смерти отца недолго ладили между собою. Олегъ убилъ Люта, сына боярина Свѣнelda, за то, что тотъ охотился въ его заповѣдномъ лѣсу. Озлобленный отецъ уговорилъ Ярополка, своего воспитанника, итти войной на брата, и Олегъ погибъ во время битвы: онъ упалъ въ ровъ съ моста, на которомъ тѣснились его бѣгущіе воины. Ярополкъ горько плакалъ о братѣ, смерти котораго онъ вовсе не желалъ. Тѣмъ не менѣе, Владимиръ, прослышавъ о томъ, бѣжалъ изъ Новгорода за море къ варягамъ и, возвратившись оттуда съ войсками, успѣвши отомстить старшему брату за смерть Олега. Онъ завоевалъ Полоцкъ, гдѣ жила невѣста Ярополка, Рогнѣда, дочь полоцкаго князя (изъ варяговъ) Рогволода, убилъ Рогволода и насильно женился на Рогнѣдѣ. Затѣмъ онъ двинулся на Кіевъ и, заманивъ къ себѣ Ярополка, приказалъ его убить. По смерти братьевъ Владимиръ соединилъ подъ своею властью всю Русскую землю.

Кіевская Русь.

Крещеніе Руси при Владимирѣ св. Самымъ важнымъ событіемъ X вѣка въ нашей исторіи, имѣвшимъ громадное значеніе для послѣдующей жизни русскаго народа, было введеніе христіанства на Руси при князѣ Владимирѣ Святославичѣ (980 — 1015). Сношеніями съ Византіей и походами князей, сблизившими грековъ и славянъ по торговымъ дѣламъ, страна была уже въ извѣстной степени подготовлена къ принятію «греческой вѣры». Однако, самъ Владимиръ первоначально всего менѣе думалъ о христіанствѣ.

По изображенію лѣтописи, Владимиръ былъ княземъ воинственнымъ, предприимчивымъ, съ характеромъ рѣшительнымъ и горячимъ, и первые годы княженія провелъ въ непрерывныхъ походахъ. Онъ усмирилъ вятичей, которые пробовали освободиться отъ дани кіевскому князю; воевалъ съ поляками и отнялъ у нихъ Червонную Русь или Галицію; побѣдилъ хищныхъ ятвяговъ и совершилъ удачный походъ на камскихъ болгаръ. Походы свои Владимиръ праздновалъ веселыми пирами со своей дружиной и обильными жертвами богамъ. Владимиръ высоко цѣнилъ свою дружину—главную опору власти и силы князя. Разъ, по словамъ лѣтописи, дружинники на пиру стали жаловаться на то, что имъ приходится ѣсть деревянными, а не серебряными ложками. «Серебромъ и золотомъ не найду я храброй дружины,—сказалъ Владимиръ,—а съ удалой дружиной найду и серебро, и золото»,—и велѣлъ выковать для дружины серебряныя ложки.

Воспитанный въ центрѣ тогдашняго язычества — Новгородѣ, Владиміръ былъ очень ревностнымъ язычникомъ. Съ первыхъ же лѣтъ своего княженія онъ сталъ ставить въ Кіевѣ на холмахъ кумиры, или идолы, главныхъ славянскихъ боговъ— Перуна, Дажбога, Стрибога и др. Особенно украшенъ былъ деревянный истуканъ бога войны—Перуна: голова у него была серебряная, а усы золотые. Разъ послѣ удачнаго похода на ятвяговъ Владиміръ рѣшилъ принести Перуну человѣческую жертву, и жребій палъ на сына одного варяга-христіанина. «Не дамъ сына въ жертву бѣсамъ,—сказалъ тотъ.—Ваши боги—дерево, не ѣдятъ, не пьютъ. Сегодня они стоятъ, а завтра сгніютъ. Есть одинъ Богъ, которому служатъ греки. Онъ сотворилъ небо и землю, и человѣка. А ваши боги что сотворили? Они сами сдѣланы людьми. Если они—боги,—прибавилъ варягъ,—такъ пусть сами придутъ за моимъ сыномъ, а вы зачѣмъ требуете?» Развирѣпѣвшіе язычники убили и варяга, и его сына. Это были первые и послѣдніе мученики христіанства въ Кіевѣ (Феодоръ и Іоаннъ).

Случай съ варягомъ и публичное осмѣяніе языческихъ боговъ не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на народъ и на самого Владиміра, особенно когда прошелъ первый порывъ горячности. Владиміру, при его умѣ, нетрудно было понять несостоятельность деревянныхъ и безпомощныхъ боговъ языческихъ. Бѣдная, даже по обрядовой своей сторонѣ, языческая религія не могла, конечно, удовлетворить горячаго религіознаго чувства Владиміра, и онъ сталъ присматриваться къ христіанству, уже пустившему въ Кіевѣ глубокіе корни. Тамъ было много христіанъ, даже въ самой дружинѣ. Еще при Игорѣ въ Кіевѣ уже былъ соборный храмъ Св. Іліи. При Ольгѣ число ихъ, безъ сомнѣнія, было еще больше; авторитетный примѣръ великой бабки Владиміра былъ у всѣхъ передъ глазами.

Были въ Кіевѣ представители и другихъ религій. По дѣламъ торговымъ приходили сюда и магометане изъ приволжской Болгаріи, и евреи изъ Хозарской земли. Мучимый религіозными сомнѣніями, Владиміръ бесѣдовалъ и съ ними, но ни магометанство, ни іудейство не удовлетворили его. Отсюда, повидимому, выработалось, сохраненное лѣтописью, особое преданіе о сдѣланномъ Владиміромъ «испытаніи вѣръ». По словамъ лѣтописца, описаніе Магометова рая понравилось князю, но не по душѣ было запрещеніе пить вино. «Руси есть веселіе пити, не можетъ безъ того быти», замѣтилъ онъ магометанамъ. Евреи, въ бесѣдѣ съ нимъ, проговорились, что они за грѣхи разбѣяны Богомъ по землѣ. «Какъ же вы учите другихъ, когда сами отвергнуты Богомъ?»—сказалъ Владиміръ.

Съ миссіонерами изъ Рима онъ не сталъ и разговаривать. «Отцы наши не принимали вашего закона», — сухо замѣтилъ онъ имъ. Зато, много бесѣдовалъ о вѣрѣ съ однимъ изъ греческихъ миссіонеровъ (которые издавна приходили въ Кіевъ, частью изъ греческихъ колоній въ Крыму, частью изъ самаго Константинополя). Миссіонеръ-грекъ подробно рассказывалъ ему главнѣйшія событія ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи и въ заключеніе показалъ картину страшнаго суда съ изображеніемъ на правой сторонѣ идущихъ въ рай праведниковъ, а на лѣвой—грѣшниковъ, нисходящихъ въ адъ. И рассказъ, и картина сильно поразили Владиміра. «Хорошо тѣмъ, кто одесную, и горе тѣмъ, кто ошуюю», — со вздохомъ произнесъ онъ. «Крестись и будешь одесную», — сказалъ ему миссіонеръ. «Подожду еще немного», — отвѣтилъ Владиміръ. Онъ рѣшилъ посоветоваться съ дружинниками и городскими старѣйшинами и даже, по словамъ лѣтописнаго преданія, отправилъ пословъ въ разныя страны посмотреть богослуженіе у разныхъ народовъ. Посламъ больше всего понравилось богослуженіе въ Царьградѣ. «Мы не знали, гдѣ и находимся—на землѣ или на небѣ», — говорили они о торжественномъ патріаршемъ служеніи въ Софійскомъ храмѣ. «Если бы дурень былъ законъ греческій,—замѣтили бояре,—то не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей».

Владиміръ рѣшился, наконецъ, принять христіанство. По разказу лѣтописи, это происходило слѣдующимъ образомъ. На Таврическомъ полуостровѣ, частью котораго владѣли русскіе, изгнавши оттуда хозарь, вышло столкновение грековъ съ русскими, и Владиміръ осадилъ богатый греческій городъ Корсунъ (близъ нынѣшняго Севастополя). Жители защищались мужественно, и князь далъ обѣтъ креститься, если возьметъ городъ. Корсунцы сдались, и Владиміръ послалъ просить у греческихъ императоровъ Василия и Константина руки сестры ихъ Анны и объявилъ о своемъ намѣреніи креститься. Не малаго труда стоило императорамъ уговорить сестру свою Анну выйти за русскаго князя. «Иду точно въ полонъ», — говорила она, — лучше бы здѣсь умереть». Братья убѣдили ее тѣмъ, что она будетъ содѣйствовать обращенію всей Русской земли въ христіанство и избавитъ Грецію отъ опаснаго врага. вмѣстѣ съ Анной прибыли въ Корсунъ греческіе священники, которые немедленно окрестили князя и его дружину.

Возвратившись въ Кіевъ, Владиміръ велѣлъ разрушить языческіе жертвенники и уничтожить кумиры. Перунъ, по его приказанію, былъ привязанъ къ конскому хвосту и, осыпанный палочными ударами, свезенъ въ Днѣпръ и пущенъ по теченію.

Многіе изъ язычниковъ плакали, смотря на такое поруганіе ихъ бога, и долго бѣжали по берегу съ криками: «Выдьбай (выплывай), Перуне!» Священники, между тѣмъ, ходили по городу и проповѣдывали христіанство. Многіе кіевляне сами съ радостью крестились, были и колеблющіеся, не мало встрѣчалось и упорныхъ язычниковъ. Но вообще кіевское населеніе было уже достаточно подготовлено къ мысли о принятіи христіанства, и когда Владиміръ послать по всему городу оповѣстить, чтобы въ назначенный день всѣ шли на берегъ рѣки креститься, то народъ массама двинулся исполнять желаніе лю-

Крещеніе кіевлянъ.

бимаго князя. «Если бы это не добро было, не приняли бы крещенія князь и бояре»,—разсуждали кіевляне. По особому знаку всѣ собравшіеся вошли въ рѣку: взрослые стояли въ водѣ по груди и шею, отцы и матери держали на рукахъ младенцевъ; священники читали молитвы... Такъ совершился торжественный обрядъ крещенія (988 г.).

Изъ Кіева христіанство распространилось на сѣверъ по великому водному пути и вообще по главнымъ городамъ, гдѣ населеніе было сравнительно развитѣе; въ другихъ же мѣстахъ долго еще держалось язычество. Особенно упорное сопротивление встрѣтили проповѣдники христіанства по Окѣ, верхней Волгѣ и на сѣверѣ, по сосѣдству съ финнами, гдѣ на народъ

имѣли большое вліяніе волхвы, возбуждавшіе его къ сопротивленію. Въ Новгородѣ язычники подняли даже мятежь и усмирены были силою оружія.

Распространенію христіанства на Руси много содѣйствовало и то обстоятельство, что наши предки могли слушать богослуженіе на славянскомъ (древне-болгарскомъ) языкѣ, вполне понятномъ для нихъ, такъ какъ славянскими апостолами, св. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ, еще въ половинѣ IX в. (855) была составлена славянская азбука и переведены на славянскій языкъ богослужебныя книги.

Вообще же, христіанство на Руси распространилось быстрѣе и спокойнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы, и почти не встрѣтило себѣ прямого противодѣйствія со стороны язычества. Послѣднее еще не успѣло сформироваться и окрѣпнуть у славянъ, не развило миѳологіи, не выработало даже своей іерархіи или жреческаго сословія, которое могло бы постоять за старую вѣру или руководить народомъ въ противодѣйствіи новой вѣрѣ. Принимая христіанство, темныя народныя массы по-своему примиряли или скорѣе соединяли новую вѣру со старой, сохраняя языческіе приемы жизни и языческія суевѣрія, которыми руководствовались въ своемъ домашнемъ быту.

Послѣдствія принятія христіанской вѣры. Принятіе христіанства отразилось на всѣхъ сторонахъ народной жизни и прежде всего въ моральномъ отношеніи, въ смягченіи нравовъ, въ улучшеніи народной нравственности, въ подвигахъ благотворительности и благочестія и т. д. Яркимъ примѣромъ этого служить самъ Владиміръ. Горячій и ревностный язычникъ въ началѣ своего княженія, Владиміръ, послѣ принятія христіанства, сдѣлался столь же ревностнымъ христіаниномъ. Соотвѣтственно этому измѣнился и характеръ его дѣятельности, и самый образъ его жизни. Набожный и ласковый, по изображенію лѣтописца, онъ дѣятельно занимается распространеніемъ вѣры, заботится о духовенствѣ, щедро надѣляя его доходами и привилегіями, строить церкви (напр., десятинную церковь въ Кіевѣ—на содержаніе ея отдѣлялась десятая часть княжескихъ доходовъ). Прежней суровости и жестокости въ немъ нѣтъ и помина: проникнутый духомъ христіанской любви, онъ боялся даже казнить смертью разбойниковъ, такъ что уже епископы стали убѣждать его строже карать преступниковъ. Изъ многоженца онъ сдѣлался примѣрнымъ семьяниномъ. Щедрый по прежнему къ дружинѣ, для которой онъ устраивалъ веселые пиры, Владиміръ не забываетъ теперь и «нищую братію»: ежедневно на княжемъ дворѣ раздавали большую милостыню убогимъ, для слабыхъ и увѣч-

ныхъ развозили по домамъ съѣстные припасы и бочки съ медомъ и квасомъ.

Эта забота о «нищей братіи», сердечное отношеніе къ бѣдному обездоленному люду со временъ св. Владиміра красной нитью проходитъ чрезъ всю исторію русскаго народа: исконное добродушіе славянъ, побуждавшее ихъ еще въ эпоху язычества мягко и человѣчно относиться даже къ плѣннымъ и рабамъ, нашло теперь возможность еще болѣе ярко проявиться въ отношеніяхъ къ другимъ, въ жизни частной и общественной.

Церковь причислила кн. Владиміра къ лику святыхъ за его заботы о распространеніи христіанства и праведную жизнь. Но наряду съ нимъ народная среда вслѣдъ за введеніемъ христіанства даетъ рядъ другихъ подвижниковъ вѣры и благочестія, людей высоко-нравственной жизни, въ свою очередь, вліявшихъ и примѣромъ, и словомъ на жившее еще преданіями язычества населеніе страны.

Духовенство. Монастыри. Наиболѣе дѣятельнымъ проводникомъ христіанскихъ и вообще культурныхъ началъ въ жизнь страны было духовенство—новый общественный классъ на Руси, возникшій съ принятіемъ христіанства и получившій особыя права и привилегіи, сообразно своей дѣятельности въ народной средѣ.

На содержаніе храмовъ и духовенства назначались разныя недвижимыя имущества, а князья отдѣляли церкви десятину, т. е. десятую часть имущества, при этомъ значительная часть доходовъ отдѣлялась на содержаніе нищихъ, больныхъ, странниковъ, сиротъ и вдовъ, на пособіе погорѣвшимъ и несправедливо осужденнымъ. Духовенство было свободно отъ гражданскаго суда и податей. Его вѣдѣнію подлежали больницы и богадѣльни и вообще всѣ нуждавшіеся, больные и увѣчные люди, рабы, жившіе на церковныхъ земляхъ и, наконецъ, изгои (отъ «гоити»—жить, такъ назывались безпріютные люди, вышедшіе

Св. равноапостольный кн. Владиміръ
(Съ рис. кн. Г. Гагарина).

изъ общины и т. п., стоявшіе внѣ защиты сословія, къ которому принадлежали). Сюда, напр., относились освободившіеся холопы, безграмотные поповичи, обанкротившіеся купцы (изгоями назывались также и князья, отцы которыхъ не были великими князьями). Такимъ образомъ, съ введеніемъ христіанства среди существовавшихъ доселѣ родовыхъ и племенныхъ союзовъ образовался новый союзъ—церковное общество, въ составъ котораго вошло духовенство, а затѣмъ люди, о которыхъ церковь заботилась и опекала.

Во главѣ русской церкви стоялъ кievскій митрополитъ, котораго выбиралъ и назначалъ византійскій патріархъ. Митрополиты были, большею частію, изъ грековъ (лѣтописи упоминаютъ, впрочемъ, уже и о двухъ русскихъ митрополитахъ—Иларіонѣ при Ярославѣ и Климентѣ—при Изяславѣ Мстиславичѣ). Митрополитъ рукополагалъ и судилъ епископовъ, но въ важныхъ случаяхъ дѣйствовалъ не одинъ, а съ соборомъ ближайшихъ къ Киеву епископовъ. Епископы ставились, обыкновенно, въ главные города и тоже съ согласія удѣльныхъ князей. Какъ епископы, такъ и подчиненные имъ священники сначала были изъ грековъ и болгаръ, но затѣмъ въ XI в., съ распространеніемъ грамотности на Руси, эти мѣста стали занимать уже рускіе. (Первымъ епископомъ изъ русскихъ былъ Новгородскій епископъ—Лука Жидята, жившій въ половинѣ XI вв.).

Желая образовать собственное русское духовенство, Владиміръ приказывалъ набирать мальчиковъ и отдавать ихъ для книжнаго обученія священникамъ. Матери, отпуская своихъ дѣтей въ школы, плакали по нимъ, «говорить лѣтописецъ,» какъ по мертвымъ. Тѣмъ не менѣе, мало-по-малу, князья и бояре стали учить и своихъ дѣтей грамотѣ. Самъ Владиміръ еще не зналъ ея, но дѣти его были уже грамотны.

Не составляя особаго замкнутаго сословія, духовенство русское принимало большое участіе въ дѣлахъ общественныхъ. Князья въ важныхъ случаяхъ приглашали епископовъ и игуменовъ къ себѣ на совѣтъ вмѣстѣ съ боярами. Во время княжескихъ междоусобій духовенство не разъ являлось посредникомъ и примирителемъ враждующихъ сторонъ. На князей духовенство дѣйствовало мольбами, иногда сильными и смѣлыми обличеніями, но не стремилось подчинить себѣ свѣтскую власть, подобно духовенству западному, а, напротивъ, всѣми мѣрами помогало укрѣпленію княжеской власти и давало ей религіозное освященіе въ глазахъ народа. Строго слѣдя за церковнымъ единствомъ, духовенство своею дѣятельностью не мало способствовало сліянію различныхъ славянскихъ племенъ въ одну

русскую народность. Духовенство, наконецъ, было самымъ образованнымъ сословіемъ на Руси, распространяло грамотность, завѣдывало школами.

Особенно сильное нравственное вліяніе на народъ и на князей имѣли м о н а с т ы р и, которые начали появляться почти со времени крещенія Руси. При Ярославѣ ихъ было уже нѣсколько.

До XII в. насчитывается около 90 монастырей, основанныхъ князьями и частными лицами, такъ какъ постройка монастырей, убѣжищъ отъ мірской суеты и треволненій, считалась дѣломъ особенно богоугоднымъ. Иные были основаны подвижниками, искавшими уединенія. Монастыри пользовались особеннымъ уваженіемъ. Сюда со всѣхъ сторонъ стекался народъ, поражаясь сказаніями объ иноческихъ подвигахъ, о святой жизни отшельниковъ. Наибольше важное значеніе въ Кіевское время приобрѣлъ монастырь к і е в о п е ч е р с к і й. Основателемъ его (въ XI в.) былъ преп. Антоній, а главнымъ устройтелемъ преп. Феодосій.

Подвиги свв. Антонія и Феодосія и ихъ учениковъ прославили по всей Руси Кіевопечерскую обитель. Отовсюду стали стекаться народъ на богомолье къ мощамъ печерскихъ угодниковъ, и для полученія благословенія отъ подвижниковъ, въ ней обитавшихъ; иноки другихъ обителей подражали въ своей жизни печерскимъ отшельникамъ. Лавра стала разсадникомъ монашескаго устава строгой общей жизни и средоточіемъ умственной жизни русскихъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ: отсюда вышло много проповѣдниковъ христіанства и до 50 епископовъ; многіе изъ ея монаховъ получили извѣстность, какъ лѣтописцы и духовные писатели.

Особенно важна была подготовка кандидатовъ на епископскія кафедры, что освобождало князей отъ необходимости брать епископовъ изъ грековъ. Подготовка епископовъ требовала не простой грамотности, но и высшей богословской науки. Значить, Кіево-печерскій монастырь для своего времени сдѣлался своего рода высшею богословскою школою.

Вмѣстѣ съ печерскимъ монастыремъ и по его образцу, возникло много другихъ обителей, какъ въ самихъ городахъ, такъ и въ глуши; появились и женскіе монастыри. Въ монастыри шли люди изъ всѣхъ слоевъ общества, приписывая къ нимъ свое имѣніе; князья и бояре раздавали монастырямъ земли съ челядью, отовсюду стекались щедрыя пожертвованія. Мало-по-малу, монастыри приобрѣли огромное значеніе въ древней Руси, тѣмъ болѣе, что, на ряду съ подвижничествомъ, иноки посвящали себя служенію народу, борьбѣ съ невѣжествомъ и

язычествомъ. Близъ монастырей и на ихъ иждивеніе основывались богадѣльни, «страннопріимницы» (гостиницы), лѣчебницы для народа, въ ихъ стѣнахъ возникали школы, собирались первыя библіотеки. Запасшись здѣсь ученостью и нравственной силой, монахи шли въ міръ, поучая народъ, исправляя неправду, руководя самими князьями; миссіонеры-иноки безстрашно проникали въ финскія болота и дебри, распространяя христіанство иногда цѣною собственной жизни. Во время междоусобныхъ войнъ монастыри часто являлись убѣжищемъ для населенія, котораго не смѣла или не могла касаться рука враговъ. Во время голода изъ монастырскихъ житницъ раздавали хлѣбъ неимущимъ. Подъ кровъ святой обители шель весь обездоленный, бѣдный и гонимый людъ. Все это еще болѣе возвышало монастыри, какъ центры православія, въ глазахъ народа и укрѣпляло въ его сердцѣ религіозное настроеніе; монашеская жизнь, мало-по-малу, стала считаться образцомъ истинно-праведной жизни. Всѣ благочестивые міряне старались, по мѣрѣ возможности, подражать монахамъ, въ надеждѣ достигнуть вѣчнаго спасенія. Среди бояръ и князей возникаетъ даже обычай постригаться передъ смертію въ схиму. Это настроеніе общества отразилось и на самомъ характерѣ просвѣщенія и письменности того времени.

Просвѣщеніе и искусства. Вмѣстѣ съ христіанствомъ явилась на Руси и грамотность. Вмѣстѣ съ вѣрой русскіе получили отъ грековъ и богослужебныя книги, переведенныя на славянскій языкъ св. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ (славянская азбука изобрѣтена была ими въ 855 году). Владиміръ Св. велѣлъ набирать мальчиковъ въ книжное ученіе священникамъ. Ярославъ Мудрый устроилъ въ Новгородѣ училище на 300 мальчиковъ. На существованіе подобныхъ училищъ указываетъ и житіе преп. Феодосія, гдѣ рассказывается, какъ онъ выучился грамотѣ въ Курскѣ. Учили грамотѣ и дѣвочки. Такъ, при Андреевскомъ женскомъ монастырѣ въ Кіевѣ Янка, дочь Всеволода (отца Мономаха), завела нѣчто въ родѣ училища для дѣвицъ. Дочь Михаила Всеволодовича Евфросинія также завела въ Суздаль училище для дѣвицъ. Учителями въ школахъ были, обыкновенно, духовныя лица; самыя школы устраивались при соборныхъ церквахъ и монастыряхъ. Учили чтенію, письму и церковному пѣнію. Школьными книгами были часословъ и псалтирь. Первоначальное образованіе дополнялось затѣмъ по выходѣ ихъ изъ школы чтеніемъ Св. Писанія, житій святыхъ и другихъ назидательныхъ книгъ, понемногу распространявшихся на Руси путемъ переписки и переводовъ

АІ ЄЄВА·ОТЪНОАНА·ГЛА В СКС

ЪВРЪМАНО
НАВНСАНІОУ
УЕННКОМЪ
СВОНМЪ·ВЪ
СТАВЪОТЪМЪ
РТВЪХЪ·НГЛА

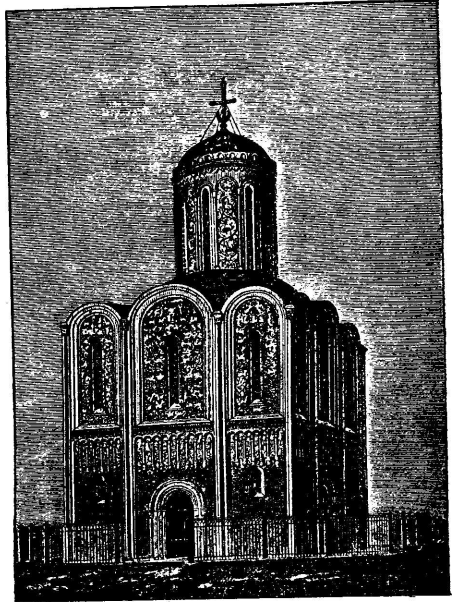
Изображеніе письменъ изъ Остромирова Евангелія.

дальская, волынская и др. По характеру онѣ сходны съ начальной лѣтописью: тотъ же религиозный взглядъ на событія, та же цѣль нравственнаго назиданія, но проявляются уже мѣстныя симпатіи, сочувствіе къ тому или другому удѣльному князю, въ ущербъ безпристрастію и точности разсказа.

Другія произведенія письменности той эпохи носятъ, по большей, части такой же религиозный характеръ, какъ и лѣтописи. Таково, напр., «Поученіе Владиміра Мономаха», проповѣди и житія святыхъ, а равно разные переводы съ греческаго. По подражанію греческимъ образцамъ и въ связи съ начавшимся (особенно при преемникѣ Владиміра, Ярославѣ, и его сыновьяхъ) сближеніемъ съ Западомъ, могла бы, конечно, вырасти русская литература не съ религиознымъ только содержаніемъ—тѣмъ болѣе, что богатые зачатки ея уже имѣлись; но печальныя событія послѣдующаго времени, особенно татарское иго, къ сожалѣнію, надолго остановили ус-

пѣхѣ просвѣщенія и помѣ-
шали дальнѣйшему разви-
тію русской литературы.

Изъ свѣтской словес-
ности того времени, кро-
мѣ былинъ и другихъ
произведеній устной словес-
ности, до нашего времени
дошелъ замѣчательный
письменный памятникъ —
«Слово о полку Игоревѣ»,
гдѣ описывается неудачный
походъ (1185) на половцевъ
новгородъ-сѣверскаго кня-
зя Игоря Святославича,
плѣнъ князя и его возвра-
щеніе изъ половецкой не-
воли. Въ яркой, образной
формѣ, съ большимъ поэти-
ческимъ талантомъ, выра-
жаетъ неизвѣстный авторъ
«Слова» думы, чувства и
политическія стремленія дружинно-боярскаго и Кіевскаго Ру-
си. Патриотъ-пѣвецъ сильно негодуетъ на княжескія усобицы,

Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ.

Успенскій соборъ во Владимірѣ.

видитъ въ нихъ главную
причину всѣхъ бѣдствій,
постигшихъ Русскую зем-
лю. Христіанскаго элемен-
та еще мало въ «Словѣ»—
въ немъ, наоборотъ, сохра-
нились въ полной свѣжести
языческія вѣрованія и пред-
ставленіе о природѣ, какъ
существѣ живомъ, которое
скорбитъ о несчастіяхъ лю-
дей и радуется ихъ удачѣ.

Судя по этому образцу,
дружинная поэзія,
представителями которой
были гуслиры и пѣвцы при
дворахъ князей, достиг-
ла въ это время зна-
чительнаго развитія.
Если упомянуть еще «Слово

Золотыя ворота во Владимірѣ.

лѣнію, остановили успѣхи просвѣщенія и помѣшали дальнѣйшему развитію русской литературы, особенно со временъ татарскаго ига. Извѣстная степень образованности сохранялась только въ монастыряхъ и вообще среди духовенства, которое уже по самому роду службы обязывалось къ тому. Литературныя произведенія послѣдующаго времени носятъ, поэтому, почти исключительно религіозный характеръ, но важно то обстоятельство, что свѣточъ образованія не погасъ на Руси. Основа его, и при томъ въ наиболѣе цѣнной формѣ, осталась.

Такимъ образомъ, только благодаря введенію христіанства, усвоенные Русью начатки просвѣщенія и культуры не заглохли среди невзгодъ и военныхъ бурь послѣдующаго времени, но бережно хранились до той поры, пока обстоятель-

Развалины золотыхъ воротъ въ Кіевѣ.

Даніила Заточника» (сосланнаго какимъ-то княземъ XII в. на озеро Лаче въ Олонецкой губерніи и вымаливавшего себѣ своимъ «Словомъ» свободу), которое обнаруживаетъ въ сочинителѣ большую начитанность, остроуміе, изобилуетъ притчами и пословицами—произведеніями народной мудрости, — то литературную производительность перваго періода русской истории можно считать довольно разнообразной, богатой и не уступающей литературѣ того времени въ Западной Европѣ. Печальныя событія послѣдующаго времени, къ сожа-

ства внѣшней и внутренней жизни государства, въ связи съ начавшимся вновь сближеніемъ съ наиболѣе культурными странами Запада, дали возможность поставить русское просвѣщеніе и русскую литературу на одинъ уровеньъ съ другими странами.

То же самое слѣдуетъ сказать и о сферѣ искусствъ, которыя начали прививаться на Руси вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства—преимущественно объ архитектурѣ и живописи. Первыми произведеніями искусства были храмы, первыми учителями русскихъ въ зодчествѣ и иконописи были греки. На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ потомъ появились художники и изъ нѣмцевъ. Съ XII столѣтія лѣтописи начинаютъ упоминать уже о русскихъ зодчихъ и живописцахъ (такъ, напр., описывая обновленіе храма въ Суздальѣ въ 1194 г., лѣтописецъ съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что вся работа исполнена русскими мастерами безъ помощи нѣмцевъ). Главнѣйшими памятниками древняго зодчества считаются храмы св. Софіи въ Кіевѣ и Новгородѣ и соборы Успенскій и Дмитріевскій во Владимірѣ-на-Клязьмѣ. Замѣчательны также сохранившіяся доселѣ мозаичныя («мусія») и фресковыя (стѣнописи) изображенія въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ. Кромѣ того, начали строить каменные княжескіе терема, стѣны съ башнями и воротами («Золотыя ворота» въ Кіевѣ и Владимірѣ) и проч.

Кіевская Русь при Ярославѣ Мудромъ и его потомкахъ.

Уеобицы дѣтей св. Владиміра (1015—1019). Владиміръ Святой еще при жизни, по обычаю того времени, роздалъ землю своимъ сыновьямъ (между прочимъ, Святополку—Туровскую волость, Борису—Ростовскую, Глѣбу—Муромскую, Святославу—Древлянскую, Ярославу—Новгородскую, Мстиславу—Тмутараканскую). При вѣсти о смерти отца, Святополкъ немедленно прискакалъ въ Кіевъ и, какъ старшій въ родѣ, объявилъ себя великимъ княземъ. Желая забрать въ свои руки всю Русскую землю, онъ рѣшился умертвить своихъ братьевъ и завладѣть ихъ волостями. Борисъ возвращался въ то время изъ похода на печенѣговъ и, отпустивши домой дружину, остался съ немногими отроками (младшими дружинниками) въ шатрахъ на берегу рѣки Альты (близъ южнаго Переяславля). Убійцы, посланные Святополкомъ, ночью прокрались къ шатру Бориса и въ то время, когда онъ молился, отходя ко сну, умертвили его. У Смоленска убійцы настигли Глѣба, и онъ также погибъ мученической смертію. Страшно

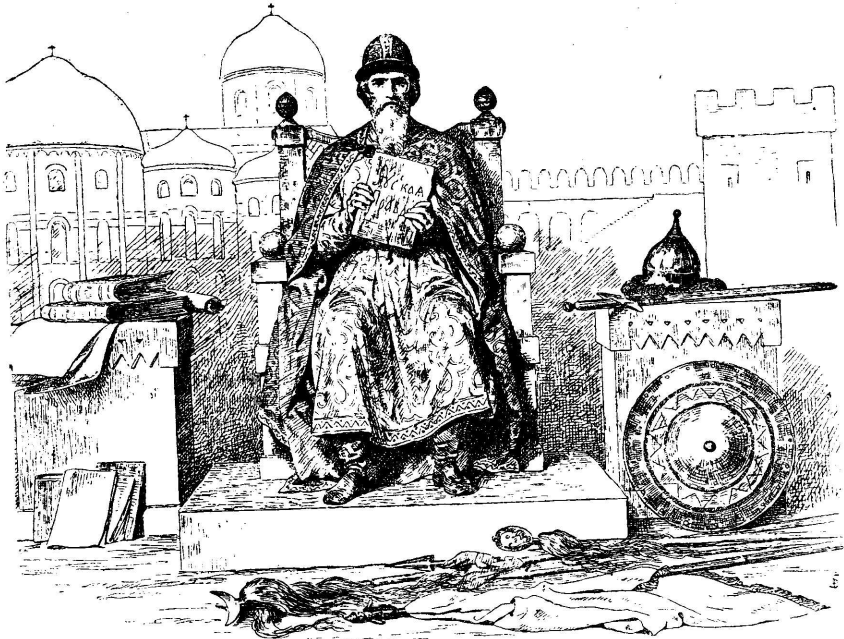
поразило народъ это злодѣйство. Борисъ и Глѣбъ были любимыми сыновьями Владиміра и отличались необычайной кротостію, добротой и истинно христіанскимъ благочестіемъ. Святославъ Древлянскій, слышавъ объ опасности, бѣжалъ въ Венгрію, но былъ настигнутъ въ Карпатскихъ горахъ и убитъ. Отпоръ свирѣпому братоубійцѣ далъ, наконецъ, Ярославъ Новгородскій.

Ярославъ въ это время находился въ ссорѣ съ новгородцами изъ-за наемной варяжской дружины. Разставленные на постой по домамъ гражданъ, варяги начали безчинствовать. Новгородцы возстали и перебили многихъ изъ нихъ. Раздраженный этимъ, Ярославъ зазвалъ къ себѣ зачинщиковъ возстанія и приказалъ умертвить ихъ. Вдругъ изъ Кіева приходитъ вѣсть о смерти отца и гибели трехъ братьевъ. Тогда Ярославъ явился на вѣче, покаялся въ своей горячности и просилъ помощи новгородцевъ. Послѣдніе давно уже тяготились своей зависимостію отъ Кіева, а теперь особенно опасались жестокаго и коварнаго Святополка, и потому пошли вмѣстѣ съ варягами противъ его кіевской рати. Оба ополченія сошлись на Днѣпрѣ близъ Любеча, но долго ни одно изъ нихъ не рѣшалось перейти рѣку. Воевода Святополка сталъ смѣяться надъ новгородцами. «Эй вы, плотники,—кричалъ онъ имъ черезъ рѣку,—чего вы пришли сюда съ вашимъ хромымъ княземъ? (Ярославъ былъ хромой). Вотъ мы васъ заставимъ хоромы себѣ строить!» Новгородцы обозлились, въ ту же ночь переправились черезъ рѣку, оттолкнули даже лодки отъ берега, чтобы и не думать о бѣгствѣ... Ярославъ велѣлъ имъ перевязать головы платками, чтобы въ сѣчѣ различать своихъ. Между тѣмъ, Святополкъ, не ожидая нападенія и надѣясь на помощь приглашенныхъ имъ печенѣговъ, всю ночь безпечно пировалъ со своей дружиной. Печенѣги, стоявшіе за озеромъ, не успѣли, однако, помочь ему при внезапномъ нападеніи новгородцевъ, и рать его была разбита на-голову.

Побѣжденный Святополкъ бѣжалъ къ своему тестю, польскому королю Болеславу Храброму, и при его помощи снова занялъ Кіевъ. Кіевляне, однако, не ужились съ поляками, и Болеславъ вскорѣ вынужденъ былъ уйти къ себѣ въ Польшу. Тогда Ярославъ съ новгородцами и варягами вторично напалъ на своего противника. На берегу рѣки Альты, гдѣ былъ умерщвленъ Борисъ, завязалась злая сѣча. Ярославъ одолѣлъ, и Святополкъ бѣжалъ въ Богемію. По извѣстіямъ нашей лѣтописи, на него напалъ какой-то безумный страхъ; онъ такъ ослабѣлъ, что не могъ ѣхать на конѣ и его тащили на носилкахъ. «Бѣжимъ, бѣжимъ, безпрестанно вскри-

киваль онъ: за нами гонятся!» Укоры совѣсти мучили братоубійцу, и ему все чудилась погоня. Онъ умеръ на дорогѣ. Въ памяти народной онъ остался съ прозвищемъ Ока я н н а г о (подобнаго Каину), а Борисъ и Глѣбъ пріобрѣли славу мучениковъ, покровителей княжескаго рода и охранителей Русской земли,—церковь причислила ихъ къ лику святыхъ.

Ярославъ Мудрый (1019—1054). Окончивъ трудную борьбу съ Святополкомъ, Ярославъ сѣлъ на столѣ, въ Кіевѣ, и хотѣлъ овладѣть всѣми волостями умершихъ братьевъ, но

Вел. кн. Ярославъ I Мудрый. (Съ рис. В. Верещагина).

встрѣтилъ себѣ противника въ Мстиславѣ Тмутараканскомъ. Этотъ князь, отважный въ битвѣ, щедрый къ дружинѣ, прославился богатырской удалью и своими ратными подвигами далеко за предѣлами своей Тмутаракани, находившейся на берегу Керченскаго пролива. Среди пѣвцовъ княжескихъ дружинъ позднѣйшаго времени была любимой пѣснью—пѣснь о побѣдѣ Мстислава надъ касожскимъ княземъ—силачемъ Редедю. Касоги жили на востокѣ отъ Тмутаракани и часто воевали со Мстиславомъ. Однажды Редедя предложилъ покончить все дѣло поединкомъ. Мстиславъ вышелъ на Редедю, одолѣлъ его и убилъ на глазахъ своего и касожскаго войска. Этотъ храбрый Мстиславъ побѣдилъ Ярослава, своего стар-

шаго брата, и заставилъ его раздѣлить всѣ земли пополамъ. Только по смерти Мстислава Ярославъ объединилъ Русскую землю подъ своею властью.

Изъ внѣшнихъ дѣлъ Ярослава замѣчательны—война съ поляками, у которыхъ онъ снова отнялъ Червонную Русь (Галицію), захваченную ими при Святополкѣ Окаянномъ, рѣшительная побѣда надъ печенѣгами, послѣ чего они почти прекратили свои набѣги на Русь, и морской походъ на Византію, послѣдній въ русской исторіи. Раздоръ возникъ по поводу ссоры между русскими купцами и греками, при чемъ одинъ русскій былъ убитъ. Огромную русскую рать и наемныхъ варяговъ повелъ на Византію старшій сынъ Ярослава, Владиміръ, но походъ окончился неудачно; русскія ладьи были истреблены частію греческимъ огнемъ, частію бурей.

Главныя заботы Ярослава посвящены были внутренней дѣятельности. Онъ заселялъ пустынные мѣста, построилъ нѣсколько новыхъ городовъ, между прочимъ — Юрьевъ въ землѣ Чуди и Ярославль на Волгѣ (первый названъ христіанскимъ именемъ князя, второй—языческимъ) и огородилъ острожками южную границу Руси со степью. Кіевъ при немъ обведенъ былъ хорошей каменной стѣной, при чемъ главныя ворота названы были, по примѣру Царьграда, «Золотыми». Набожный Ярославъ любилъ строить и украшать храмы (замѣчательны Софійскіе соборы въ Кіевѣ и Новгородѣ) и созидалъ монастыри (св. Георгія и св. Ирины въ Кіевѣ); особенное вниманіе онъ обратилъ на распространеніе христіанства среди подвластныхъ ему племенъ и сильно преслѣдовалъ языческихъ волхвовъ, которые возбуждали народъ противъ новой религіи. Подобно отцу, онъ надѣлялъ духовенство землями и разными угодьями и заботился о распространеніи грамотности. Въ Новгородѣ, по его приказу, было устроено училище на 300 мальчиковъ, сыновей священниковъ и старѣйшинъ. Самъ онъ отличался любовью къ чтенію, читалъ священные книги, по словамъ лѣтописца, не только днемъ, но и ночью, собиралъ писцовъ и заставлялъ переписывать рукописи и переводить съ греческаго языка на славянскій.

Ярославъ пользуется славой перваго русскаго законодателя. При немъ положено начало первому сборнику русскихъ законовъ, извѣстному подъ именемъ «Русской Правды» (Ярославова «Правда» дополнена была при преемникахъ Ярослава). Современники высоко цѣнили заботы Ярослава о правосудіи и просвѣщеніи и прозвали его «Мудрымъ». Съ этимъ названіемъ остался онъ и въ исторіи.

При Ярославѣ русскіе были въ постоянныхъ сношеніяхъ не только съ Византіей, но и съ Западною Европой. Русскій князь пользовался тамъ большою извѣстностью и почетомъ и со многими изъ государей Запада находился въ родствѣ.

Одна изъ дочерей Ярослава (Елизавета) была за норвежскимъ королемъ Гаральдомъ Смѣлымъ, который долго добивался руки ея и оставилъ потомству стихотвореніе, гдѣ, воспѣвая свои бранные подвиги, жалуется, что русская красавица презираетъ его. Другая дочь (Анна) вышла за французскаго короля (Генриха I) и прославилась своей благотворительной дѣятельностью. Третья дочь (Анастасія) выдана была за венгерскаго короля. Сыновей своихъ Ярославъ также поженилъ на иностранныхъ принцессахъ. Между прочимъ, любимый сынъ Ярослава Всеволодъ женатъ былъ на греческой царевнѣ—дочери императора Константина Мономаха.

Завѣщаніе Ярослава. Передъ смертью Ярославъ призвалъ своихъ сыновей и, по словамъ лѣтописи, сказалъ имъ: «Отхожу я изъ этого свѣта, дѣти мои! Любите другъ друга, потому что вы—родные братья, дѣти одного отца и одной матери. Если будете жить въ любви и согласіи между собою, то Богъ будетъ за васъ и покорить вамъ враговъ вашихъ. Если же будете ссориться, то и сами погибнете и погубите землю отцовъ вашихъ и дѣдовъ, которую стяжали они великими трудами. Живите же мирно, слушайте братъ брата. Назначаю Кіевъ (и Новгородъ) старшему сыну моему и брату вашему, Изяславу. Слушайте его, какъ слушали меня; **д а б у д е т ь о н ь в а м ь в м ѣ с т о о т ц а**». Раздавъ остальные волости другимъ сыновьямъ (Святославу—Черниговскую, Всеволоду—Переяславскую, Игорю—Владиміро-Волынскую и Вячеславу—Смоленскую), Ярославъ заповѣдалъ имъ не трогать чужихъ областей, и затѣмъ сказалъ Изяславу: «Если же кто захочетъ обидѣть своего брата, то ты помогай обиженному».

Эт о з а в ѣ щ а н і е Я р о с л а в а д ѣ т я м ь послужило основаніемъ для взаимныхъ отношеній князей въ послѣдующее время. И раньше Святославъ и Владиміръ Святой дѣлили землю Русскую между своими сыновьями, но затѣмъ всѣ области соединялись въ рукахъ одного лица; теперь этого уже долго не было, что въ высшей степени усилило усобицы между князьями, усложнявшіяся при усвоенномъ, согласно родовымъ понятіямъ, порядкѣ наслѣдованія областей и «великаго княженія» въ Кіевѣ не отъ отца къ сыну, но по старшинству у членовъ княжеской семьи.

Раздѣленіе Руси на волости по числу князей и усобицы послѣднихъ ослабили Русскую землю (вслѣдствіе чего она и

не могла потомъ дать надлежащаго отпора внѣшнимъ врагамъ), но единства ея не нарушали, такъ какъ князья постоянно передвигались со своими дружинами изъ одного княжества въ другое, при чемъ жители городовъ (особенно старинныхъ, богатыхъ и наиболѣе населенныхъ, гдѣ въ эту эпоху пріобрѣло большое значеніе вѣче) принимали дѣятельное участіе въ этомъ передвиженіи князей и ихъ борьбѣ за старшинство.

Родовыя княжескія отношенія и причины усобицъ. Раздѣливъ, по примѣру отца и дѣда, Русскую землю между своими сыновьями, Ярославъ поступилъ согласно съ укоренившимся среди славянъ, еще въ эпоху родового быта, обычаями пользованія родовымъ имуществомъ. По понятіямъ того времени, вся *Русская земля* считалась *общей собственностію цѣлаго княжескаго рода*, при чемъ каждый родичъ долженъ былъ владѣть какою-нибудь областью, — Ярославъ и выдѣлилъ волости всѣмъ сыновьямъ. По смерти отца главою рода («вмѣсто отца») становился старшій въ родѣ. Такимъ здѣсь и явился Изяславъ. Ему дана и лучшая область со стольнымъ городомъ Кіевомъ, онъ называется великимъ княземъ (въ смыслѣ старшинства) и становится «вмѣсто отца» остальнымъ князьямъ. Послѣ смерти великаго князя, кіевскій столъ и преимуществу, съ нимъ связанная, переходили опять къ старшему въ родѣ, т.-е. къ слѣдующему за нимъ брату, — сообразно съ этимъ Изяславу долженъ былъ наследовать Святославъ, за нимъ — Всеволодъ и т. д. Послѣ смерти всѣхъ братьевъ старшинство переходило къ старшему изъ сыновей того брата, который первый былъ великимъ княземъ, т.-е. въ данномъ случаѣ къ сыну Изяслава. На этомъ основаніи послѣ сыновей Ярослава великимъ княземъ сдѣлался старшій внукъ его Святополкъ II Изяславичъ. Такимъ образомъ, наследованія отъ отца къ сыну не допускалось, и дядя всегда становился выше племянника. Вслѣдъ за старшими въ родѣ, передвигались по старшинству изъ худшей области въ лучшую и другіе князья, и ни одинъ изъ нихъ не могъ считать данной ему области своей личной собственностью. Такой порядокъ очереднаго наследованія областей въ лѣтописяхъ носитъ названіе «лѣстничнаго восхожденія»; на верхней ступенькѣ лѣстницы стоитъ великій князь, за нимъ по старшинству постепенно передвигаются остальные къ завѣтной цѣли — великому княженію. Таковъ основной, такъ сказать, идеальный порядокъ наследованія волостей и передвиженія князей. Но онъ рѣдко соблюдался во всей чистотѣ. Иногда Кіевскій столъ или лучшую волость захватываетъ въ свои руки не старшій въ родѣ, а сильнѣйшій; иногда граждане зовутъ къ себѣ княземъ сына любимаго ими великаго князя, и

племянникъ, такимъ образомъ, нарушаетъ права дядей. Отсюда—постоянныя усобицы. Причиною послѣднихъ служила часто и путаница въ опредѣленіи родства или старшинства, при дальнѣйшемъ размноженіи княжескаго рода, члены котораго, обыкновенно, именовали себя братьями, и затѣмъ самая неопредѣленность отношеній младшихъ князей къ старшему, котораго они почитали, «какъ отца», но вовсе не считали себя его подданными. Дѣло усложнялось, наконецъ, еще существованіемъ, какъ называемыхъ, к н я з е й-и з г о е в ь. Такъ назывались сыновья князей, умершихъ ранѣе достиженія ими великаго княженія. Князья-изгой и ихъ потомки не имѣли права на старшинство, а иногда даже вовсе не получали волостей. Отсюда—новый поводъ къ усобицамъ со стороны лицъ, не желавшихъ мириться съ такими неудобными для нихъ порядками.

Все это, вмѣстѣ взятое, и сдѣлало періодъ времени отъ смерти Ярослава, въ 1054 году, до половины XIII вѣка, самымъ смутнымъ и тревожнымъ періодомъ во всей исторіи Россіи. Одинъ изъ историковъ (Погодинъ) насчитываетъ въ этотъ періодъ 64 княжества, существовавшія болѣе или менѣе продолжительное время, 293 князя, спорившихъ въ теченіи этихъ двухъ вѣковъ за обладаніе Кіевомъ или другими русскими областями, и 83 усобицы, въ коихъ иногда участвовала вся страна.

Усобицы при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава I. Половцы. Ярославичи, послѣ смерти отца, нѣсколько лѣтъ жили въ мирѣ и общими силами боролись противъ новаго врага Руси—п о л о в ц е в ь. Это былъ такой же хищный кочевой народъ, какъ и печенѣги. Истребивъ послѣднихъ, половцы заняли ихъ кочевья въ южно-русскихъ степяхъ и отсюда стали дѣлать набѣги на Русь. Половцы дѣлились на отдѣльныя орды, состоявшія изъ родовъ и управлявшіяся особыми ханами, власть которыхъ была наслѣдственна. Съ огромными стадами рогатаго скота, овецъ и лошадей, они переходили съ мѣста на мѣсто, раскидывая въ мѣстахъ стоянки войлочныя кибитки. Всѣ домашнія работы исполняли у нихъ женщины (и рабы). Любимымъ же занятіемъ мужчинъ были—война и лихіе набѣги на сосѣдей. (Первое появленіе ихъ на Руси лѣтопись относитъ къ 1061 году).

Къ опасности отъ внѣшнихъ враговъ присоединились внутреннія неурядицы. Изяславъ поссорился съ братьями Святославомъ и Всеволодомъ и вынужденъ былъ бѣжать изъ Кіева; бойкій и воинственный Святославъ занялъ не по праву, еще при жизни старшаго брата, великокняжескій столъ. Тщетно искалъ себѣ Изяславъ помощи въ З. Европѣ; только послѣ

смерти своего соперника Изяславъ помирился со Всеволодомъ и опять занялъ Кіевъ.

По смерти Изяслава I, по порядку старшинства, сталъ княжить въ Кіевѣ братъ его Всеволодъ I Ярославовичъ (1078—1093). Это былъ князь добродушный, набожный и большой «книголюбецъ»: онъ зналъ пять языковъ, въ томъ числѣ и греческій, которому научился отъ своей жены, греческой царевны. Княженіе его было безпокойно: Россія страдала при немъ отъ княжескихъ усобицъ, половецкихъ набѣговъ и корыстолюбія княжескихъ тиуновъ (судей), которымъ Всеволодъ слишкомъ довѣрялся, особенно подъ старость. Только благодаря дѣятельности и побѣдамъ своего мужественнаго и умнаго сына Владиміра Мономаха, онъ могъ удержаться на престолѣ до самой смерти.

Изъ сыновей Ярослава I въ то время никого уже не было въ живыхъ и столъ кіевскій перешель теперь къ старшему изъ внуковъ— Святополку II Изяславичу (1093—1113). Властолюбивый, но безхарактерный и трусливый, Святополкъ не умѣлъ ни устранять междоусобій, ни бороться съ внѣшними врагами. Особенно сильны были усобицы за Черниговъ, а потомъ за Волынь. Безпокойный и смѣлый до дерзости, Олегъ Святославовичъ пытался воротить себѣ отцовскую область—Черниговъ, нѣсколько разъ призывалъ на помощь половцевъ и вмѣстѣ съ ними нещадно опустошалъ Русскую землю. Его зато и прозвали въ народѣ «Гориславичемъ». Наконецъ, по предложенію Мономаха, внуки Ярослава собрались на съѣздъ въ Любечѣ (1097 г.), чтобы мирно уладить спорныя дѣла. Князья-соперники сидѣли на одномъ коврѣ, цѣловали крестъ и порѣшили, чтобы впредь каждый владѣлъ своей отчиной (отцовской областью). Олегу съ братьями возвратили Черниговскую область, а Давиду Игоревичу и Ростиславичамъ—Васильку и Володарю (внукамъ Владиміра Ярославича)—отдали земли Владиміро-Волынскія.

Всѣ были довольны, кромѣ Давида. Онъ желалъ владѣть всею Волынью. Особенно опасался этотъ корыстолюбивый и мстительный князь Василька, самаго талантливаго и предприимчиваго изъ Ростиславичей. Давидъ сталъ наговаривать великому князю Святополку, будто Василько съ Мономахомъ хотятъ захватить области Кіевскую и Волынскую и подѣлить ихъ между собою. Трусливый и мнительный Святополкъ повѣрилъ, обманомъ схватилъ Василька, когда тотъ возвращался изъ Любеча черезъ Кіевъ, и выдалъ его Давиду. По приказу послѣдняго. Василько былъ ослѣпленъ самымъ варварскимъ образомъ... Въ ужасъ пришли русскіе князья, когда узнали

о злодѣйствѣ. Владиміръ заплакалъ... «Не бывало еще такого зла ни при отцахъ, ни при дѣдахъ нашихъ!»—воскликнулъ онъ. «Зачѣмъ бросилъ среди насъ ножъ?»—послали князья сказать Святополку и заставили его самого выгнать Давида изъ Волыни и освободить Василька, который томился въ тюрьмѣ у своего врага. Послѣ этого состоялся новый съѣздъ князей въ В и т ч е в ѣ; на немъ рѣшили Васильку съ Володаремъ оставаться въ ихъ старыхъ волостяхъ, а Давида перемѣстили въ одну ничтожную область, гдѣ онъ и умеръ.

Усобицы стихли, и князья, по предложенію Мономаха, рѣшили теперь общими силами бороться съ половцами, которые дошли до небывалой дерзости въ своихъ набѣгахъ и появлялись даже подъ самымъ Кіевомъ. Было совершенно нѣсколько походовъ на степныхъ варваровъ. Самымъ замѣчательнымъ былъ походъ 1111 года. Русскіе прошли за Д о н ъ: такъ далеко въ степи не заходили со временъ самого Святополка. При рѣкѣ Салѣ, впадающей въ Донъ, половцы потерпѣли неслыханное пораженіе: они потеряли до 20 однихъ хановъ. Исходъ сраженія рѣшенъ былъ, благодаря мужеству и искуснымъ распоряженіямъ Владиміра Мономаха. По всей Руси славили его подвиги. Долго послѣ этого пораженія половцы не тревожили Русской земли.

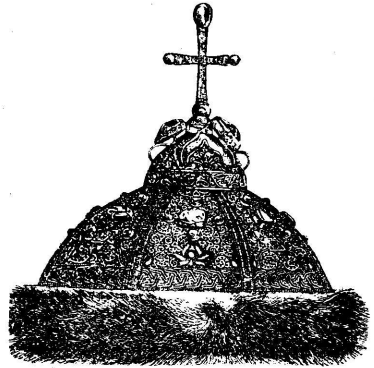
По смерти Святополка II, Кіевъ въ порядкѣ старшинства долженъ былъ перейти къ одному изъ Святославичей. Но Кіевляне и слышать о томъ не хотѣли, тѣмъ болѣе, что не всѣ родичи признавали право старшинства за Святославичами, такъ какъ отецъ ихъ захватилъ великое княжество не по праву, еще при жизни Изяслава, и скончался прежде старшаго брата. Всѣ звали Мономаха. Онъ отказывался, но въ Кіевѣ начались беспорядки, и онъ долженъ былъ согласиться. Святославичи не смѣли противиться общему желанію: Мономаха давно уже знала и любила вся Русская земля.

Владиміръ Мономахъ (1113—1125) является лучшимъ княземъ того времени. Прозваніе Мономаха Владиміръ получилъ въ честь дѣда своего по матери, византійскаго императора Константина Мономаха, драгоцѣнный вѣнецъ и золотыя бармы (оплечье) котораго были, по преданію, присланы Владиміру въ числѣ другихъ даровъ византійскимъ императоромъ Алексѣемъ Комненомъ. (Эти регалии стали потомъ возлагать на русскихъ государей; онѣ хранятся теперь въ московской Оружейной палатѣ.) Правдивый и набожный, добродушный и вмѣстѣ съ тѣмъ воинственный, Мономахъ высоко стоялъ во мнѣніи современниковъ и рѣзко выдѣлялся своими качествами и своей дѣятельностью среди другихъ князей того вре-

мени. Еще будучи рядовымъ княземъ, онъ думаетъ не о своихъ личныхъ выгодахъ, и часто ими поступаетъ ради общаго блага, являясь, по выраженію лѣтописи, «страдальцемъ (труженикомъ) за всю Русскую землю». Въ эпоху вѣроломства онъ свято блюдетъ крестное цѣлованіе, миритъ враждующихъ, побуждаетъ князей на общее дѣло. Народъ видѣлъ въ немъ образецъ набожности и «нищелюбія». Онъ плакалъ на молитвѣ, плакалъ, когда видѣлъ челоуѣка въ несчастіи, не жалѣлъ своей казны для бѣдняковъ и прощалъ обиды, нанесенныя ему лично. Ласковый и правосудный, онъ завѣщалъ дѣтямъ въ своемъ Поученіи: «Не проходите мимо челоуѣка безъ привѣта, скажите каждому доброе слово, но больше всего не забывайте убогихъ,

Великій князь Владиміръ
Мономахъ.

Шапка Мономаха.

оправдывайте вдовицу, не давайте сильнымъ погубить слабого простаго смерда. Не убивайте ни праваго, ни виноватаго, никакой души христіанской. Особенно не имѣйте гордости ни въ сердцѣ, ни въ душѣ своей, но говорите: всѣ мы смертны».

При всемъ добродушіи онъ былъ суровъ, а иногда и безпощаденъ къ заклятымъ врагамъ Русской земли—половцамъ и не сдавался на обѣщанія и на мольбы о пощадѣ. Отличаясь беззавѣтной отвагой и богатырской удалью въ битвахъ, онъ былъ неутомимъ въ походахъ. По его собственному признанію, онъ совершилъ 83 большихъ похода—«а малыхъ и не перечеть». Дѣятельность онъ проявилъ необычайную. Большую часть жизни онъ провелъ внѣ дома, большую часть ночей онъ проспалъ на сырой землѣ; дома и въ дорогѣ, на войнѣ и на охотѣ дѣлалъ все самъ; не давалъ себѣ покою ни днемъ, ни ночью, ни въ холодъ, ни въ жаръ; до свѣта поднимался онъ съ постели, ходилъ къ

объднѣ, потомъ думалъ съ дружиной, судилъ людей, ѣздилъ на охоту (онъ былъ страстнымъ охотникомъ) и т. п. При всемъ томъ, онъ находилъ время и любилъ читать книги и бесѣдовать о прочитанномъ съ духовными лицами. И дѣтямъ завѣщаетъ онъ: «Что знаете полезнаго, не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь. Мой отецъ, сидя дома, зналъ пять языковъ. Лѣность—всему худому мать».

На велико-княжескій престолъ Мономахъ вступилъ уже 60-ти лѣтъ, но былъ еще бодръ и духомъ, и тѣломъ. Притихли при немъ и не смѣли беспокоить Русскую землю половцы. Прекратились и княжескія усобицы. Младшіе князья уважали и вмѣстѣ боялись Владиміра. Безпокойныхъ князей онъ сначала уговаривалъ, а при упорствѣ лишалъ волостей. Онъ первый осуществилъ завѣтъ дѣда, чтобы великій князь замѣнялъ младшимъ родичамъ любящаго и вмѣстѣ строгаго отца.

Конечно, такой порядокъ вещей поддерживался, только благодаря исключительнымъ достоинствамъ Мономаха и общему уваженію къ нему народа и князей. Являясь лучшимъ представителемъ эпохи, Мономахъ не возвышался надъ понятіями своего времени; прикрывая своими личными доблестями и самые недостатки тогдашняго политическаго строя, онъ не вводилъ въ него и не придумывалъ ничего новаго, но только охранялъ существующее. Но тѣмъ болѣе цѣнили его современники, и когда онъ умеръ, то, по словамъ лѣтописи, «святители, народъ и люди плакали о немъ, какъ дѣти плачутъ по отцѣ или по матери». Любовь къ нему народъ перенесъ и на его потомство.

Усобицы въ семьѣ Мономаха. Упадокъ Кіевской Руси. Послѣ смерти Мономаха, кіевскій столъ занялъ старшій сынъ его Мстиславъ (1125 — 1132), хотя и не былъ старшимъ въ родѣ. Привязанность кіевлянъ къ семьѣ Мономаха разрушала родовые счеты, и другіе князья должны были уступить. Мстиславъ I по уму и твердости характера походилъ на отца; онъ удачно боролся съ половцами, которые обрадовались смерти Мономаха и напали на Русь. Это былъ послѣдній князь, державшій въ повиновеніи родичей. Послѣ него начинается разгаръ княжескихъ усобицъ. Въ самой семьѣ Мономаха начались раздоры: младшіе родичи не слушались великаго князя (Ярополка—брата Мстислава—1132—1139), добиваясь великаго княженія. Этимъ воспользовались О л ь г о в и ч и (сыновья Олега Святославовича) и завладѣли великимъ княженіемъ (Всеволодъ II—1139 — 1146). Кіевляне не любили Ольговичей и стали звать на столъ кіевскій внука Мономаха, И з я с л а в а II Мстиславича (1146—1154). Послѣдній мало думалъ о чужихъ пра-

вахъ, — «не мѣсто идетъ къ головѣ, но голова къ мѣсту», говаривалъ онъ, — и поспѣшилъ занять Кіевъ, помимо своихъ дядей, изъ которыхъ самымъ вліятельнымъ и даровитымъ былъ младшій сынъ Мономаха, Юрій Суздальскій, прозванный Долгорукимъ. Тогда между дядей и племянникомъ завязалась упорная борьба. Противники не уступали другъ другу въ талантахъ и энергіи, хотя и различны были по характеру. Юрій — представитель сѣверной Руси — былъ расчетливъ и остороженъ, онъ избѣгалъ битвъ и любилъ побѣждать терпѣніемъ, выжида-ніемъ. Изяславъ — представитель южной Руси — храбрый, горячій, предприимчивый. Онъ избобрѣталъ разныя военныя уловки, устраивалъ для рѣчныхъ битвъ особаго рода лодки съ покрывками для гребцовъ и т. д. Ласковый съ дружиной, пріятельный съ народомъ, онъ былъ любимъ кіевлянами. Въ борьбѣ дяди съ племянникомъ приняла участіе чуть не вся Русь: одни стали за Юрія, другіе за Изяслава. Противники не разъ призывали себѣ на помощь венгровъ и половцевъ, такъ что борьба обострилась до крайности. Храбрый Изяславъ былъ два раза изгнанъ изъ Кіева, но, наконецъ, взялъ верхъ. Борьба, такимъ образомъ, кончилась въ пользу племянника. Только послѣ смерти его Юрій Долгорукій добился великаго княженія (1154—1157).

Послѣ Юрія Кіевъ переходилъ изъ рукъ въ руки и, наконецъ, достался сыну Изяслава, Мстиславу II. Но на него ополчился, за нарушеніе правъ старшинства, дядя его Андрей Боголюбскій, сынъ Юрія. Снова возгорѣлась въ потомствѣ Мономаха борьба между дядей и племянникомъ; на этотъ разъ одолѣлъ дядя. Андрей привелъ съ собою большую рать: «подъ рукой» его было одиннадцать князей съ дружинами. Кіевъ осадили и, несмотря на отчаянную защиту, взяли приступомъ (1169 г.). Никогда еще «матери городовъ русскихъ» не наносилось такого униженія. Суздальская рать жгла и грабила городъ нѣсколько дней; мужчинъ избивали, женщинъ и дѣтей брали въ плѣнъ; этимъ, однако, у нихъ и не кончилось. Андрей посадилъ тамъ младшаго изъ своихъ братьевъ; самъ же, принявши титулъ великаго князя, остался въ своемъ любимомъ городѣ — Владимірѣ — на-Клязьмѣ. Съ той поры значеніе Кіева, какъ первопрестольнаго города, падаетъ; первенствующимъ городомъ является малоизвѣстный дотолѣ Владиміръ — на-Клязьмѣ (основанный Мономахомъ). Могущественные суздальскіе князья мало заботятся о Кіевѣ, и онъ становится игрушкой послѣднихъ усобицъ, бесполезно терзаемыхъ южную Русь. До татаръ въ теченіе 70 лѣтъ (1169—1240) въ немъ смѣнилось до 20 князей, изгонявшихъ другъ друга.

Упадокъ Кіева стоялъ въ связи съ общимъ упадкомъ южной Руси. Въ постоянныхъ усобицахъ другъ съ другомъ князья опустошали волости своихъ соперниковъ, жгли ихъ села, истребляли или забирали скотъ, уводили захваченныхъ обывателей, обращая ихъ въ своихъ холоповъ, а половцы, которыхъ они нерѣдко наводили на Русскую землю, угоняли въ степи и обращали въ рабство тысячи плѣнниковъ. Терзаемая княжескими усобицами и постоянными набѣгами кочевниковъ, южная Русь замѣтно пустѣетъ. «Въ городахъ моихъ живутъ только псаря да половцы (плѣнные)»,—жалуется одинъ изъ князей. «Пуста земля моя отъ (набѣговъ) половцевъ»,—говоритъ другой.

Борьба съ половцами. Слово о полку Игоревѣ. Лѣтопись яркими красками описываетъ бѣдствія южной Руси отъ половецкихъ набѣговъ: «Села и города наши опустѣли, всѣ разбѣжались отъ враговъ нашихъ. Половцы пожгли села, гумна и храмы: все обратилось въ пустыню, нивы поросли травой и сдѣлались жилищемъ звѣрей. Великую бѣду терпѣли люди. Однихъ уводили въ плѣнъ, другихъ убивали, мучили, вязали, держали на холодѣ. Многие перемерли отъ голода и жажды. Печальные, измученные, цѣпенѣя отъ холода, съ опавшими отъ горя, жажды и голода, лицами, босые и нагіе, шли русскіе плѣнники по невѣдомой странѣ и со слезами рассказывали другъ другу: «я изъ такого-то города, а я изъ такой-то веси». Простыхъ плѣнниковъ половцы продавали евреямъ, а тѣ перепродавали ихъ въ мусульманскія страны Средней Азіи; болѣе же значныхъ половцы держали въ плѣну, въ ожиданіи выкупа.

Чтобы обезопасить земли свои отъ половцевъ, князья иногда заключали съ ними договоры, скрѣпляя ихъ брачными союзами съ половецкими князьями. Но это рѣдко помогало. Пользуясь междоусобіями князей, половецкіе ханы опять начинали свои обычные набѣги, не щадя при этомъ и своихъ родственниковъ.

Отъ набѣговъ половцевъ страдалъ весь югъ Россіи, особенно же пограничныя съ ними княжества—Кіевское и Чернигово-Сѣверское. Населеніе массами отливало отсюда на сѣверовостокъ, въ мѣстности болѣе безопасныя и отъ нападенія степняковъ, и отъ княжескихъ раздоровъ. Это, между прочимъ, много способствовало возвышенію Ростово-Суздальской земли и князей ея.

Среди княжескихъ усобицъ половецкіе набѣги становились такъ чувствительны потому, что князья теперь не поднимаются, какъ во времена Мономаха, общимъ походомъ на «поганыхъ». Когда-то грозная для степи, Русь давно уже «не пила шлемомъ изъ Дона», т. е. не ходила въ глубь половецкаго кочевья.

Въ 1185 г. два сѣверскихъ князя Игорьъ и Всеволодъ (внуки Олега Святославича Черниговскаго) задумали вернуть Русской землѣ уваженіе половцевъ и совмѣстно предприняли походъ въ глубь степи. Смѣлая попытка эта сопровождалась сначала успѣхомъ, но кончилась гибелью Всеволода и плѣномъ Игоря, потому что половцы дѣйствовали единодушно всѣми силами. Игорю потомъ удалось бѣжать изъ плѣна. Событіе это, было воспѣто неизвѣстнымъ дружиннымъ пѣвцомъ въ «Словѣ о полку (походѣ) Игоревѣ». Пѣвецъ ясно опредѣляетъ причину упадка былого могущества Русской земли — междоусобія князей, и зоветъ сильныхъ тогда представителей княжеской власти вспомнить давніе походы Руси на половцевъ и отомстить за неудачу Игоря и Всеволода. Несмотря на высокій патриотизмъ и увлекательную красоту изложенія, «Слово» не достигло своей цѣли. Княжескія усобицы продолжали подтачивать силы Русской земли.

Государственный и общественный бытъ Кіевской Руси.

Несмотря на усобицы и раздоры князей и на громадныя размѣры территоріи Кіевской Руси, всѣ русскія княжества сохраняли внутреннее единство. Одинаковый языкъ, одна вѣра, одинаковый бытъ, лишь слегка измѣнявшійся отъ климатическихъ условій соединяли попрежнему народъ въ одно цѣлое. Князья, при всѣхъ усобицахъ, не могли забыть о своей принадлежности къ одному роду Рюрика. Наконецъ, церкви всѣхъ княжествъ были подчинены одному и тому же митрополиту, и Кіевъ являлся религіознымъ центромъ всей страны. Все это, въ связи съ природными условіями страны, содѣйствовавшими ея единству (отсутствіе естественныхъ преградъ на громадной равнинѣ, на которой раскинулось населеніе), повело къ тому, что государственный и общественный строй Руси (съ небольшими развѣ отклоненіями, изъ коихъ самое значительное падаетъ на долю Великаго Новгорода, съ преобладаніемъ въ немъ вѣча) представляется одинаковымъ во всѣхъ княжествахъ.

Князь былъ верховнымъ правителемъ области, ея главнымъ судьбою и защитникомъ отъ враговъ. Онъ распредѣлялъ подати, строилъ города, назначалъ въ нихъ своихъ намѣстниковъ, избиралъ, по соглашенію съ кіевскимъ митрополитомъ, епископовъ, былъ главнымъ воеводою на войнѣ и т. д. Каждый князь въ своей волости былъ вполне независимъ отъ другихъ, вель войну, заключалъ миръ, и только по дѣламъ, касавшимся княжескихъ усобицъ, или для общихъ предпріятій противъ

Съѣздъ князей.

внѣшнихъ враговъ князя, особенно въ кievскій періодъ, иногда собирались на съѣзды (напр., Любечскій, Витичевскій и др.). Съѣзды эти имѣли характеръ семейныхъ совѣтовъ, или совѣщаній самостоятельныхъ владѣльцевъ, и о внутреннихъ дѣлахъ того или другого княжества, гдѣ каждый былъ полно-властнымъ хозяиномъ, на съѣздахъ рѣчей не заводили.

Лѣтопись сохранила любопытное описаніе подробностей одного изъ такихъ совѣщаній. Въ 1103 году Владиміръ Мономахъ пригласилъ в. к. Святополка Пятти весною въ походъ на половцевъ. Дружина Святополка отговаривала своего князя: «не годится весною отрывать поселянъ отъ полевыхъ работъ». Князя съхались недалеко отъ Кіева на берегу Днѣпра и сѣли въ одномъ шатрѣ, каждый со своей дружиной. Долго всѣ молчали. Владиміръ, наконецъ, первый заговорилъ: «Братъ, ты—старшій; говори, какъ бы намъ промыслить о Русской землѣ». «Лучше ты начни говорить»,—отвѣтилъ Святополкъ. «Что же мнѣ говорить»,—возразилъ Владиміръ,—скажутъ, что хочу погубить поселянъ, отрываю ихъ отъ пашни... Дивно мнѣ только, что поселянъ и лошадей ихъ жалѣете, а того не подумаете: станетъ поселянинъ весною пахать, и пріѣдетъ вдругъ половчинъ, убьетъ его стрѣлою, лошадь его, жену и дѣтей возьметъ себѣ и гумно сожжетъ». Дружина согласилась съ Владиміромъ, и Святополкъ заявилъ:

«Готовъ я итти съ тобой противъ половцевъ». Великое добро, братъ, сдѣлаешь тѣмъ всей Русской землѣ»,—сказалъ Владиміръ. Князья встали, поцѣловались и послали звать въ походъ и другихъ князей.

Главные доходы князя состояли изъ дани (которая собиралась съ области хлѣбомъ, медомъ, мѣхами, а съ богатыхъ городовъ, въ родѣ Новгорода,—и серебромъ), военной добычи, торговыхъ пошлинъ и судебныхъ штрафовъ съ преступниковъ. Кромѣ того, многіе князья получали большіе доходы со своихъ собственныхъ имѣній, заселенныхъ холопами. Все это давало имъ возможность, при общей тогда набожности, дѣлать большіе вклады въ церкви, строить новые храмы и монастыри, снабжать ихъ книгами, заводить училища и т. д., а съ другой стороны—устраивать для своей дружины и народа веселые пиры.

Въ лѣтописяхъ встрѣчается не мало извѣстій о частной жизни князей. При рожденіи князю давали два имени: одно княжее (языческое), а другое христіанское (Ярославъ — Георгій или Юрій, Святополкъ—Михаиль и др.). Когда княжичу исполнялось три года, надъ нимъ совершали торжественный обрядъ «всаженія на конь». До самого отрочества за княжичемъ надзиралъ особый «кормилецъ» или дядька,

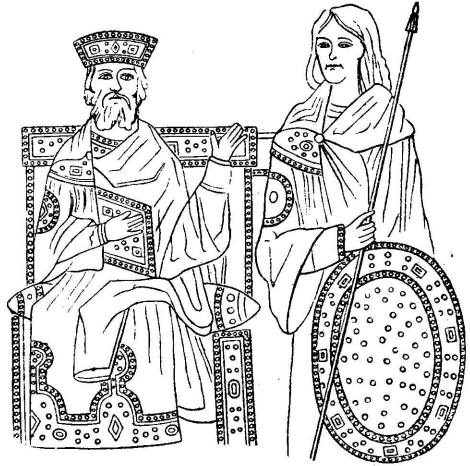
Обѣдъ князя съ митрополитомъ (по сказанію о Борісѣ и Глѣбѣ).

избиравшійся изъ опытныхъ бояръ. Всѣхъ княжихъ дѣтей какъ сыновей, такъ и дочерей, учили грамотѣ. По достиженіи 15—17 лѣтъ княжича женили. Около того же времени, а иногда и раньше, лѣтъ съ 12, княжичъ отправлялся въ городъ, назначенный ему волостью; тамъ совершался торжественный обрядъ вокняженія или «посаженія на столъ» въ соборной церкви, съ благословенія епископа, при чемъ жители присягали и цѣловали крестъ.

Князья, обыкновенно, вставали рано, до зари, и шли въ церковь. Послѣ того завтракали, затѣмъ разсуждали о дѣлахъ со своими старшими дружинниками и производили судъ.

Если же важныхъ дѣлъ не было, то спозаранку отправлялись съ дружинниками на охоту или же катались верхомъ. Въ полдень обѣдали и затѣмъ спали. Вечеръ иные князья «книголюбцы» посвящали чтенію назидательныхъ книгъ, другіе пировали со своей дружиной, забавляясь пѣніемъ гуслировъ и плясками скомороховъ. Особенно любили повеселиться южнорусскіе князья. Послѣ ужина рано ложились спать.

Иногда князья съ большой свитой и съ припасами отправлялись на богомолье въ города, славившіеся своими святынями. Наравнѣ съ населеніемъ они вообще отличались большой набожностью, ежедневно ходили въ церковь, строили и украшали храмы; предъ смертію

Князь на тронѣ и оруженосецъ.

Одежда князей (по рис. въ Изборникѣ 1073 г., представляющему семью вел. кн. Святослава).

Св. вел. князь Владиміръ посылаетъ Бориса съ дружиной на печенѣговъ (по сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ).

многіе принимали схиму. Хоронили князей, обыкновенно, при церквахъ въ оградѣ или въ самомъ храмѣ. Всѣ родичи и домочадцы надѣвали при этомъ «скорбное» (черное) платье, плакали и причитали. За гробомъ, который иногда ставили на сани (они въ старину замѣняли дроги), несли княжескій «стягъ» (знамя), вели его коня; у гроба ставилось копье. Послѣ смерти на поминъ души усопшаго дѣлались вклады по церквамъ и раздавались щедрыя милостыни нищимъ.

Свободное населеніе княжествъ распадалось на три части— княжескую дружину (служилое сословіе), людей (неслужилое сословіе) и духовенство. «Дружина» и «люди» не были замкнутыми общественными классами: изъ одного можно было перейти въ другой; различіе было въ отношеніяхъ къ князю (одни ему служили, другіе платили дань), а также въ хозяйственномъ и имущественномъ положеніи этихъ классовъ населенія.

Дружина стояла въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ князю. Съ нею онъ совѣтовался, судилъ народъ, ходилъ на войну и на охоту, съ нею пировалъ и веселился. Въ ней была главная опора его власти и силы, особенно же при усобицахъ, и потому князья дорожили дружиной, тѣмъ болѣе, что дру-

жинники были люди вольные и могли свободно, въ случаѣ неудовольствія, уходить къ другому князю. Дружина состояла изъ людей, охотно поступавшихъ на службу къ князю; въ нее не было закрытъ доступъ и храбрымъ иноземцамъ. Дружина дѣлилась на старшую или бояръ («бояръ» отъ слова болии) и младшую (извѣстную подъ именами отроковъ, дѣтскихъ, гридей — отъ скандин. grid — дворовая прислуга). Бояре были главными совѣтниками (думцами) князя, составляя княжескую «думу»; изъ нихъ назначались воеводы во время войны, посадники или намѣстники княжескіе по городамъ; они тамъ завѣдывали судомъ и сборомъ дани и получали за свою службу, кромѣ жалованья отъ князя (деньгами и припасами), еще часть торговыхъ и судныхъ пошлинъ. Иныхъ изъ бояръ князь надѣлялъ землей; но пока дружинники передвигались по областямъ вмѣстѣ съ князьями, они не могли усилиться въ качествѣ богатыхъ землевладѣльцевъ. Младшіе дружинники были тѣлохранителями и ближайшими слугами князя, исполняли разныя должности при его дворѣ и составляли самую важную часть его войска. Они, обыкновенно, содержались на счетъ князя.

Люди (отъ людинъ) или свободные жители городовъ и сель составляли главную массу населенія. Болѣе зажиточные горожане, имѣвшіе свои земли, занимавшіеся торговлей, назывались лучшими (иногда городскими старцами или «житьими людьми»), менѣе зажиточные и мелкіе ремесленники, занимавшіеся ручной работой, носили названіе меньшихъ или черныхъ людей. Свободныхъ сельскихъ жителей звали, обыкновенно, смердами. Занимаясь по преимуществу земледѣліемъ и промыслами, съ ними связанными, они платили за пользованіе землей оброкъ, такъ какъ земля считалась собственностію князя и раздавалась имъ дружинникамъ и духовенству. Смерды не дорожили землей, которой, при малочисленности населенія, было вездѣ много; они нигдѣ не оставались подолгу, но безпрестанно переходили съ мѣста на мѣсто, отыскивая большихъ льготъ, лучшей земли. Всѣ «люди» обязаны были платить князю дань и выставлять, по его требованію, во время войны ополченіе. И горожане, и поселяне распались на общины, имѣвшія своихъ земскихъ властей (тысяцкіе, старосты, сотскіе, десятскіе), наблюдавшихъ за правильнымъ выполненіемъ повинностей. Для рѣшенія общихъ дѣлъ, они, по исконному славянскому обычаю, собирались на вѣче. Князья сами нерѣдко собирали вѣче и совѣтовались съ нимъ. Во времена усобицъ и постоянного передвиженія князей, вѣче стольныхъ и богатыхъ городовъ приобрѣло даже довольно большое значеніе и иногда

само выбираю себѣ князя, принимая его на извѣстныхъ условіяхъ. Бывали случаи, что вѣче изгоняло князя, приглашая къ себѣ другого, отказывалось итти на войну по приглашенію князя и т. д. Но вообще вѣче нигдѣ не достигало такого развитія и значенія, какъ въ Новгородѣ. Самыя сходки вѣчевыя не имѣли опредѣленнаго устройства и собирались въ неправильные сроки; по мѣрѣ возрастанія осѣдлости князей и дружины, значеніе вѣча постепенно умалется, а населеніе переходитъ въ непосредственное завѣдываніе княжескихъ чиновниковъ.

Кромѣ свободныхъ людей, были еще полусвободные, такъ называемые—з а к у п ы или наймиты, своего рода временные рабы, обязанные отработать извѣстное число лѣтъ своему заимодавцу за долгъ, и затѣмъ несвободные—х о л о п ы (челядь, рабы), считавшіеся полной собственностію своего господина. Въ холоповъ обращались, большею частію, плѣнники; полными или обельными («облий»—круглый) холопами становились также люди, купленные при свидѣтеляхъ за деньги, дѣти рабовъ и проворовавшіеся или убѣжавшіе отъ своего господина закупы. Владѣть холопами могли только князья, бояре и монастыри. Хозяйство послѣднихъ и основывалось, главнымъ образомъ, на холопахъ и закупахъ, такъ какъ обработка земли съ помощью смердовъ, свободно переходившихъ съ мѣста на мѣсто, была затруднительна.

Судъ производилъ самъ князь, а гдѣ его не было,—на мѣстникъ (посадникъ) или т і у н ы, поставленные княземъ. До Ярослава судъ совершался по родовымъ обычаямъ, различнымъ у различныхъ племенъ. При Ярославѣ и его преемникахъ впервые явился сборникъ письменныхъ законовъ («Русская Правда»), въ который вошли отчасти прежніе обычаи, княжескія постановленія и нѣкоторые византійскіе законы. Въ судъ внесено было, такимъ образомъ, болѣе однообразія и порядка. Главною цѣлью изданія сборника законовъ было огражденіе личной и имущественной безопасности; о преступленіяхъ этого рода и говорится по преимуществу въ «Рус. Правдѣ»; съ ними приходилось, главнымъ образомъ, вѣдаться и тогдашнимъ судьямъ.

Мѣстомъ судебного разбирательства былъ, обыкновенно, дворъ князя или намѣстника. Обиженный долженъ былъ представить свидѣтелей («видоковъ и послуховъ») или прямыхъ доказательствъ обиды—знаки побоевъ и увѣчья. Если свидѣтелей не было и обвиняемый не сознавался, то прибѣгали къ «суду Божію»—испытанію желѣзомъ или водою: заставляли, напр., опускать руку въ кипятокъ или держать нѣсколько времени раскаленное желѣзо въ рукѣ; если обвиняемый могъ

это сдѣлать безъ вреда для себя, то признавался невиннымъ. Кромѣ того, было въ обычаѣ «поле», т.-е. поединокъ между тяжущимися; побѣдившій признавался правымъ, какъ человѣкъ, которому самъ Богъ помогаетъ. Наказаніями чаще всего были денежные штрафы, которые платилъ виновный въ пользу князя («вира») и въ вознагражденіе обиженнаго («голозщизна»). Тѣлесныхъ же наказаній для свободныхъ людей не допускалось. При особенно тяжкихъ преступленіяхъ, какими считались, напр., разбой, поджогъ и уволь лошадей (имѣвшихъ особенную цѣнность для дружинниковъ), виновный осуждался на изгнаніе («потокъ»), а его имущество подвергалось конфискаціи («разграбленію»). Пойманнаго вора хозяинъ имѣлъ право, въ случаѣ сопротивленія, убить на мѣстѣ «какъ пса», не подвергаясь за это отвѣтственности. Не считалось преступленіемъ и убійство совершенное въ ссорѣ, на пиру. Помимо этихъ случаевъ, за убійство полагался денежный штрафъ (взмѣнъ допускавшейся ранѣ кровавой мести со стороны родственниковъ убитаго), при чемъ принималось во вниманіе общественное положеніе убитаго:

СЛАВЪ БОЛОДН

СЛАВЪ БОЛОДН

СЛАВЪ БОЛОДН

равд ар оу сьск л и а

жь оу сь к ть м оу

жь м оу ж а т о мь стн

т н е р а т о у б р а т а

л н е о б ц н л н е о с н оу.

«Русская правда», по списку XIII вѣка.

такъ, напр., за княжяго мужа, т.-е. дружинника платилась двойная вира (80 гривенъ), а за женщину полвиры (20 гривенъ). Если убійца скрывался, то виру платила община («вервь»), на землѣ которой найденъ былъ убитый («дикая» или общая вира). Если преступникъ не могъ уплатить денегъ, то его продавали на торгу.

Среди законовъ того времени представляютъ особенный интересъ постановленія относительно наслѣдства. При наслѣдованіи сыновья получали равныя части изъ отцовскаго наслѣдства и должны были надѣлять сестеръ приданымъ; безсыновому смерду наслѣдовалъ князь съ выдачей части незамужней дочери; безсыновымъ боярамъ наслѣдовали дочери; вдова получала то, что назначалъ ей мужъ, но оставалась полной хозяйкой въ домѣ при малолѣтнихъ дѣтяхъ. Это право наслѣдованія, даваемое и женщинѣ, выгодно выдѣляетъ русское законодательство изъ ряда современныхъ ему въ Западной Европѣ.

Города и торговля. Городовъ въ Кіевской Руси въ лѣтописяхъ упоминается довольно много—свыше двухсотъ—цифра очень крупная для земледѣльческой страны. Такая многочисленность городовъ вызывалась не военными только потребностями, но, главнымъ образомъ, развитіемъ торговли. Городъ,

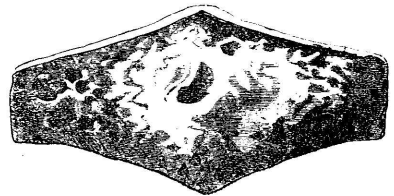

Серебряныя монеты Ярослава Мудраго.

обыкновенно, представлялъ изъ себя группу бревенчатыхъ избъ, огороженную деревянными стѣнами, или тыномъ, землянымъ валомъ и рвомъ. Въ центрѣ большихъ городовъ, обыкновенно, имѣлось еще особое небольшое укрѣпленіе, называвшееся кремлемъ. Здѣсь находился главный соборный храмъ города, хоромы князя, главнѣйшихъ бояръ и духовныхъ лицъ, жили тѣлохранители и слуги князя изъ младшихъ дружинниковъ (или «дѣтскихъ»), по

этому кремль часто называли «дѣтинцемъ»). Около кремля (въ окольномъ городѣ, или острогѣ, посадѣ) жило болѣе всего торговое населеніе и различные ремесленники (плотники, столяры, токари др.); главнымъ мѣстомъ здѣсь было «торговище», или рынокъ, куда въ извѣстные дни съѣзжались жители большихъ сель и деревень для обмѣна своихъ произведеній.

Кромѣ этой мѣстной торговли, въ большихъ городахъ въ удѣльный періодъ получила значительное развитіе торговля съ другими городами и съ иноземными народами. Торговля шла по рѣкамъ. Главное торговое движеніе совершалось по такъ называемому великому водному пути въ Грецію, и затѣмъ по Волгѣ въ землю камскихъ болгаръ и хозарь. На первомъ пути главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ въ южной Россіи былъ Кіевъ: сюда привозили изъ Греціи шелковую ткань, вина, плоды, золото, серебро, церковную утварь; на сѣверѣ торговымъ центромъ былъ Новгородъ: сюда привозили изъ Зап. Европы оружіе, вина, сукна, полотна, соль,

Гривна кіевская.

сельди и пр. Торговль съ Греціей сильно мѣшали кочевники (печенѣги и половцы); ко времени же появленія татаръ непосредственныя сношенія Кіева съ Византіей почти совсѣмъ прекратились. Изъ Россіи вывозили, главнымъ образомъ, сырыя произведенія: воскъ, медъ, мѣха, кожи, пеньку, хлѣбъ и т. п.

Торговля была, по преимуществу, мѣновая. Такъ какъ своего серебра не было, то для облегченія торговыхъ сношеній вмѣсто монеты употребляли иногда шкуры куницъ, соболей и др. животныхъ, почему и деньги первоначально назывались *к у н а м и*. Когда же начали вывозить изъ другихъ земель золото и серебро, то стали чеканить и монету по образцу византійской («серебро Ярославово») или же употребляли въ качествѣ денегъ куски серебра разныхъ формъ и вѣса (чаще всего—около фунта), подъ названіемъ *гривень*.

Новгородская Русь.

Средоточіемъ исторической жизни для сѣверной Руси очень рано становится Новгородъ Великій (т. е. старшій городъ въ своей землѣ). По лѣтописному сказанію онъ стоялъ во главѣ племени, призвавшихъ норманскихъ князей въ 862 г. Первоначально Новгородъ находился въ полной зависимости отъ кіевскихъ князей. Ярославъ I за услуги, оказанныя ему новгородцами въ борьбѣ съ Святополкомъ Окаяннымъ, даровалъ имъ особыя льготныя грамоты (до насъ не дошедшія), которыя и послужили началомъ новгородской вольности. Пользуясь отдаленностью отъ Кіева и усобицами князей, добивавшихся стола великокняжескаго, разбогатѣвъ отъ торговли, Новгородъ постепенно усиливался и около половины XIII в. сдѣлался самостоятельной вѣ ч е в о й о б щ и н о й, которая принимала къ себѣ князя только по своему желанію и на извѣстныхъ условіяхъ (дѣлала съ нимъ «рядъ», по выраженію лѣтописи). Община стала называть себя: «Господинъ Великій Новгородъ».

Торговый характеръ жизни Новгорода. Главнымъ занятіемъ новгородцевъ и источникомъ ихъ богатствъ была *т о р г о в л я*—жизненный нервъ города. Бѣдность почвы, мѣстами песчаной, мѣстами топкой и болотистой, не позволяла развиться земледѣлію и заставила населеніе искать другихъ занятій для прокормленія. Обиліе же водяныхъ путей и положеніе Новгорода на великомъ водномъ пути изъ Скандинавіи въ Грецію съ раннихъ поръ вызвали новгородцевъ на торговое дѣло. Въ Швецію шли изъ Новгорода восточные и греческіе товары. Издавна также новгородцы вели мѣновую

торговлю съ греками, финнами, камскими болгарами, хозарами и даже арабами. Особенно обширную торговлю вели Новгородцы съ «готскими» купцами, т.-е. купцами съ о. Готланда, гдѣ былъ цвѣтушій центръ западной торговли—г. Висби. Когда въ XIII в. стала возвышаться Ганза (союзъ нѣмецкихъ городовъ для охраны торговли отъ насилій феодаловъ), новгородцы приняли дѣятельное участіе въ ганзейской торговлѣ, и Ганза учредила въ Новгородѣ одну изъ главныхъ конторъ.

Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всю внѣшнюю торговлю сѣверной Россіи и предлагая свое посредничество въ сношеніяхъ съ Западомъ, нѣмцы всеми мѣрами старались препятствовать развитію самостоятельной торговли Новгорода съ Западной Европой. Ганзейская компанія запрещала даже привозить изъ-за границы товаровъ болѣе чѣмъ нужно, чтобы постоянно держать ихъ въ высокой цѣнѣ. Новгородцы продавали, обыкновенно, мѣха, кожи, ленъ и вообще сырье, а взамѣнъ получали оружіе, вина, сукна, стекло, шерстяныя ткани и другія издѣлія фабричной промышленности. Товары эти затѣмъ перепродавались внутрь Россіи, откуда новгородцы вывозили хлѣбъ для себя (по Волгѣ изъ приволжскихъ земель и съ юга по Днѣпру). Неурожаи и войны ставили иногда этому препятствіе, и тогда въ Новгородѣ наставалъ страшный голодъ; не разъ случалось, что отцы продавали нѣмцамъ въ рабство своихъ дѣтей, лишь бы спасти себя и ихъ отъ голодной смерти...

Колонизація русскаго сѣвера новгородцами. Для своей торговли съ Западомъ новгородцы добывали мѣха, рыбу, медъ и кожи, главнымъ образомъ, путемъ сбора дани съ подчиненныхъ имъ инородцевъ сѣвера Россіи. Еще въ глубокой древности предприимчивые новгородскіе купцы, въ поискахъ за этимъ товаромъ, проникли на сѣверъ и сѣверо-востокъ Россіи, переходя иногда даже за Уралъ. Чтобы держать инородцевъ въ повиновеніи и еще дальше распространять свою власть, новгородцы основывали въ ихъ землѣ свои колоніи, строили новые города-крѣпости (такъ образовались земли Двинская или Заволочье, Вологодская, Поморская и др.); съ другой стороны, благочестивые люди, монашествующіе и вообще духовныя лица проникли туда съ цѣлію проповѣди христіанства, основывали храмы и монастыри съ поселеніями вокругъ ихъ. Такъ распространялась славянская колонизація на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Россіи. Утвержденію русскаго господства среди инородцевъ много содѣйствовали также походы смѣлой и буйной новгородской молодежи, повольниковъ или «ушкуниковъ». На своихъ лодкахъ (ушкуяхъ) они

пробирались по Волгѣ и сѣвернымъ рѣкамъ въ земли финновъ, грабили и разбойничали тамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняли инородцевъ Новгороду, заводили среди нихъ русскія поселенія, въ землѣ Вятской они (въ 1174 г.) образовали даже самостоятельную общину, которая имѣла новгородское устройство и управлялась собственнымъ вѣчемъ. Благодаря колонизаціи, земля новгородская къ XIII в. распространялась далеко на сѣверо-востокъ, имѣя границами Финскій заливъ, Чудское озеро, верховья Волги, Бѣлое море и Уральскія горы.

Въ прилегающихъ къ Новгородской землѣ мѣстностяхъ находились **пригороды**, стоявшіе въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ старымъ городомъ—Псковъ, Изборскъ, Великіе Луки, Старая Русса, Торжокъ, Бѣжецкъ. Пригороды принимали участіе въ дѣлахъ Новгорода; жители ихъ призывались иногда на вѣче. Ближайшія къ Новгороду земли дѣлились на пять частей или п я т и н ѣ: Водская (по Ладожскому озеру), Обонежская (до Бѣлаго моря), Бѣжецкая (до Мсты), Деревская (до Ловати) и Шелонская (отъ Ловати до Луги). За пятинами простирались, такъ называемыя, волости новгородскія,—этимъ именемъ назывались владѣнія болѣе отдаленныя и позднѣе приобрѣтенныя; они населены были финскими племенами и платили дань Новгороду: Заволочье (по обѣимъ сторонамъ Двины отъ Онеги до Мезени), Поморье или Тре (Новгородская Лапландія), Пермь (мѣста по Вычегдѣ и Верхней Камѣ), Печора (по обѣимъ сторонамъ Урала и рѣки Печоры) и Югра (по ту сторону Уральского хребта).

Новгородское государственное устройство. Въ бытѣ Великаго Новгорода встрѣчаются значительныя особенности сравнительно съ бытомъ другихъ русскихъ областей. Нигдѣ вѣче не достигало такого развитія, какъ въ Новгородѣ. Это было постоянное учрежденіе, которому принадлежала верховная власть въ области и которое рѣшало всѣ важнѣйшія дѣла общины, а именно—опредѣляло миръ или войну, призывало и изгоняло князей, избирало и смѣняло высшихъ сановниковъ, издавало и отмѣняло законы, устанавливало подати и повинности, судило важнѣйшія преступленія, соединенныя съ наиболѣе тяжкими наказаніями — лишеніемъ жизни, конфискаціей имущества и изгнаніемъ и т. д. По старинному славянскому обычаю, дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ, при чемъ меньшинство иногда принуждало соглашаться силою.

Вѣче собиралось, обыкновенно, посадникомъ, иногда княземъ, или боярами и даже черными людьми; созывая на вѣче, и предъ открытіемъ его звонили въ вѣчевой колоколь. Вѣче не было постоянно дѣйствующимъ учрежденіемъ и созывалось

только тогда, когда являлась въ немъ надобность. Равнымъ образомъ, никогда не было установлено постоянного срока для его созыва. На вѣчѣ могли собираться всѣ свободные граждане—бояре и черные люди. Важнѣйшія дѣла подготовлялись къ вѣчу, такъ называемымъ, «с о в ѣ т о м ѣ г о с п о д ѣ» (изъ вліятельныхъ и богатыхъ гражданъ) и «старыхъ» (отставныхъ) посадниковъ и тысяцкихъ, въ извѣстной мѣрѣ зачастую предрѣшавшихъ постановленія вѣча. Обычнымъ мѣстомъ сбора вѣча былъ Ярославовъ дворъ на Торговой сторонѣ, но собирались и у св. Софіи. Иногда собирались два враждебныхъ вѣча—одно на Софійской сторонѣ, другое на Торговой, и дѣло кончалось рукопашной схваткой на Волховскомъ мосту, пока не являлся владыка съ духовенствомъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ и не успокаивалъ враждующихъ.

Вмѣстѣ съ вѣчемъ въ Новгородѣ продолжала существовать и власть князя: но онъ со своей дружиной входилъ въ новгородскую общину лишь какъ сторонняя сила, и поэтому вынужденъ былъ уступить первое мѣсто вѣчу и даже находился отъ него въ зависимости. Вѣче призывало князя для исполненія обязанностей верховнаго судьи, главнымъ же образомъ—для защиты отъ внѣшнихъ враговъ, но при этомъ всегда предлагало ему «рядъ», т.-е. извѣстныя условія, которыя онъ обязанъ былъ исполнять. Такъ, оно требовало, чтобы князь назначилъ правителей по волостямъ изъ природныхъ новгородцевъ, а не изъ (своей) пришлой дружины; ни князь, ни его дружинники не могли пріобрѣтать земель въ Новгородѣ, даже вести торговлю они могли только на имя какого-нибудь новгородца. Производить судъ князь обязанъ былъ въ присутствіи и съ согласія посадника и не могъ наказывать безъ вины или отнять безъ суда должности у выборнаго или назначеннаго на нее лица. На свое содержаніе князь получалъ, между прочимъ, особый родъ дани, которая называлась «даромъ».

Если князь не исполнялъ ряда, то община говорила ему: «ты собѣ, а мы собѣ» и «казали князю путь изъ Новгорода», избирая другого князя. Однажды изгнанный новгородцами князь пригрозилъ имъ насильно водворить въ Новгородѣ своего сына, и вѣче послало сказать ему: «коли у твоего сына двѣ головы, то присылай его». Въ большинствѣ случаевъ невольные князья сами покидали городъ, въ которомъ имъ приходилось играть второстепенную роль (такъ, въ теченіе XII столѣтія въ Новгородѣ смѣнилось до 30 князей).

У новгородцевъ не было с в о и х ъ постоянныхъ князей и, смотря по обстоятельствамъ, они получали князей то изъ рода Ольговичей (въ Черниговѣ), то изъ какой-либо вѣтви Монома-

ховичей (Волынской, Смоленской или Суздальской). И въ то время, какъ въ другихъ русскихъ областяхъ княжескія семьи постепенно принимали характеръ своего рода княжескихъ династій, Новгородъ постоянно выбиралъ между ними и потому не получилъ своего княжескаго дома. Это послужило источникомъ смуть и раздоровъ въ самомъ Новгородѣ между сторонниками различныхъ князей и дало возможность сильнымъ суздальскимъ князьямъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла новгородцевъ, имѣть у нихъ свою партію и давать имъ князя «изъ своихъ рукъ». Еще Юрій Долгорукій сталъ тѣснить Новгородъ и стремился посадить тамъ князя отъ себя. Андрей Боголюбскій дѣйствовалъ еще рѣшительнѣе—«хочу искати Новгорода добромъ или лихомъ», послалъ онъ сказать имъ, и хотя новгородцы отразили многочисленную рать Андрея, но вскорѣ смирились и приняли князя изъ рукъ Андрея, когда тотъ прекратилъ подвозъ хлѣба въ Новгородъ изъ Поволжскихъ областей, а новгородскимъ купцамъ «не давалъ пути» въ землю камскихъ болгаръ, прерывая тѣмъ ихъ торговыя сношенія съ Востокомъ. Всеволодъ III еще съ большею настойчивостію пошелъ по слѣдамъ отца и старшаго брата и началъ тѣснить Новгородъ, чтобы привести его въ полную отъ себя зависимость. Его сыновья стремились къ тому же. Новгородъ оберегали два знаменитыхъ Мстислава древней Руси—Мстиславъ Храбрый, самый любимый изъ новгородскихъ князей, и сынъ его Мстиславъ Удалой. Но это только на время охранило вѣчевой городъ и его вольности. То, чего не добились суздальскіе князья, достигли впоследствии продолжатели ихъ дѣла—князья московскіе.

Исполнительными органами вѣча были два высшихъ выборныхъ сановника, которые вели текущія дѣла управленія и суда—п о с а д н и к ъ и т ы с я ц к і й. Посадникъ, собственно гражданскій управитель города, былъ посредникомъ между народомъ и княземъ, созывалъ вѣче, замѣнялъ князя, въ случаѣ его отсутствія. Онъ избирался изъ богатыхъ вліятельныхъ фамилій и оставался въ своей должности, пока былъ любъ народу.

Т ы с я ц к і й тоже выбирался изъ боярскихъ фамилій. Онъ завѣдывалъ полицейской и военной частію. Ему подчинялись сотскіе и десятскіе, наблюдавшіе за порядкомъ. Названіе тысяцкаго произошло отъ того, что Новгородъ въ военномъ отношеніи представлялъ изъ себя «т ы с я ч у»,—вооруженный полкъ, подъ командой тысяцкаго; эта тысяча дѣлилась на с о т н и, военныя части города; сотни дѣлились на у л и ц ы, каждая съ своимъ «старостой».

Во главѣ ц е р к в и въ Новгородѣ стоялъ архіепископъ или в л а д ы к а, какъ его называли. Онъ выбирался на вѣчѣ.

Намѣчали, обыкновенно, трехъ кандидатовъ и бумажки съ именами ихъ клали на престолъ въ Софійскомъ соборѣ. Затѣмъ приводили сюда слѣпца или ребенка — которые брали два жребія, оставшіяся на престолѣ третій жребій указывалъ на избранника Св. Софіи. Новоизбранный управлялся затѣмъ на посвященіе къ русскому митрополиту. Владыка принималъ важное участіе въ гражданскихъ дѣлахъ, предсѣдательствовалъ въ «совѣтѣ господъ» и особенно старался о примиреніи враждебныхъ партій вѣча. Его совѣта спрашивали всегда князья и посадники. Договоры съ другими княжествами и иностранными государствами также заключались всегда съ его благословенія, при чемъ во главѣ грамотъ ставилось его имя. Владыка имѣлъ большой дворъ, свой судъ, своихъ пословъ, во время войны выставялъ особый полкъ со своихъ земель. Вообще, церковь въ лицѣ владыки стояла въ Новгородѣ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ народу, чѣмъ гдѣ-либо на Руси, чему способствовала и религіозность новгородцевъ, наглядно выразившаяся, между прочимъ, въ постройкѣ множества храмовъ и монастырей (послѣднихъ въ Новгородѣ было уже въ XII в. до 20). И если строптивые новгородцы часто мѣняли своихъ князей и посадниковъ, то сравнительно болѣе другихъ устойчивую и прочную власть въ ихъ исторіи представляетъ духовный владыка.

Хотя все свободное населеніе Новгорода принимало участіе въ управленіи и судѣ, тѣмъ не менѣе—уже съ раннихъ поръ въ Новгородѣ начали выдѣляться знатные или, какъ ихъ обычно называли, боярскіе роды, которые возвысились надъ простыми гражданами, благодаря своему богатству, пріобрѣтенному торговлей и, мало-по-малу, сосредоточили въ своихъ рукахъ большія поземельныя владѣнія. Они, обыкновенно, назывались лучшими людьми, въ отличіе отъ меньшихъ, или черныхъ людей (мелкихъ ремесленниковъ и рабочихъ)

Пользуясь своими связями и богатствомъ, «лучшіе люди», обыкновенно, проводили своихъ кандидатовъ на должности посадника и тысяцкаго и вообще вліяли на все управленіе Новгородомъ.

Вслѣдствіе этого преобладанія богатыхъ правящихъ классовъ и «Господинъ Великій Новгородъ» былъ въ существѣ дѣлаторговой республикой съ княземъ во главѣ. Это преобладаніе высшихъ классовъ, усилившееся съ теченіемъ времени, по мѣрѣ роста богатствъ и сосредоточенія ихъ въ рукахъ немногихъ фамилій, обострило отношенія между верхнимъ и нижнимъ слоями населенія Новгорода, чѣмъ и восполь-

зовались въслѣдствіи князья московскіе при стремленіи подчинить вольный городъ своей власти.

Съ теченіемъ времени городъ Новгородъ очень разросся, раскинувшись по своимъ берегамъ рѣкъ Волхова, близъ истока ея изъ озера Ильменя. Рѣка дѣлила его на двѣ стороны: торговую—на восточномъ берегу, и Софійскую—на западномъ. Главной частью города былъ дѣтинецъ (кремль) на Софійской сторонѣ, обнесенный стѣною. Здѣсь жилъ князь со своей дружиной и новгородскій владыка (архіепископъ); здѣсь же находился и соборный храмъ Св. Софіи. На торговой сторонѣ помѣщались, главнымъ образомъ, рынки и лавки. Здѣсь же находился, такъ называемый, Я р о с л а в о в ь Дворъ—обширная площадь съ вѣчевой башней. На этой площади возвышалась «степень»—помость, съ котораго посадникъ обращался съ рѣчью къ собравшемуся народу (отсюда названіе посадниковъ, пока они исправляли свою должность, степенными, въ отличіе отъ «старыхъ», т.-е. оставившихъ свою должность). Торговая и Софійская сторона соединялись большимъ Волховскимъ мостомъ, находившимся недалеко отъ торга и служившимъ часто ареной столкновеній враждующихъ партій въ городѣ. Весь городъ дѣлился на пять частей или к о н ц о в ь, а концы дѣлились на улицы. Это дѣленіе на концы было слѣдствіемъ первоначальнаго устройства города, составившагося изъ нѣсколькихъ слободъ или поселковъ, которые сначала были самостоятельными обществами, а потомъ соединились въ одну большую городскую общину.

Псковъ. Изъ пригородовъ Новгорода съ теченіемъ времени возвысился, благодаря торговлѣ, П с к о в ь и, мало-помалу, добился права имѣть особаго князя и (съ половины XIV в.) самостоятельное вѣче. Съ той поры онъ сталъ называться «младшимъ братомъ» Новгорода.

Порядокъ и управленіе во Псковѣ установились по новгородскому образцу, хотя и съ инымъ характеромъ. Такъ, напр., при небольшихъ размѣрахъ Псковской земли и меньшемъ, сравнительно съ Новгородомъ, развитіи торговли здѣсь не могло образоваться сословія такихъ крупныхъ и вліятельныхъ капиталистовъ, какія мы видимъ въ Новгородѣ; во Псковѣ главенствовалъ многочисленный средній классъ и рѣзкой розни между нимъ и низшимъ слоємъ общества не было. Вѣче проходило сравнительно мирно; оно избирало д в у х ь посадниковъ и не давало имъ долго засиживаться, опасаясь злоупотребленій, часто смѣняло и довольно придирчиво контролировало ихъ дѣйствія. Совѣтъ господъ во Псковѣ («господъ») былъ простымъ докладчикомъ и подготовителемъ законодательныхъ

проектъ, но не направителемъ рѣшеній вѣча, какъ было въ Новгородѣ. Менѣе многочисленное и болѣе мирно настроенное, чѣмъ въ Новгородѣ, вѣче могло лучше разобраться въ матеріалѣ, который подносился ему этимъ совѣтомъ, и проявить большую самостоятельность въ дѣйствіяхъ

Торговое значеніе Пскова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и внѣшній ростъ города, особенно увеличилось съ развитіемъ сношеній Новгорода съ Балтійскимъ побережьемъ и возникновеніемъ Ганзейскаго союза, при чемъ купцамъ Пскова, какъ пограничнаго съ Балтикой города, приходилось играть наиболѣе видную роль. Самый городъ съ той поры по своей населенности и размѣрамъ сравнился съ Новгородомъ. Обнесенный крѣпкими стѣнами, съ «дѣтинцемъ» или кремлемъ по срединѣ, Псковъ представлялъ собой огромную и неприступную для внѣшнихъ враговъ крѣпость. Это особенно было важно, такъ какъ Псковъ расположенъ былъ на границѣ русскихъ поселеній съ Литвой и нѣмцами. Сосѣдство Псковской области съ владѣніями Литвы и возникшаго на балтійскомъ побережьи, нѣмецкаго Ливонскаго ордена, и сдѣлало Псковъ передовымъ оплотомъ Руси въ борьбѣ съ этими врагами. Внутренняя же сплоченность псковскаго общества дала ему возможность довольно успѣшно справляться съ этой задачей

Обзоръ первоначальной исторіи Прибалтійскаго края даетъ возможность должнымъ образомъ оцѣнить значеніе и характеръ борьбы Руси и въ частности Пскова съ такими врагами.

Прибалтійскій край.

Страна, прилегающая къ Балтійскому морю отъ Финскаго залива до Западной Двины, издавна находилась въ сношеніяхъ съ Русскою землею. Въ сѣверной части ея жили финны (чудь), въ южной — смѣсь финскихъ и литовскихъ племенъ. Финское племя чудь, по сказанію лѣтописи, участвовало въ призваніи Рюрика, слѣдовательно, находилось уже въ близкой связи съ Новгородомъ. Ярославъ построилъ въ землѣ чуди городъ Юрьевъ, переименованный потомъ нѣмцами въ Дерптъ (нынѣ снова Юрьевъ). Съ той поры нерѣдко русскіе князья изъ Новгорода совершали походы въ эти прибрежныя области и подчиняли себѣ туземцевъ. Православные князья по своей исконной вѣротерпимости не принуждали туземцевъ креститься и не обращали вниманія на ихъ бытъ, довольствуясь только сборомъ дани; потому жители страны оставались, по большей части, язычниками и сохранили свое дѣленіе на племена и свое мѣстное управленіе.

Но вотъ въ половинѣ XII вѣка сюда попали нѣмецкіе купцы и завязали постоянную торговлю съ туземцами. Вскорѣ прибылъ съ купцами католическій священникъ (Мейнгардъ) и сталъ обращать туземцевъ въ христіанство. Для защиты новообращенныхъ отъ язычниковъ, онъ построилъ крѣпкій замокъ съ нѣмецкой колоніей вокругъ, и назначенъ былъ первымъ ливонскимъ епископомъ. Такъ положено было начало владычеству нѣмцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

Замѣтивъ, наконецъ, властолюбивые замыслы пришельцевъ, туземцы возстали противъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ, насильно, съ оружіемъ въ рукахъ, распространявшихъ христіанство. Тогда, съ благословенія папы, прибылъ сюда съ отрядомъ крестоносцевъ епископъ **А л ь б е р т ь Б у к с г е в д е н ь**, которому и удалось утвердить здѣсь господство нѣмцевъ. Онъ построилъ городъ **Р и г у** (1201) и для защиты этой новой колоніи основалъ братство духовныхъ рыцарей—полу-воиновъ, полу-монаховъ, названныхъ «братьями Христова воинства», или орденомъ меченосцевъ (рыцари носили бѣлый плащъ и на немъ вышивали красный мечъ съ крестомъ). Папа далъ имъ право владѣть землями новобращенныхъ въ ленной зависимости отъ епископа. Начальникъ Ливонскаго ордена (это названіе дано было ордену по имени племени ливовъ, на земляхъ которыхъ нѣмцы утвердились) назывался «магистромъ». Рыцари начали распространять христіанство огнемъ и мечомъ. Подъ угрозой смерти, туземцамъ волей-неволей приходилось креститься, но многіе изъ язычниковъ тутъ же тайкомъ погружались въ Двину, думая смыть съ себя крещеніе и отослать его обратно въ Германію...

Они просили помощи у русскихъ, но тѣ не могли и не сумѣли оказать должнаго противодѣйствія нѣмцамъ. Новгородцы вели въ эту пору борьбу съ суздальскими князьями и не обратили должнаго вниманія на то, что бокъ-о-бокъ съ ними вырастаетъ грозный врагъ. Вскорѣ палъ и Юрьевъ. Разрозненные, плохо вооруженныя финскія племена не могли устоять предъ закованными въ желѣзо рыцарями, которые покрыли всю страну сѣтью крѣпкихъ замковъ и стали безпощадно угнетать туземное населеніе, обративъ его въ крѣпостное состояніе. Понятно, что туземцы были вредити имъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Это, разумѣется, ослабляло силу ордена. Прочности его мѣшали и внутреннія неурядицы. Епископъ и магистръ враждовали между собою, каждому хотѣлось властвовать одному; у епископа были свои земли и рыцари, у магистра свои, и послѣдніе постоянно отбивались отъ епископской зависимости. Но

вскорѣ у нихъ оказались союзники, придавшіе новую силу ослабѣвшему ордену.

Въ началѣ XIII в. одинъ изъ польскихъ удѣльныхъ князей (Конрадъ Мазовецкій), тѣснимый литовскимъ племенемъ— пруссами, дѣлавшими постоянные набѣги на его землю, пригласилъ къ себѣ въ помощь духовно-рыцарскій орденъ Тевтоновъ, который послѣ упорной борьбы и утвердился въ землѣ пруссовъ. Вскорѣ оба ордена— Тевтонскій и Ливонскій, чувствуя себя слабыми въ одиночествѣ, соединились (при чемъ ливонскіе рыцари приняли уставъ Тевтонскаго ордена). Такимъ образомъ, нѣмцы прочно засѣли почти по всей Балтикѣ отъ Финскаго залива до самой Вислы и повели даже наступательную войну противъ Руси, пытаясь завладѣть новгородскими землями. Успѣхи ихъ остановилъ Александръ Невскій. А Псковъ отъ Литвы и ливонскихъ рыцарей мужественно и успѣшно защищаль любимый псковичами, доблестный Довмонтъ (въ св. крещеніи Тимофей), литовскій князь, перешедшій на сторону русскихъ. Слишкомъ тридцать лѣтъ стоялъ Довмонтъ во главѣ Пскова и много славныхъ подвиговъ совершилъ на защиту своего города. Особенно часты были его столкновенія съ рыцарями. Даже въ годъ своей смерти престарѣлый князь выходилъ противъ нихъ и разбилъ ихъ. (1299).

Суздальская Русь.

Съ размноженіемъ потомства Ярослава I постепенно слабѣютъ родовыя связи въ княжеской семьѣ и, мало-по-малу, обособляются отдѣльныя вѣтви княжескаго рода— Мономаховичей, Ольговичей и т. д., при чемъ каждая вѣтвь стремится сохранить за собою надѣлъ отца. Соотвѣтственно этому, во 2-й половинѣ XII в. почти прекращаются переходы князей по старшинству изъ одной волости въ другую, и Русь распадается на нѣсколько отдѣльныхъ самостоятельныхъ княжествъ или земель. Въ каждой изъ этихъ земель утверждается одна какая-либо вѣтвь Рюриковичей, съ однимъ старшимъ или «великимъ княземъ» въ главномъ городѣ и младшими князьями въ остальныхъ городахъ. Первоначально здѣсь происходятъ такія же междоусобія за старшинство и за волости, какія имѣли мѣсто среди сыновей Ярослава. Хотя споры за Кіевъ еще и продолжаются, но съ упадкомъ значенія этого города и съ возвышеніемъ основаннаго Мономахомъ Владиміра-на-Клязьмѣ, теряютъ свое значеніе,

Кромѣ Кіевской и Переяславской, области эти слѣдующія Черниговская и Сѣверская, Муромская и Рязанская, Полѣцкая, Смоленская, Ростово-Суздальская, Волынь и Галиція, — послѣдняя, какъ равно и Новгородская земля, выдѣляется по особенностямъ внутренняго строя своей жизни. Въ ряду этихъ земель во второй половинѣ XII вѣка пріобрѣтаетъ особенное значеніе—Ростово-Суздальская. Она первая вышла изъ круга «очередного» и временнаго княжескаго владѣнія. Среди ея князей впервые устанавливается переходъ владѣній отъ отца къ сыну и появляются, такъ называемые, удѣлы, въ смыслѣ отдѣльнаго и притомъ постояннаго владѣнія, переходившаго не по старшинству, а по наследству отъ отца къ сыну, внуку и т. д., по прямой нисходящей линіи. Князья этой области постепенно обособляются въ своихъ удѣлахъ и уже не переходятъ въ другія волости, а только стремятся присоединить къ себѣ чужіе удѣлы, полагая тѣмъ начало политическому объединенію частей страны.)

Приводимъ краткія свѣдѣнія о другихъ княжествахъ.

Черниговская и Сѣверская области расположены были по рѣкамъ Деснѣ, Сейму и верховьямъ Оки (земли сѣверянъ, вятичей и родимичей). Въ Черниговской области наиболѣе важными городами были—Черниговъ, Стародубъ и Любечъ, въ Сѣверской—Новгородъ Сѣверскій, Нутивль и Курскъ. Оба княжества принадлежали поколѣнію Ольговичей (отъ Олега Святославича, внука Ярослава I). Послѣ нашествія Батя, Черниговская область, опустошенная татарами и разоренная, теряетъ всякое значеніе.

Княжество Сѣверское отдѣлилось отъ Черниговскаго вскоре послѣ смерти Святослава Ярославича. Сѣверскимъ князьямъ приходилось вести постоянную борьбу со своими сосѣдями—половцами. Одинъ изъ этихъ походовъ воспѣтъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ».

Муромская и Рязанская области расположены были по среднему теченію Оки и по верховьямъ Дона (земли финскихъ племенъ муромы и мешеры); главнѣйшіе города здѣсь были—Муромъ, Рязань, Переяславль—Рязанскій и Коломна. По завѣщанію Ярослава I, Муромо-Рязанская земля (вмѣстѣ съ Черниговско-Сѣверскимъ княжествомъ) досталась сыну его Святославу. Потомки его удержали за собой эти земли до нашествія татаръ, но были въ зависимости отъ могущественныхъ суздальскихъ князей.

Полѣцкая область лежала по Западной Двинѣ, Березинѣ и верховьямъ Нѣмана (западная часть земли кривичей). Важнѣйшими городами были—Полѣцкъ, Минскъ и Ви-

тебскъ. Здѣсь княжили потомки св. Владиміра и Рогнѣды. Они жили отдѣльно отъ другихъ Рюриковичей и мало принимали участія въ удѣльныхъ распряхъ князей и вообще событіяхъ остальной Руси. Въ XIII в. княжество подчинилось Литвѣ.

Смоленская область занимала верховья Днѣпра, Волги и Западной Двины (восточная часть земли кривичей); главнѣйшими городами были—Смоленскъ, Торонецъ, Можайскъ и Вязьма. Смоленское княжество подчинялось потомкамъ Мономахова внука Ростислава Мстиславовича. Изъ нихъ особенно прославились своими подвигами—Мстиславъ (Ростиславовичъ) Храбрый и его сынъ Мстиславъ Удалой.

Суздальская область занимала мѣстности по верхнему и среднему теченію Волги съ ея притоками. Природа сѣверо-восточной Руси не привлекала переселенцевъ-славянъ; первоначально здѣсь жили бѣдныя финскія племена (весь, меря, мурома), но потомъ, мало-по-малу, стали заселять этотъ край русскіе, подчиняя своему вліянію туземцевъ. Сначала колонизація шла, преимущественно, съ саверо-запада изъ Новгородской земли, которой принадлежалъ этотъ край первоуьхъ русскихъ князьяхъ. Здѣсь основываются города, крѣпости, храмы, монастыри съ поселеніями вокругъ нихъ; въ край проникаютъ торговцы и промышленники, по рѣкамъ возникаютъ торгово-промышленные центры; наконецъ, въ удѣльный періодъ сюда приливаетъ съ юга Россіи масса смердовъ (поселянъ), гонимыхъ усобицами князей и набѣгами половцевъ. Въ потокѣ этой колонизаціи туземцы исчезли. Мелкія финскія племена, которыхъ древняя Русь объединяла подъ общимъ названіемъ чуди, смѣшивались съ русскимъ населеніемъ, роднились съ нимъ посредствомъ браковъ, забывали свой языкъ и религію и постепенно слились въ одинъ народъ. Такъ образовалось новое славянское племя—в е л и к о р у с с к о е, по своему характеру отличное отъ другихъ славянскихъ племенъ. Бѣдная природа страны вызывала населеніе къ неустанному труду, бережливости, энергіи, предприимчивости—съ этими качествами и являются въ исторіи великоруссы и ихъ князья.

Слившіеся съ славянами финны оставили по себѣ память только въ названіяхъ многихъ поселковъ, рѣкъ (напр. Москва, по-фински «мутная вода», и др.) и нѣкоторыхъ городовъ (Весьегонскъ—весьегонская и др.). Что касается народной *психики*, то здѣсь совсѣмъ почти незамѣтно слѣдовъ финскихъ вліяній; это и понятно: менѣе культурныя мелкія племена не могли вліять въ этомъ отношеніи на болѣе культурный народъ, уже пріобрѣвшій свою опредѣленную умственную фізіономію. Такъ, напр., русскій языкъ остался внѣ всякаго вліянія со сто-

роны финновъ; въ лексиконѣ великоросса едва насчитывается 50 — 60 словъ финскаго происхожденія (пахать, пурга и др.)

Благодаря вліянію новыхъ условій жизни на сѣверо-востокѣ измѣнился и экономическій бытъ населенія, его занятія. Удаленіе отъ приморскихъ рынковъ и рѣчныхъ торговыхъ путей юга ослабило внѣшній сбытъ и торговлю и сократило лѣсную промышленность; основой народнаго хозяйства на сѣверѣ стало хлѣбопашество, несмотря на то, что почва страны здѣсь была менѣе удобна и плодородна, чѣмъ на югѣ. Тамъ, на югѣ, и населеніе, и сами князья занимались усиленной разработкой лѣсныхъ богатствъ ради внѣшней торговли,—здѣсь они обратились къ земледѣльческой разработкѣ почвы, при посредствѣ вольнаго крестьянскаго труда, всячески стараясь привлечь на свои земли побольше смердовъ.

Особенно оживился Суздальскій край при Юріи Долгорукомъ до котораго тамъ не было особыхъ князей со времени св. Бориса. Онъ построилъ много новыхъ городовъ (Москва, Юрьевъ Польскій, Переяславль Залѣсскій, Дмитровъ), увеличилъ число храмовъ и священниковъ, пролагалъ дороги въ дремучихъ лѣсахъ, осушалъ болота и вообще заявилъ себя хозяйственной дѣятельностью. «Устроитель» Суздальской земли, Юрій стремился, однако, на югъ и успокоился только, когда завладѣлъ Кіевомъ. Тамъ онъ и умеръ. Послѣ него править Суздальской землею и дѣлается великимъ княземъ сынъ его Андрей Боголюбскій. При немъ полагается начало новымъ порядкамъ въ отношеніяхъ князей между собою и къ населенію.

Андрей Боголюбскій (1157 — 1174) родился и выросъ на сѣверѣ и мало интересовался югомъ и спорами разныхъ линій Рюрикова потомства изъ-за великаго княженія. Южные князья также не заявляли притязаній на непривѣтливый Суздальскій край. Отецъ Андрея, Юрій I спокойно княжилъ въ старыхъ городахъ, Ростовѣ и Суздальѣ, а Андрей столь же мирно управлялъ своимъ удѣломъ, даннымъ ему отцомъ—молодымъ «пригородомъ» Владиміромъ - на - Клязьмѣ. «Мизинніи люди» пригорода (какъ ихъ звали суздальцы), не имѣвшие даже своего вѣча, не могли служить помѣхой для властолюбиваго Андрея и безпрекословно ему повиновались. Андрей привыкъ быть «княземъ-самовластцемъ». И когда Юрій, занявъ Кіевъ, посадилъ было Андрея въ Вышгородѣ (близъ Кіева), Андрей самовольно ушелъ въ Суздальскую землю. Вѣчевые порядки южно-русскихъ городовъ, ограничивавшіе власть князя, не нравились Андрею. На сѣверѣ было болѣе простора для его княжеской власти. Уходя изъ Вышгорода, Андрей

захватилъ съ собою и мѣстную святыню—икону Богородицы, привезенную изъ Византіи и пользовавшуюся въ Кіевской Руси величайшимъ уваженіемъ князей и народа. Преданіе рассказываетъ, что кони, везшіе икону, остановились неподалеку отъ Владиміра-на-Клязьмѣ и не хотѣли ѣхать далѣе. Ночью ему было видѣніе: во снѣ явилась ему Богородица и велѣла поставить икону во Владимірѣ, а на мѣстѣ видѣнія заложить монастырь. Потомъ Андрей заселилъ это мѣсто и назвалъ *селомъ Боголюбовымъ*. Оно было любимымъ

Вел. кн. Андрей Боголюбскій.

мѣстопребываніемъ князя и отъ него онъ получилъ названіе Боголюбскаго. Теперь икона сдѣлалась главной святыней Владиміра, гдѣ снова поселился Андрей. По смерти отца онъ сдѣлалъ Владимірѣ своимъ ст о л ь н ы м ъ городомъ; онъ не поѣхалъ ни въ Ростовъ, ни въ Суздаль, гдѣ было вѣче и населеніе привыкло болѣе свободно относиться къ князю, чѣмъ во Владимірѣ.

Андрей изгналъ изъ Суздальской земли своихъ братьевъ и племянниковъ, а также старыхъ отцовскихъ бояръ, и правилъ единодер-

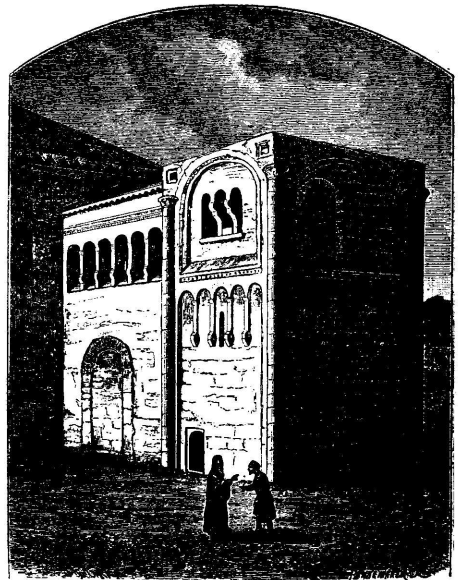
ж а в н о; кромѣ того, онъ явно стремился подчинить себѣ и другія русскія области. Воспользовавшись удѣльными усобицами на югѣ, онъ достигъ и тамъ господства. Кіевъ былъ взятъ и разграбленъ войсками Андрея; но самъ Андрей, принявъ титулъ великаго князя, остался попрежнему жить во Владимірѣ, который и сталъ съ той поры первенствующимъ городомъ Русской земли (1169).

Унизивъ Кіевъ, Андрей вступилъ въ борьбу съ Н о в г о р о д о м ъ. Походъ его войска на этотъ городъ окончился однако неудачей; тогда великій князь прекратилъ подвозы хлѣба изъ волжскихъ городовъ, и новгородцы вынуждены были смириться и приняли князя изъ его рукъ.

Самовластные отношенія Андрея къ другимъ князьямъ, которыхъ онъ переводилъ изъ одного города въ другой или даже выгонялъ изъ волостей по своему произволу, вызвали, наконецъ, противъ него сильное недовольство. «Братъ,—послали сказать ему южные князья,—мы назвали тебя своимъ отцомъ и чтимъ тебя, какъ отца по любви, а ты съ нами обращаешься, не какъ съ князьями, а какъ съ подручниками. Такъ пусть Богъ насъ разсудить!» Въ происшедшей затѣмъ борьбѣ великій князь, несмотря на превосходство силъ, успѣха не имѣлъ. (Особенно отличился своей стойкостью и храбростью въ неравной борьбѣ съ Андреемъ Мстиславъ Ростиславичъ, внукъ Мстислава I, прозванный за то Храбрымъ). Такъ и не удалось Андрею обратить всѣхъ князей въ своихъ подручниковъ.

Въ своей Суздальской землѣ Андрей пользовался большимъ расположеніемъ народа за свою набожность и щедрость. Онъ любилъ духовенство, сооружалъ церкви и монастыри (особенно замѣчательенъ построенный при немъ во Владимірѣ храмъ Успенія Богородицы), раздавалъ милостыню, помогалъ бѣднымъ. Его часто видали по ночамъ въ храмѣ, гдѣ онъ зажигалъ свѣчи и предавался слезной молитвѣ. Подвигъ благочестія видѣли и въ

борьбѣ Андрея съ «невѣрными»—сосѣдными болгарями: на нихъ совершенно было два удачныхъ похода при участіи духовенства, которое шло съ образами предъ ратью. Въ битвахъ Андрей отличался большою горячностью и выдающейся храбростью. Въ отношеніяхъ къ простому народу онъ былъ ласковъ и привѣтливъ, но боярамъ потачки не давалъ, противорѣчій не терпѣлъ, и обращался съ нимъ очень горзно и сурово, составляя въ этомъ отношеніи прямую противоположность южнымъ князьямъ, которые обо всемъ совѣтовались съ старшими дружинниками. Негодуя на его чрез-

Сѣни и переходы палатъ вел. кн. Андрея въ Боголюбскомъ монастырѣ.

мѣрную строгость, нѣкоторые изъ бояръ составили заговоръ и убили великаго князя въ его любимомъ мѣстопребываніи—селѣ Боголюбовѣ (1174). Простой народъ со слезами встрѣтилъ вѣсть о его кончинѣ.

Неожиданная смерть Андрея послужила поводомъ къ уособицѣ. Племянники Боголюбскаго поспорили за старшинство съ его братьями, за первыхъ стали ростовцы и суздальцы, недовольные возвышеніемъ Владиміра; они съ презрѣніемъ смотрѣли на свой бывшій «пригородъ», заселенный ремесленниками, которыхъ привлекалъ Андрей общественными постройками. «Владимірцы—наши холопы, каменщики,—говорили ростовцы,—сожжемъ ихъ городъ и опять поставимъ тамъ своего посадника». Болѣе многочисленные и энергичные владимірцы, однако, одержали верхъ, и великимъ княземъ сдѣлался братъ Андрея, Всеволодъ III Большое Гнѣздо (прозванный такъ за многочисленное семейство). Не связанные вѣчевыми преданіями старины, владимірцы, по свидѣтельству лѣтописи, «цѣловали крестъ Всеволоду и дѣтямъ его»; такимъ образомъ они не боялись, подобно кievлянамъ, переходить по наслѣдству отъ отца къ сыну, не думали о своемъ правѣ вы-

Входъ на лѣстницу, гдѣ былъ убитъ вел. кн. Андрей.

бирать князя; на Руси это былъ первый случай признанія престолонаслѣдія по прямой линіи—отъ отца къ сыну, вопреки родовымъ понятіямъ о старшинствѣ.

Доселѣ Русская земля считалась общей «отчиной» княжескаго рода, а отдѣльные князья были лишь временными владѣтелями своихъ княженій. Правя ими по очереди или по уговору между собой и съ волостными городами, они не считали ихъ своею собственностью, не завѣщали ихъ своимъ наслѣдникамъ, а тѣмъ болѣе не продавали ихъ другимъ князьямъ по усмотрѣнію и т. д. Теперь, съ обособленіемъ отдѣльныхъ вѣтвей княжескаго рода, князья уже не переходятъ изъ области въ область, но осѣдаютъ въ одной какой-нибудь мѣстности и начинаютъ передавать свои земли не въ родъ, а по завѣщанію

своему потомству. Первые шаги въ данномъ отношеніи дѣлають князья Суздальской области.

Всеволодъ III Большое гнѣздо (1176—1212) продолжалъ политику Андрея по утвержденію силы и значенія княжеской власти на Руси, но дѣйствовалъ осторожнѣе его и потому ближе подошелъ къ цѣли. Отличаясь мягкостью и ровностью характера, онъ былъ сдержанъ и умѣренъ въ своихъ дѣйствіяхъ и не выказывалъ своей власти такъ сурово, какъ Андрей. У него не было такой пылкой храбрости, какъ у брата, онъ предпочиталъ сражаться за окопами и не любилъ рискованныхъ дѣйствій и рѣшительныхъ битвъ съ сомнительной надеждой на успѣхъ. При постоянствѣ въ стремленіи къ разъ намѣченной цѣли, онъ терпѣливо выжидалъ удобнаго момента и дѣйствовалъ только навѣрняка, являясь въ этомъ отношеніи истымъ княземъ сѣверо-восточной Руси. Подданные любили умнаго и осторожнаго князя и прозвали его «Великимъ». Всеволодъ искусно пользовался раздорами между князьями, даже ловко самъ ссорилъ ихъ, ослаблялъ и, пользуясь своей силой, подчинялъ ихъ своей власти. Онъ предпринималъ удачные походы на мордву и камскихъ болгаръ, подчинилъ себѣ Рязань, имѣлъ вліяніе на Новгородъ и на событія въ южной Руси. Къ его покровительству прибѣгалъ даже отдаленный Галичь.

«Великій Всеволодъ!—обращается къ нему пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ»,—ты можешь расплескать Волгу веслами, вылить Донъ шлемами».

Только въ концѣ княженія Всеволоду пришлось потерпѣть неудачу въ Новгородѣ, выбившемся изъ-подъ его вліянія (защитникомъ Новгорода явился сынъ Мстислава Храбраго—**Мстиславъ Удалой**, прославившійся своей безавѣтной отвагой въ битвахъ).

Предъ смертію Всеволодъ, недовольный своимъ старшимъ зыномъ (Константиномъ), завѣщалъ великокняжескій столъ во Владимірѣ второму своему сыну Юрію II. Это породило борьбу между братьями, въ которой приняли участіе и новгородцы (съ Мстиславомъ Удалымъ). Въ ожесточенной битвѣ у р. Липицы (близъ Юрьева Польскаго) Юрій былъ разбитъ и бѣжалъ (1216); г Владиміръ и званіе великаго князя перешли къ Константину Новгородъ также вышелъ изъ зависимости отъ суздальскихъ князей. Только черезъ три года, по смерти старшаго брата, Владимірское великое княженіе перешло опять къ Юрію II (1219—1238). Подобно Андрею и Всеволоду III, онъ старался распространить русское господство на сѣверо-востокъ по теченію Волги, велъ удачную войну съ мордвою и камскими

болгарами и для защиты своих владѣній построилъ, при впадѣніи Оки въ Волгу, крѣпость Нижній-Новгородъ. При немъ на Русь нахлынули татары; Юрій палъ въ битвѣ съ ними на берегахъ р. Сити.

Единодержавная власть, какая была въ рукахъ Андрея Боголюбскаго и Всеволода III, въ Суздальской землѣ не удержалась. Великій князь сидѣлъ во Владимірѣ, но имѣлъ мало вліянія на своихъ братьевъ и племянниковъ, которые сидѣли въ другихъ городахъ. Суздальская земля распадается теперь на отдѣльныя княженія или удѣлы, другъ отъ друга независимые; эти удѣлы ихъ владѣльцы начинаютъ считать своей личной и наслѣдственной собственностію, чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе удѣлы дробились и мельчали, по мѣрѣ умноженія княжескаго потомства, пока изъ среды обособившихся княжескихъ линій не выдѣлились своей дѣятельностію московскіе князья и съ помощью преданнаго имъ населенія не подчинили своей власти другіе удѣлы, утвердивъ единовластіе и самодержавіе на Руси. Этотъ удѣльный періодъ въ русской исторіи съ указанными особенностями въ отношеніяхъ князей другъ къ другу, къ территоріи и населенію, къ вѣчевымъ порядкамъ и пр., длится на протяженіи двухъ слишкомъ вѣковъ, до половины XV столѣтія.

Удѣльный бытъ. Удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія внесъ отчужденіе въ среду князей. Не имѣя общихъ интересовъ, они обособились другъ отъ друга. Каждый замкнулся въ своемъ наслѣдственномъ удѣлѣ, жилъ особнякомъ, входя въ соотношенія или столкновенія съ сосѣдями-родичами тогда лишь, когда представлялся случай что-либо приобрести изъ ихъ земельныхъ владѣній или когда сосѣдъ грозилъ отнять у него землю. Отчуждаясь, князья превратились по своимъ понятіямъ въ своего рода частныхъ сельскихъ хозяевъ, теряли интересъ къ общему дѣлу. Княжескіе съѣзды, столь обычные въ Кіевской Руси, очень рѣдки въ XIII в. и почти прекращаются въ XIV в.

Измѣнился и бытъ князей, сравнительно съ кіевскимъ періодомъ. Они ходили на войну лишь въ крайнемъ случаѣ, больше сидѣли дома, стараясь прикопить побольше доходовъ, занимаясь хозяйствомъ и устройствомъ своей вотчины. Они вели вообще скромный и скучный образъ жизни, даже на охоту рѣдко выходили. Пиръ сохранился, особенно брачные («каша»), но принимали, по большей части, характеръ простыхъ попойекъ. Вышняя обстановка жизни также была гораздо проще, чѣмъ прежде; драгоценныхъ вещей у князей было немного, и эти вещи всегда тщательно перечисляются въ княжескихъ завѣщаніяхъ.

Взамѣнъ прежняго раздѣленія населенія на дружину и людей, въ удѣльный періодъ, явилось новое—на с л у ж и л ы х ъ и т я г л ы х ъ людей. Къ служилымъ людямъ принадлежали бояре, д ѣ т и б о я р с к і е и прежніе младшіе дружинники и вольные слуги (люди дворянскіе). Всѣ они, по прежнему, удерживали право свободного перехода отъ одного князя къ другому. Но при большей осѣдлости сѣверныхъ князей, становятся болѣе осѣдлыми и ихъ бояре. Бояре являются главными землевладѣльцами княжествъ: кромѣ вотчинъ (наслѣдственныхъ владѣній), они начинаютъ теперь получать отъ князей за службу п о м ѣ с т ь я, или земельные участки, давашіеся во временное пользованіе (до тѣхъ поръ, пока продолжалась служба). Бояре составляли д у м у князя и пользовались въ ней не меньшимъ значеніемъ, чѣмъ въ Кіевской Руси.

При постепенномъ возвышеніи княжеской власти въ отдѣльных княжествахъ падаетъ само собою и прежнее вѣчевое устройство, и почти всѣ отрасли суда и управленія сосредоточиваются въ рукахъ княжескихъ намѣстниковъ (управляющихъ городами), «волостелей» (управляющихъ волостями) и другихъ чиновниковъ. Къ концу періода вѣча сохраняются лишь въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ остальныхъ мѣстахъ сѣверной Руси остаются только простые мірскіе сходы, главнымъ образомъ, для разверстки податей и повинностей; именовъ же вѣча называются иногда возстанія и заговоры противъ княжеской власти.

Татарское нашествіе и начало ига.

Татары и битва на Калкѣ. Въ первой четверти XIII в., на смѣну половцевъ, является новый, страшный врагъ Руси— т а т а р ы. Монгольскія и татарскія орды издавна уже кочевали въ степяхъ Средней Азіи, управляясь своими ханами и постоянно враждуя между собою. Въ началѣ XIII в. всѣ эти разрозненныя орды объединились подъ властью одного предводителя, хана орды, кочевавшей при истокахъ Амура,—Т и м у ч и н а, прозваннаго Ч и н г и з ѣ х а н о м ъ (т.-е. великимъ ханомъ). Это былъ человекъ, сдѣренный выдающимися воинскими дарованіями, необыкновенно мужественный, властолюбивый и страшно жестокой. Когда нѣкоторые изъ подвластныхъ ему хановъ вздумали отложиться, онъ разбилъ мятежниковъ и въ семидесяти огромныхъ котлахъ сварилъ главныхъ зачинщиковъ возстанія. «Какъ на небѣ существуетъ одно солнце такъ на землѣ долженъ быть одинъ властелинъ»,—говорилъ Чингизъ-ханъ и двинулся съ своими свирѣпыми полчищами на

сосѣднія страны. Въ короткое время вся среднеазиатская степь, сѣверный Китай, Бухара и Туркестанъ были страшно разорены и подчинились монголамъ.

Часть монгольскихъ войскъ (подъ начальствомъ двухъ полководцевъ Чингизъ-хана—Чепе и Субудая), преслѣдуя туркестанскаго султана, обогнула южный берегъ Каспійскаго моря и чрезъ Кавказъ проникла въ южно-русскія степи, гдѣ тогда кочевали п о л о в ц ы. Послѣдніе, соединившись съ кавказскими народами (яссами и касогами), пытались было воспрепятствовать переходу враговъ чрезъ Кавказъ, но татары заявили, что идутъ не на половцевъ, своихъ соплеменниковъ, а только на народы Кавказа, пообѣщали половцамъ раздѣлить добычу, и вѣроломные степняки отступились. Теперь имъ пришлось жестоко поплатиться. Разбитые на-голову, половецкіе ханы въ страшной тревогѣ бросились просить помощи у русскихъ князей (1223). «Сегодня татары отняли нашу землю,—говорили половцы—а завтра возьмутъ вашу, если намъ не поможете». По предложенію Мстислава Удалого, владѣвшаго Галичемъ, собрались князья на съѣздъ въ Кіевъ и рѣшили итти навстрѣчу невѣдомому врагу. «Лучше встрѣтить враговъ въ чужой землѣ, нежели въ своей»,—говорилъ Мстиславъ

Собралось большое ополченіе, подъ предводительствомъ трехъ Мстиславовъ (галицкаго, кіевскаго и черниговскаго); русскіе перешли черезъ Днѣпръ и бодро двинулись въ половецкія степи. Татары провѣдали о сильной рати и попытались разстроить союзъ русскихъ и половцевъ. «Слышимъ, что вы идете противъ насъ, послушавшись половцевъ,—послали они сказать русскимъ.—А мы не на васъ пришли, а на холоповъ нашихъ половцевъ. Возьмите съ нами миръ. Придутъ къ вамъ половцы—бейте ихъ и добычу берите себѣ. Слышали мы, что они и вамъ много зла творять». По совѣту половцевъ, уже испытавшихъ на себѣ коварство татаръ, русскіе князья избили татарскихъ пословъ и продолжали походъ. «Послушались вы половцевъ, избили нашихъ пословъ и идете противъ насъ, такъ пусть Богъ насъ рассудитъ», — снова послали сказать татары. На этотъ разъ русскіе пословъ не тронули.

Русская рать шла далѣе и при рѣчкѣ Калкѣ, впадающей въ Азовское море, встрѣтилась съ главными силами татаръ (1224). *У русскихъ князей было много самоуверенности и мало единодушія.* Мстиславъ Удалой, не дождавшись другихъ князей, первый ударилъ на непріятеля вмѣстѣ съ молодымъ Даніиломъ Романовичемъ вольнскимъ. За ними двинулись половцы, но не выдержали напора татаръ, бросились бѣжать и смяли русскіе полки. Все пришло въ страшное смяте-

ніе, дрогнули и самые храбрые, бѣгство сдѣлалось всеобщимъ... Въ первый разъ въ жизни пришлось бѣжать и Удалому. Едва успѣлъ спастись на лихомъ конѣ раненый въ грудь Даніилъ Вольтинскій. Татары гнались за бѣгущими до самаго Днѣпра, нещадно избивая всѣхъ. Великій князь Мстиславъ кievскій, видя бѣгство половцевъ и галичанъ, укрѣпился съ своей дружиной и подручными князьями на близъ лежащей горѣ и три дня отбивался отъ вдесятеро сильнѣйшихъ непріятелей. Татары пустились на хитрость и предложили ему свободное отступление за выкупъ. Но едва кievляне покинули укрѣпленный станъ, какъ татары бросились на нихъ, избили всѣхъ воиновъ, а связанныхъ князей положили на землю, навалили на нихъ доски, и сами сѣли на нихъ пировать; несчастные плѣнники были задавлены...

Татары двинулись дальше, все предавая огню и мечу. Однако, они не стали углубляться въ предѣлы Россіи, верстахъ въ ста отъ Кіева они повернули назадъ и, пройдя чрезъ уральскія степи, воротились въ Азію къ своему повелителю.

Нашествіе Батыя. Прошло 13 лѣтъ... Русскіе уже стали забывать о страшномъ погромѣ, князья вновь принялись за обычныя усобицы, какъ вдругъ разнеслась молва, что невѣдомые враги снова появились, и идутъ на Русь черезъ землю камскихъ болгаръ.

У татаръ былъ въ это время уже другой верховный ханъ. Чингизъ-ханъ умеръ и ему наслѣдовалъ старшій сынъ его, У г е д е й. Новый властелинъ отправилъ племянника своего Б а т ы я съ огромнымъ войскомъ, въ нѣсколько сотъ тысячъ человекъ, покорять страны, лежащія къ сѣверу и западу отъ Каспійскаго моря. Опустошивъ землю камскихъ болгаръ, татары зимою 1237 года вступили въ южную часть Р я з а н с к о й о б л а с т и. Зима, когда воды скованы льдомъ, была для татаръ наиболѣе удобнымъ временемъ для передвиженія по лѣсистой сторонѣ, изобилующей рѣками и болотами. Тщетно рязанскіе князья просили помощи у князей черниговскихъ и великаго князя Юрія владимірскаго. Черниговскіе отказали за то, что рязанцы не участвовали съ ними въ битвѣ на Калкѣ, а Юрій находился во враждѣ съ рязанскими князьями. Предоставленные своимъ собственнымъ силамъ, рязанцы рѣшили отчаянно обороняться. На предложеніе татаръ дать десятину отъ всего—отъ людей и скота—они отвѣчали: «Когда никого изъ насъ не будетъ въ живыхъ, то все будетъ ваше». Не взирая на геройскую защиту Рязани, татары взяли городъ приступомъ, обратили его въ груды развалинъ и пепла, жителей избили.

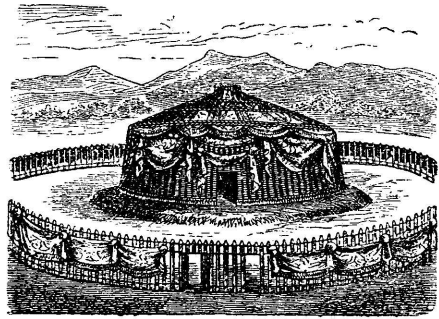
Разгромивъ Рязанскую область, татары двинулись въ Суздальскую и подступили къ Владиміру. Крїя II не было въ то время въ городѣ, — снѣ удалился на сѣверо-западъ собирать войска. Владимірцы, подъ начальствомъ двухъ сыновей великаго князя, мужественно оборонялись. Но татары пробили стѣны «пороками» (стѣнобитныя машины) и ворвались въ городъ. Семейство великаго князя вмѣстѣ съ епископомъ и многими другими горожанами заперлось въ Успенскомъ соборѣ на хорахъ, гдѣ и погибло посреди пламени. Татарскіе отряды разсѣялись по всей Суздальской области, въ теченіе одного мѣсяца разорили и разграбили 14 городовъ. Жители, отъ малаго до великаго, были нещадно избиваемы; тѣ немногіе, которыхъ татары брали въ плѣнъ и тащили за собою босыми, и нагими, гибли отъ холоду и болѣзней. Заплакалъ великій князь, когда услышалъ о гибели своей семьи и столицы. «Господи, — проговорилъ онъ, — лучше мнѣ умереть теперь, чѣмъ жить на этомъ свѣтѣ». На берегахъ рѣчки Сити (впадающей въ Мологу) онъ встрѣтилъ полчища Батя съ войскомъ, наскоро набраннымъ изъ непривычныхъ къ бою земледѣльцевъ, былъ разбитъ и самъ палъ въ битвѣ.

Взявши затѣмъ Тверь и Торжокъ, Батый двинулся къ Новгороду, но, не доходя до него верстѣ ста, остановился, боясь приближенія весны, разлива рѣкъ и таянія болотъ, окружавшихъ Новгородъ, и повернулъ на юго-востокъ въ половецкія степи. На этой дорогѣ Батый задержанъ былъ на цѣлыя семь недѣль у города Козельска, жители котораго упорно защищали городъ и своего малолѣтняго князя, пока всѣ не погибли. Татары понесли при этомъ большія потери и прозвали Козельскъ «злымъ городомъ».

Затѣмъ Батый dokonчилъ поработеніе половецкихъ ордъ; главный ханъ этого народа съ 40.000 половецвъ пробрался въ Венгрію, гдѣ и получилъ земли для поселенія. Батый двинулся на южную Русь и опустошилъ княжества Черниговское, Кіевское, Волынь и Галицію. И здѣсь, какъ на сѣверѣ, всѣ дѣйствовали врозь, жители каждаго города защищались отдѣльно, выказывая подвиги отчаянной, но безплодной храбрости въ неравной борьбѣ. Кіевъ также былъ взятъ и разоренъ, а жители его перебиты (1240 г.).

Батый послалъ одного изъ своихъ воеводъ впередъ осмотрѣть городъ. Даже грубый кочевникъ, по словамъ лѣтописца, пораженъ былъ красотой древней русской столицы и долго ею любовался. На крутомъ обрывистомъ берегу Днѣпра, посреди зеленыхъ рощъ, живописно раскинулся городъ, опоясанный бѣлой каменной стѣной, съ высокими башнями, съ блистѣв-

шими на солнцѣ позлащенными главами многочисленныхъ церквей. Татары предложили жителямъ сдаться безъ боя; тѣ въ отвѣтъ умертвили пословъ и рѣшили защищаться до послѣдней крайности. Кіевъ находился въ то время во власти Данила Галицкаго. Самого князя въ городѣ не было; для защиты Кіева оставленъ былъ мужественный и распорядительный воевода Дмитрій. Скоро несмѣтныя толпы татаръ обложили городъ со всѣхъ сторонъ. Отъ скрипа телѣгъ, рева верблюдовъ, ржанія лошадей и криковъ татаръ такой гулъ стоялъ въ воздухѣ, что горожане, по словамъ лѣтописца, не могли слышать другъ друга.

Ханская ставка.

Стѣнобитными машинами татары пробили стѣны и ворвались въ городъ. На улицахъ и въ домахъ началась отчаянная рѣзня. Остатки храбрыхъ защитниковъ города и часть жителей укрѣпились около Десятинной церкви, но на-утро былъ взятъ и этотъ послѣдній слабый оплотъ русскихъ. Воевода Дмитрій, израненный, захваченъ въ плѣнъ. Батый, беспощадно истреблявшій плѣнныхъ, въ уваженіе необычайной доблести, даровалъ жизнь мужественному воеводѣ. Нѣсколько дней свирѣпствовали дикіе побѣдители на развалинахъ пылавшаго города. Десятинный храмъ былъ разрушенъ до основанія. Та же участь постигла Печерскую лавру и другія зданія.

Ханъ (съ старинной китайской гравюры).

Опустошивъ южную Русь, Батый (весною 1242 г.) перешелъ Карпаты, покорилъ Венгрію и Силезію, но въ Моравіи въ первый разъ потерпѣлъ неудачу въ сраженіи съ чешскими войсками. Западная Европа по гористому, пересѣченному характеру своей поверхности, не представляла удобствъ для военныхъ дѣйствій степной конницы и, опустошивъ придунайскія равнины, орды татаръ отхлынули на востокъ: западная Европа была спасена. Всю тяжесть татарскаго ига пришлось вынести только русскому народу...

Ужасную картину представляла Русь послѣ татарскаго погрома. Всюду виднѣлись развалины, бѣлѣвшія кости непогребенныхъ людей, вытоптанная и заросшія сорной травой

поля. Въ опустошенныхъ татарами мѣстностяхъ осталось въ живыхъ не болѣе десятой части жителей, да и тѣ не знали, что дѣлать, за что приняться: «живые,—по словамъ лѣтописца,—завидовали спокойствію мертвыхъ». Даже черезъ пять лѣтъ послѣ нашествія татаръ въ многолюдномъ нѣкогда и богатомъ Кіевѣ не насчитывалось и двухсотъ домовъ..

Татары заняли своими кочевьями всѣ южныя и восточныя степи Россіи, и смѣшавшись съ камскими болгарами и остатками половцевъ, образовали тамъ новое царство, получившее названіе З о л о т о й или К и п ч а к с к о й О р д ы. (Кипчакомъ татары звали степь, тянущуюся изъ средней Азіи въ Южную Россію. «Золотой» орда названа по ханской ставкѣ, изукрашенной золотомъ). Батый первоначально также кочевалъ съ мѣста на мѣсто со своимъ дворомъ и войскомъ. Но потомъ

татарскія юрты.

на одномъ изъ рукавовъ Волги (Ахтубѣ) утвердилось главное мѣстопробываніе хановъ или С а р а й. Въ первое время сарайскій ханъ зависѣлъ отъ «великаго хана», жившаго въ Азіи, но вскорѣ огромная имперія Чингиза распалась на отдѣльныя государства, ханъ Золотой Орды сталъ

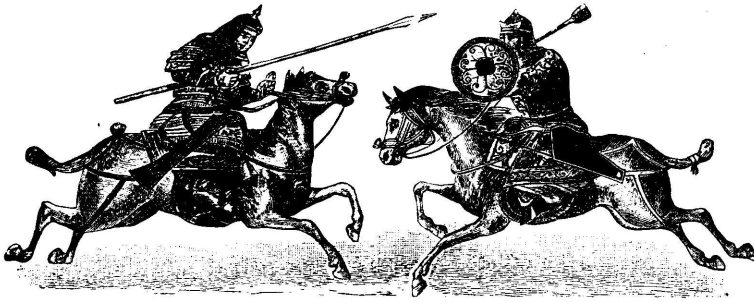
вполнѣ независимъ и сдѣлался однимъ изъ сильнѣйшихъ монгольскихъ властителей, пока и въ его царствѣ не настали раздѣленіе и междоусобицы.

Бытъ и нравы татаръ. Успѣхи татаръ въ борьбѣ съ русскими и самый характеръ ихъ владычества на Руси во многомъ объясняются условіями ихъ быта, внутреннимъ устройствомъ татарской орды и нравами татаръ.

Татары были небольшого роста, но широкоплечи, коренасты, съ большими головами, которыя они брили. Лица у нихъ были широкія, смуглыя, съ приплюснутымъ носомъ и выдававшимися скулами; глаза имѣли небольшіе, узкіе, безъ верхнихъ рѣсницъ; волосъ на бородѣ и усахъ было мало. Немудрено, что нашимъ предкамъ они казались отвратительными и страшными.

Занимаясь, главнымъ образомъ, скотоводствомъ и владѣя огромными стадами (верблюдовъ, быковъ, овецъ, козъ и лошадей), татары не могли останавливаться подолгу, но постоянно перекочевывали съ мѣста на мѣсто, съ пастбища на пастбище. Какъ кочевой народъ, они не строили городовъ и прочныхъ постоянныхъ жилищъ, а обыкновенно жили въ круглыхъ юр-

тахъ, сдѣланныхъ изъ хворосту и тонкихъ жердей, покрытыхъ войлокомъ. Мужчины у татаръ присматривали за стадами, большую же часть времени проводили на охотѣ и въ занятіяхъ стрѣльбой изъ лука. Дѣти у нихъ, можно сказать, выросли

Татарскіе войны (съ рисунка XII в.).

на конѣ съ лукомъ въ рукахъ, — всѣ татары были лихими наѣздиками и отличными стрѣлками. Всѣ хозяйственныя заботы лежали на женщинахъ: онѣ стряпали, шили платье и обувь чинили телѣги и юрты. Онѣ также ѣздили верхомъ и нѣкоторыя стрѣляли не хуже мужчинъ.

Замѣчательно военное устройство у татаръ. Дисциплина была самая строгая. Всѣ безпрекословно, безъ разсужденій, повиновались своимъ начальникамъ. Со временъ Чингизъ-хана въ войскѣ надъ каждымъ десяткомъ былъ свой начальникъ — десятникъ, далѣе слѣдовали сотники, тысячники и темники (надъ 10-тью тысячами). Бѣглецы съ поля битвы (если только бѣгство не было всеобщимъ) всѣ умерщвлялись. Ведя постоянныя войны, татары достигли нѣкотораго развитія въ области военного искусства. У нихъ были, напр., стѣнобитныя машины; они умѣли дѣлать подкопы; въ битвахъ пускались на разныя хитрости и чаще всего употребляли засаду.

Вооруженный монголъ.

Религіозныя вѣрованія татаръ были неразвиты. Они приносили жертвы идоламъ, которые представляли грубыя подобія людей и ставились противъ дверей юрты. Боготворили также умершихъ хановъ, изображеніямъ которыхъ приносили жертвы и кланялись, смотря на югъ. Татары вѣрили въ загроб-

ную жизнь, въ гаданія и чары, для охраны отъ которыхъ и заставляли являвшихся къ хану проходить между двумя огнями. Обожали еще солнце, луну, воду и землю. Вѣрили въ единого Бога, властителя и творца всей земли, но Ему не молились и жертвъ не приносили. «Мы, монголы,—сказалъ ханъ (Мангу) одному европейцу,—вѣримъ въ единого Бога, которымъ живемъ и умираемъ; но какъ рукѣ Богъ далъ различные пальцы, такъ и людямъ далъ разные пути въ рай; вамъ Богъ далъ писаніе, и вы его не соблюдаете; намъ далъ колдуновъ, мы дѣлаемъ, что они говорятъ, и живемъ въ мирѣ». Въ связи съ этимъ стояла замѣчательная вѣротерпимость татаръ относительно чужихъ вѣроисповѣданій.

Монгольское иго и его вліяніе. Батый приказалъ всѣмъ русскимъ князьямъ пріѣхать въ Орду на поклонъ и для полученія ярлыка на княженіе, т.-е. утвердительной грамоты. Ослушникамъ грозила потеря волостей. Почти всѣ князья съ великимъ княземъ Ярославомъ (братомъ Юрія II) явились и должны были съ разными унижительными обрядами представляться хану: такъ, ихъ заставляли проходить между священными очистительными огнями, разложенными возлѣ ханской ставки, кланяться идоламъ, становиться на колѣни, пить кумысъ и т. д. Когда набожный Михаилъ Черниговскій не согласился исполнить этихъ обрядовъ, то былъ звѣрски замученъ вмѣстѣ съ своимъ бояриномъ Θεодоромъ (церковь причислила ихъ къ лику святыхъ).

Великимъ княземъ ханъ утвердилъ Ярослава и вообще порядокъ управленія на Руси оставилъ прежній. По своей дикости и привычкѣ къ степному быту, татары не считали нужнымъ сами жить на Руси и непосредственно управлять ею, и ограничивались сборомъ дани, въ чемъ, да еще въ обязанности выставлать вспомогательныя дружины въ татарскихъ войнахъ, и выражалась, главнымъ образомъ, зависимость Россіи отъ монголовъ. Татарскіе «численники» переписали все оставшееся въ живыхъ населеніе и всѣхъ (кромѣ духовенства) обложили тяжкою данью. Кромѣ десятины отъ имѣнія (преимущественно отъ хлѣбнаго сбора) брали пошлину со всякихъ промысловъ и занятій, требовали подводъ («ямъ»), даровъ и «орма» для служителей хана, собирали на ханское войско, ханскую охоту и проч. Татарскія подати были тѣмъ невыносимѣе, что сборщики дѣйствовали безотчетно. Они и назывались баскаками (буквально значитъ «даватель») и часто пытками и истязаніями вымучивали у населенія послѣднѣе достояніе; кто не могъ уплатить, того били безъ милосердія палками или же отнимали дѣ-

тей, а то и самихъ вводили въ рабство... Базары городовъ крымскихъ и азовскихъ наполнились русскими невольниками и невольницами, преимущественно молодежью, которую скупали купцы азіатскіе и европейскіе (изъ Венеціи и Генуи) и затѣмъ перепродавали въ мусульманскія страны Азіи и Африки. Ослушниковъ и людей, сопротивлявшихся произволу любого заѣзжаго татарина, нещадно убивали. Иногда за проступокъ одного человѣка выжигали цѣлое селеніе или городъ. Если баскакъ жаловался въ Ордѣ на кого иибудь—тотчасъ посылали оттуда отряды съ приказаніемъ все опустошать въ землѣ ослушниковъ. Сборъ податей былъ тѣмъ болѣе тяжелъ, что нерѣдко онъ отдавался н а о т к у п ъ восточнымъ (бесерменскимъ) купцамъ, выбиравшимъ свое съ лихвою, подъ покровительствомъ баскаковъ.

Все это повело къ страшному о б ѣ д н ѣ н і ю народа, къ упадку его матеріальнаго благосостоянія, со всѣми послѣдствіями, изъ коихъ важнѣйшее — о с т а н о в к а в ъ у с п ѣ х а х ъ п р о с в ѣ щ е н і я: населенію было уже не до книгъ и ученія, да и князьямъ пришлось заботиться прежде всего о собраніи силъ для сверженія ига, а не о просвѣщеніи народа. Произволь и грубость татаръ отразились затѣмъ въ нѣкоторомъ о г р у б ѣ н і и н р а в о в ѣ; но вообще на бытъ русскихъ и русскую народность татары не имѣли вліянія, тѣмъ болѣе, что и не жили на Руси. Народъ отрещивался отъ всего татарскаго, не усвоилъ ни одного татарскаго обычая, ни одной пѣсни степняковъ. Напротивъ, и наши старинныя пѣсни, и пословицы, и всѣ произведенія письменности дышатъ страшною ненавистью къ «поганой татарвѣ», къ «злой собацѣ—татарину».

Кочевой полудикій народъ и не могъ вліять на осѣдлое и болѣе развитое населеніе. Основы русской народности,—языкъ, религія, управленіе остались нетронутыми. Въ я з ы к ѣ нашъ вошло не болѣе двухъ-трехъ десятковъ татарскихъ словъ, да и то преимущественно о предметахъ, относившихся къ сбору дани. Отличаясь вѣротерпимостью, татары оставили неприкосновенною православную в ѣ р у и ея служителей, и религіозность народа даже усилилась въ эпоху монгольскаго ига, въ которомъ видѣли наказаніе Божіе за грѣхи; только въ вѣрѣ находилъ народъ утѣшеніе среди невзгодъ, его окружавшихъ. Оставляя нетронутымъ порядокъ у п р а в л е н і я Русью, татары не только не препятствовали, но своимъ гнетомъ даже ускорили начатое еще до нихъ суздальскими князьями, дѣло о б ѣ е д и н е н і я Руси подъ властію одного князя. Общая опасность еще болѣе укрѣпила народное единство, въ кото-

ромъ стали видѣть главное условіе успѣха въ борьбѣ съ ненавистнымъ врагомъ.

Монгольское иго не внѣшнимъ только образомъ скользнуло по организму русской націи и если не прямо, то косвенно принесло громадный вредъ прогрессу и дальнѣйшему движенію впередъ русской общественности и русской культуры. Разобщивъ Русь съ другими культурными странами, задержавъ начавшійся ростъ русскаго просвѣщенія, выгодно выдвинувшаго Русь среди другихъ странъ тогдашней Европы, иго на цѣлыхъ два столѣтія отодвинуло русскій народъ назадъ. Упадокъ просвѣщенія и общее пониженіе культурности отразилось соотвѣтственнымъ образомъ на всѣхъ сторонахъ жизни. Страшное обѣднѣніе русскаго народа довершило невзгоду, не давая ему возможности для нормальной работы въ области литературы и искусства и поставивъ его позади всѣхъ другихъ націй даже въ сферѣ чисто внѣшнихъ удобствъ жизни.

Главная тяжесть ига татаръ пала на ближайшія къ нимъ—сѣверо-восточныя области. Въ юго-западныхъ областяхъ гнетъ монголовъ чувствовался слабѣе, но за то татарскій погромъ отразился тамъ въ иномъ отношеніи. Паденіе центра древней Руси—Кіева почти прекратило и безъ того уже ослабѣвшую связь между юго-западомъ и сѣверо-востокомъ Россіи. Разоренныя татарами, юго-западные области были не въ силахъ противиться образовавшемуся въ это время на ихъ границахъ Литовскому княжеству и были имъ завоеваны. Исторія той и другой части Руси долго шла послѣ того особымъ путемъ.

Русь въ первое время монгольскаго ига. По смерти в. князя Юрія II (въ битвѣ при Сити) во Владимірѣ сталъ княжить братъ его Ярославъ Всеволодовичъ (1238—1246 гг.), князь твердаго нрава, дѣятельный и предпріимчивый. Благодаря его распорядительности, скоро сталъ восстанавливаться порядокъ на сѣверѣ. Ярославъ собиралъ разбѣжавшихся по дѣбрямъ и лѣсамъ жителей, велѣлъ очищать города и села отъ гнившихъ повсюду труповъ, возобновлялъ сожженныя и разрушенныя татарами зданія. О сопротивленіи татарами нечего было, конечно, и думать, и Ярославъ первый подаль примѣръ покорности хану, явившись въ Орду, и былъ утвержденъ великимъ княземъ. По приказанію Батыея, ему пришлось ѣхать къ самому великому хану (Гаюку) въ Азію, при чемъ привелось вынести много нужды и униженій; тамъ онъ и умеръ. Послѣ шестилѣтнихъ междуособій великимъ княземъ владимірскимъ сдѣлался сынъ Ярослава — Александръ Невскій.

Александръ Невскій (1252—1263) былъ самымъ замѣчательнымъ изъ князей въ первую эпоху монгольскаго ига. Съ блестящею храбростію онъ соединялъ осторожность и практическую расчетливость, съ твердостью воли—гибкость характера и умѣнье примѣняться къ обстоятельствамъ. Внутреннимъ качествамъ соотвѣтствовала и самая наружность Александра: высокій ростомъ, статный, красивый, онъ производилъ на всѣхъ обаятельное впечатлѣніе; когда онъ говорилъ на вѣчѣ, его звучный голосъ, по выраженію лѣтописца, «гремѣлъ передъ народомъ, какъ труба». Съ юныхъ лѣтъ онъ княжилъ въ Новгородѣ, и жизнь въ этомъ городѣ съ его шумнымъ и непокорливымъ вѣчемъ, съ его кипучей торговлей и постоянными сношеніями съ западными иноземцами не мало способствовала выработкѣ той выдержанности въ характерѣ, которою Александръ потомъ всегда отличался. Еще когда онъ былъ удѣльнымъ княземъ въ Новгородѣ, его блестящія дарованія въ полной силѣ выказались въ борьбѣ его со шведами, съ ливонскимъ орденомъ и Литвою. Эти западные сосѣди наши вздумали было воспользоваться Батыевымъ разгромомъ сѣверо-восточной Руси и стали тѣснить Новгородъ и его пригороды.

Пытаясь распространить свое владычество и католическую вѣру на сѣверъ отъ Финскаго залива, шведы, по желанію папы, организовали даже крестовый походъ противъ русскихъ и финновъ. Сильное шведское ополченіе, подъ начальствомъ зятя короля Биргера, уже вошло въ устье Невы и расположилось на берегу этой рѣки (при впаденіи въ нее Ижоры), когда Александръ, не теряя времени, выступилъ только со своей и новгородской дружиной и стремительно напалъ на шведскій лагерь, воспользовавшись тѣмъ, что часть войска Биргера находилась на судахъ, а часть на берегу. Незначительныя силы Александра раздѣлили шведское войско, и завязалась рѣшительная битва. Хотя шведы, захваченные нападеніемъ на берегу, и пробились къ судамъ, но съ такимъ урономъ, что принуждены были повернуть домой, отказавшись отъ мысли продолжать походъ (1240). Послѣ этого шведы долго не рѣшались тревожить новгородцевъ. Эта побѣда доставила Александру громкую славу по всей землѣ Руской и прозваніе Невскаго. Преданіе говоритъ о чудесной помощи, полученной Александромъ отъ свв. князей Бориса и Глѣба. Передъ битвой одинъ мѣстный житель Пелгусій, поставленный Александромъ на ночную стражу на берегу рѣки, былъ пораженъ видѣніемъ лодки, плывшей по Невѣ въ свѣтломъ сіяніи. На носу лодки стояли два свѣтлыхъ юно-

ши въ княжескихъ одѣяніяхъ. Пелгусій слышалъ, какъ одинъ изъ нихъ сказалъ: «Братъ Глѣбъ, поможемъ завтра нашему родственнику Александру!» Послѣ этого видѣніе исчезло.

Еще болѣе трудную борьбу пришлось Александру выдержать съ Ливонскимъ орденомъ, который тоже воспользовался невгодами Русской земли и захватилъ въ свои руки нѣсколько пригородовъ и даже посадилъ во Псковѣ нѣмецкій гарнизонъ. Александръ быстро очистилъ отъ нѣмцевъ и Новгородскую область, и Псковъ и вступилъ затѣмъ во владѣнія самого ордена. На льду Чудскаго озера, закованные въ желѣзо, рыцари были разбиты Александромъ на-голову, который, зная военное дѣло рыцарей, такъ искусно построилъ свое войско, что, когда рыцари обычнымъ, усвоеннымъ ими приѣмомъ атаки, сразу прорвались сквозь строй Александра, то онъ, ожидая этого, быстро повернулъ войско, ударилъ сразу же въ тылъ рыцарей и погналъ ихъ по льду (1242). «Л е д о в о е п о б о и щ е», какъ прозвали эту битву, еще болѣе прославило невскаго героя,—нѣмцы заключили миръ и отступились отъ всего ими захваченнаго.

На третьяго новаго врага Руси—литовцевъ Александръ совершилъ нѣсколько удачныхъ походовъ, истребивъ у нихъ до восьми князей съ ихъ дружинами, и заставилъ ихъ прекратить на-время свои разбойничьи набѣги.

Отношеніе Александра Невскаго къ татарамъ. Отбиваясь оружіемъ отъ западныхъ враговъ, Александръ иначе велъ себя съ восточными варварами. Онъ понималъ, что раздробленная, обѣднѣвшая и обезлюдѣвшая Русь не въ силахъ бороться со страшнымъ врагомъ, и безусловную покорность хану считалъ единственнымъ пока средствомъ спасенія. Онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Орду съ богатыми дарами хану и его сановникамъ, и успѣлъ приобрести расположеніе Батяя и его преемниковъ. Сдѣлавшись (1252 г.) великимъ княземъ, по назначенію хана, Александръ всѣми силами старался внушать русскимъ людямъ терпѣніе и покорность въ отношеніи къ завоевателямъ, уговаривалъ не противиться переписи, не оскорблять численниковъ и баскаковъ, платить требуемую дань и т. д. Иной разъ онъ самъ долженъ былъ силою заставлять свой народъ исполнять требованія татаръ и даже наказывать ослушниковъ, лишь бы отвлечь ханскую грозу отъ всей земли Русской. Многіе не понимали такого образа дѣйствій и готовы были корить вел. князя за дружбу съ татарами. Особенно много хлопотъ доставляли Александру буйные и не испытавшіе на себѣ ужасовъ татарскаго погрома, новгородцы. Они не хотѣли допустить къ себѣ татарскихъ баскаковъ для

переписи и сбора дани; на вѣчѣ кричали, что великій князь продаетъ новгородскую вольность и свободныхъ людей хочетъ сдѣлать рабами. Только слухи о приближеніи сильнаго татарскаго войска и суровое наказаніе, которому подвергъ Александръ главныхъ зачинщиковъ, заставили новгородцевъ смириться. Но вслѣдъ затѣмъ поднялись волненія и въ другихъ городахъ.

Жадные и жестокіе сборщики податей и особенно восточные (или бесерменскіе) купцы, взявшіе дань на откупъ, своими притѣсненіями вывели изъ терпѣнія несчастный народъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ (Ростовѣ, Суздальѣ, Владимірѣ и др.) жители собирались на вѣче, возстали противъ сборщиковъ дани—нѣкоторыхъ изъ нихъ убили, другихъ выгнали. Ханъ пришелъ въ сильную ярость и готовилъ уже полчища, для разгрома мятежныхъ городовъ. Александръ поспѣшилъ въ Орду, чтобы «отмолить людей отъ бѣды», какъ выражается лѣтописецъ. Не легко это было: цѣлую зиму и лѣто пришлось вел. князю

Александръ Невскій съ новгородцами молится передъ битвой.

прожить въ Ордѣ, но за то онъ не только умилилъ хана, но даже успѣлъ выхлопотать льготы по возложенной татарами на русскихъ обязанности выставять вспомогательное войско. Еще въ Ордѣ Александръ почувствовалъ себя нездоровымъ, постоянныя тревоги и заботы подорвали его могучій организмъ, и на обратномъ пути во Владиміръ, въ 1263 году, онъ скончался, имѣя не болѣе 45 лѣтъ отъ роду. Когда вѣсть о его кончинѣ пришла во Владиміръ, митрополитъ (Кириллъ), служившій въ это время обѣдную, весь въ сле-

захъ обратился къ народу со словами: «Чада моя милыя! Зака- тилось солнце земли Русскія: не стало князя Александра».. Въ храмѣ раздались рыданія, и слышались крики: «мы по- гибаемъ».

Александръ былъ погребенъ во Владимірскомъ храмѣ Рождества Богородицы (откуда впослѣдствіи останки его Пет- ромъ Вел. перенесены на берега Невы—въ Петербургъ). Церковь причислила его къ лику святыхъ. Въ глазахъ народа онъ яв- ляется небеснымъ покровителемъ Русской земли и русскихъ князей, вмѣстѣ съ равноапостольнымъ Владиміромъ и свв. князьями Борисомъ и Глѣбомъ.

Юго-западная Русь и ея подчиненіе Литвѣ.

Волынь и Галиція. Одновременно съ возвышеніемъ Суздаль- ской области, на юго-западѣ стали развиваться и крѣпнуть Волынь и Галичъ, составившія во 2-й половинѣ XII вѣка одно княжество. Волынская область лежала по р. При- пети (земля древлянъ и бужанъ) съ важнѣйшими города- ми—Владиміромъ, Волынскомъ и Люблиномъ. Галиція или Червонная Русь занимала склоны Карпатскихъ горъ по верхнему теченію Днѣстра и Прута; она была присоединена къ Руси при Владимірѣ Св. Важнѣйшими городами здѣсь были—Галичъ и Звенигородъ. При Святополкѣ Окаянномъ Галицію захватилъ было въ свои руки Болеславъ Хра- брый, король польскій, но Ярославъ Мудрый вновь отнялъ ее у поляковъ. По смерти Ярослава I Галиція досталась въ удѣлъ Игорю, какъ часть Владиміро-Волынскихъ земель. На любеч- скомъ съѣздѣ она была отдѣлена отъ Волыни и отдана Васильку и Володарю Ростиславичамъ. Сынъ Володаря, В л а д и м і р к о и былъ основателемъ Галицкаго княжества. Онъ сдѣлалъ своею столицей городъ Галичъ и соединилъ (въ половинѣ XII в.) подъ своею властію всю Червонную Русь. Владиміркѣ при- ходилось считаться съ сильными сосѣдями—венграми, поля- ками и Кіевской Русью и онъ утвердился лишь, благодаря своей выдающейся хитрости и коварству. Онъ всѣми силами мѣшалъ усиленію Волынскаго княжества и былъ, поэтому, дѣятель- нымъ союзникомъ Юрія Долгорукаго въ борьбѣ его съ Изясла- вомъ II. Преемникомъ Владимірки былъ его сынъ Я р о с л а в ъ О с м о м ы с л ь (1052—1187), тоже ловкій и дѣятельный князь, женатый на дочери Юрія Долгорукаго. Онъ сумѣлъ занять мѣсто посредника въ спорахъ своихъ сосѣдей—Кіев- ской Руси, Венгріи и Польши, и вліялъ на ходъ событій въ

этихъ земляхъ. Осмомысль прославился и внутреннимъ устройствомъ своего княжества, заботами объ умноженіи населенія (колонистами изъ Западной Европы), о развитіи торговли и промышленности. Не могъ онъ только справиться съ своевольными галицкими боярами.

Преобладаніе бояръ въ Галиціи составляло характерную особенность этого княжества. Въ этомъ сказалось вліяніе сосѣдства Венгріи и Польши (гдѣ господствовало сословіе магнатовъ); съ другой стороны, усиленію боярской аристократіи въ Галичѣ содѣйствовало и то обстоятельство, что бояре сдѣлались постоянными землевладѣльцами. Галицкіе князья, какъ потомки изгоя Ростислава, не рассчитывали на Кіевъ и прочно осѣли въ краѣ, а вмѣстѣ съ ними и бояре. Сдѣлавшись богатыми землевладѣльцами, бояре настолько усилились, что оказывали вліяніе не только на внѣшнюю и внутреннюю политику княжества, но вмѣшивались даже въ семейныя дѣла князя (такъ, напр., они взяли съ Ярослава Осмомысла клятву въ томъ, что онъ будетъ хорошо жить со своей женою).

Потомство Володаря Ростиславича въ скоромъ времени прекратилось, и тогда Галиція перешла во владѣніе Р о м а н а Вольнскаго (сына Мстислава II). Этотъ властолюбивый, воинственный и энергичный князь прославился своими побѣдами надъ половцами и литовцами. На первыхъ онъ нагналъ такого страха, что они его именемъ пугали дѣтей; а литовскихъ плѣнниковъ, по словамъ преданія, онъ приказывалъ запрягать въ плуги и заставлялъ ихъ расчищать лѣсистую почву для пашни (отсюда и сложилась на Руси поговорка: «Романе, худымъ живеши—Литвою ореши»).

Овладевъши Галичемъ, Романъ началъ борьбу съ боярами и безпощадно казнилъ непокорныхъ: четверговалъ, зарывалъ живыми въ землю... «Не передавши пчель, меду не ѣсть»,—говаривалъ Романъ. Но онъ не успѣлъ окончить этой борьбы и погибъ въ битвѣ съ поляками. Его молодая вдова съ двумя малютками, изъ коихъ старшему Даніилу было 4 года, бѣжала отъ мятежныхъ бояръ и долго скиталась въ Польшѣ и Венгріи. Переходя изъ рукъ въ руки, Галичъ достался, наконецъ (въ 1229 г.), Даніилу Романовичу, который является однимъ изъ самыхъ выдающихся князей Руси въ эпоху монгольскаго ига.

Даніилъ Галицкій и судьба его потомства Послѣ нашествія татаръ южная Русь находилась въ самомъ печальномъ положеніи. Кіевъ сдѣлался ничтожнымъ городомъ, въ кото-

ромъ едва насчитывалось домовъ двѣсти; окрестности его представляли пустыню, по которой разбросаны были черепа и кости людей; литовцы свободно разбойничали въ Приднѣпровьѣ, истребляя и послѣднее, что осталось отъ татаръ. Уцѣлѣвшее отъ татаръ, населеніе Кіевской области, угнетаемое баскаками, разбѣгалось или въ сѣверо-восточныя русскія области, гдѣ возстановился уже нѣкоторый порядокъ, или на западъ, въ Галицію, которая быстрѣ другихъ южныхъ областей успѣла оправиться отъ погрома, благодаря дѣятельности своего князя Даниила Романовича (1229—1263). Во время Батыева нашествія, видя невозможность сопротивленія, Данииль бѣжалъ въ Венгрію, а по уходѣ татаръ воротился въ свое княжество и всѣми силами старался загладить въ Галиціи слѣды татарскаго нашествія. Онъ возобновлялъ разрушенные и строилъ новые города, созывалъ разбѣжавшихся жителей и разными льготами привлекалъ въ Галицію колонистовъ-нѣмцевъ, поляковъ, армянъ, евреевъ, а также жителей Кіевской области. Быстро поднялась въ Галиціи промышленность и торговля. Эта умная, хозяйственная распорядительность Даниила, это умѣнье утѣшить и поднять народъ въ бѣдствіи высоко поставили Даниила во мнѣніи современниковъ. Въ самомъ разгарѣ устроительной дѣятельности Даниила пришло къ нему отъ Батыя грозное требованіе покорности: «дай Галичъ!» Долго колебался Данииль, но города Галиціи еще не были укрѣплены, пестрое населеніе княжества, наполовину состоявшее изъ инородцевъ и иновѣрцевъ, подавало мало надежды въ дѣлѣ борьбы съ внѣшними врагами. Скрѣпя сердце, поѣхалъ Данииль, послѣдній изъ русскихъ князей, въ Орду представляться хану, выполнилъ тамъ всѣ унизительныя церемоніи, становился на колѣна и кланялся хану и его женѣ, пилъ кумысъ, которымъ любезно угощалъ его ханъ. Послѣдній былъ доволенъ покорностію такого знаменитаго и сильнаго князя, какимъ былъ Данииль, владѣвшій Кіевомъ, Волынью и Галичемъ, принялъ его милостиво и утвердилъ за нимъ отцовскія владѣнія. Но эта милость для гордаго князя, ни предъ кѣмъ доселѣ не унижавшагося, была тяжелѣе обиды. «О злѣ зла честь татарская!»—воскликаетъ по этому поводу лѣтописецъ.

Завѣтной мечтою Даниила стало теперь освобожденіе отъ татарскаго ига, и онъ сталъ къ тому готовиться—укрѣплялъ города Галиціи, искалъ себѣ союзниковъ въ Западной Европѣ, надѣялся даже возбудить общій крестовый походъ противъ татаръ. Съ этою цѣлью онъ завелъ сношенія съ папой, подавая ему надежду на соединеніе церквей подъ его главенствомъ (унію),

если только получить помощь противъ татаръ. Папа очень обрадовался, прислалъ Даниилу королевскій вѣнецъ, писалъ въ разныя страны о необходимости крестоваго похода противъ татаръ. Но посланія папскія уже не имѣли прежняго значенія въ глазахъ государей Европы, и Данииль прервалъ свои сношенія съ Римомъ, удержавъ, однако, королевскій титулъ за собою. Онъ готовился было однѣми собственными силами свергнуть иго, но татары не позволяли ему строить укрѣпленій, а возведенныя уже въ нѣкоторыхъ городахъ стѣны приказали разрушить. Данииль вынужденъ былъ смириться.

Но неудачи въ борьбѣ съ татарами возмѣщались побѣдами надъ другими сосѣдями Галиціи—литовцами и ятвягами, которыхъ Данииль привелъ въ зависимость отъ себя. Эти побѣды доставили ему громкую славу между современниками.

Данииль скончался въ 1264 г.

По смерти Даниила и брата его Василька (съ которымъ онъ жилъ въ непримѣрной, особенно по тому времени, дружбѣ, за что и получилъ отъ современниковъ, подобно Мономаху, лестное прозваніе «братолюбца»), Галиціей и Вольнью владѣли ихъ сыновья и внуки. Усобиць между ними было меньше, чѣмъ у другихъ князей, оттого они довольно удачно оборонялись отъ поляковъ и литовцевъ, забиравшихъ въ эту пору большую силу; менѣе другихъ приходилось имъ раболѣпствовать и предъ татарами, не очень тѣснившими отдаленную Галицію и ея сильныхъ князей. Но крайнее положеніе Галиціи между сильными сосѣдями и въ удаленіи отъ главнаго центра русской народности, не позволяло нашимъ князьямъ удержать въ своемъ владѣніи эту исконную русскую страну и, когда родъ Даниила пресѣкъся, поляки (при Казимирѣ III) присоединили къ себѣ Галицію (1349), не встрѣтивъ особеннаго сопротивленія со стороны разноплеменнаго населенія галицкихъ городовъ и боярства, не разъ уже продававшаго интересы родины чужеземцамъ ради личныхъ выгодъ. А Вольнь захватили сильные князья литовскіе, объединившіе подъ своею властію почти всю юго-западную Русь.

Образованіе Литовско-русскаго государетва. Въ лѣсистой и болотистой мѣстности у Балтійскаго моря, по нижнему теченію Западной Двины, Нѣмана и Вислы издавна обитали литовцы. Они дѣлились на нѣсколько мелкихъ племенъ, между которыми выдѣляются четыре главные группы: собственно л и т в а, л а т ы ш и, п р у с с ы и я т в я г и. Изъ всѣхъ арійскихъ племенъ литовцы стояли всего ближе къ славянамъ по языку и вѣрованіямъ. Отдѣленные отъ другихъ народовъ лѣсами и болотами, они долго сохраняли первобытную

дикость, не сближаясь съ сосѣдями, и только въ XIII в. выступаютъ въ исторіи, какъ самостоятельный народъ, и образуютъ отдѣльное государство.

Бѣдная страна литовцевъ, съ ея непроходимыми болотами, представляла собой мало привлекательнаго для сосѣдей (нѣкоторые поселки, по свидѣтельству лѣтописцевъ, могли платить дань только лыками да вѣниками). Но иногда сами литовцы предпринимали набѣги на болѣе зажиточныхъ сосѣдей, т.-е. поляковъ и русскихъ. Особенно отличались этимъ безпокойные и воинственные ятвяги, которые въ XIII в. были почти всѣ истреблены русскими и поляками. Въ то же время латыши были завоеваны меченосцами, а пруссы поработены были тевтонами. Соединившись затѣмъ въ одинъ орденъ и обративъ

Г е д и м и н ь.

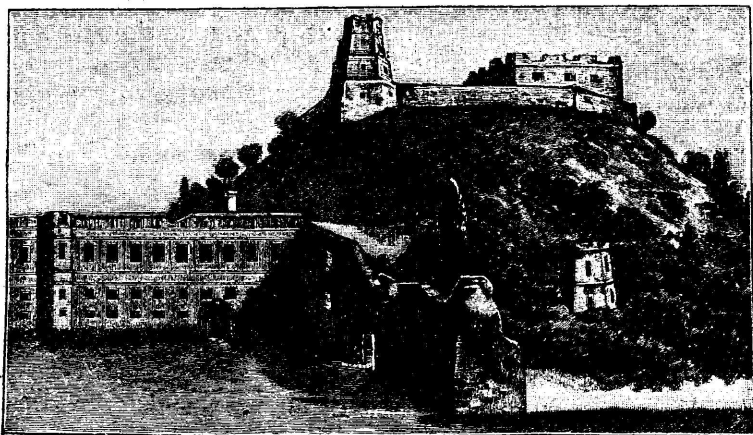
населеніе въ крѣпостное состояніе, нѣмецкіе рыцари стали силою обращать туземцевъ въ христіанство и пытались ихъ онѣмечить. Для отпора грозному врагу, изъ числа литовскихъ племенъ собственно Литва начала выходить изъ своего раздробленія на мелкія княженія и общины и собраться въ одинъ народъ. Во главѣ литовскихъ князей явился Миндовгъ, который истребилъ или изгналъ изъ Литвы большинство другихъ князей и объединилъ

Литву подъ своею властію, положивъ тѣмъ начало сильному Литовскому княжеству.

Преимникъ Миндовга, Г е д и м и н ь, положилъ начало могуществу Литвы. При немъ началось присоединеніе юго-западной Руси къ Литвѣ.

Гедиминъ (1315—1340) искусно воспользовался обстоятельствами, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать. Продолжая борьбу оружіемъ съ главными врагами Литвы—нѣмцами, онъ держался иной политики по отношенію къ сосѣднимъ русскимъ князьямъ, изъ коихъ многіе, по своей слабости, искали опоры у сильнаго литовскаго князя. Жители ближайшихъ русскихъ областей также готовы были предпочесть легкое, сравнительно, литовское господство тяжелому татарскому игу. Съ другой стороны, среди самихъ литовцевъ начиналось тяготѣніе ко всему русскому: они подпадали подъ влияніе народа, выше

ихъ стоявшаго по развитію и гражданственности; русскій языкъ и нравы стали прививаться въ Литвѣ. Гедиминъ шель навстрѣчу этимъ стремленіямъ. Онъ выказывалъ большое расположеніе къ русскимъ, проявлялъ даже склонность къ православнои вѣрѣ, не препятствуя своимъ дѣтямъ креститься и вступать въ браки съ православными. Самъ онъ былъ дважды женатъ на русскихъ и православныхъ женахъ. Русскимъ князьямъ, переходившимъ къ нему въ подручники, онъ предоставлялъ управленіе ихъ прежними областями, ничѣмъ не нарушая прежняго внутренняго устройства этихъ областей и оставляя древнія права православному духовенству. Многіе русскіе города сдались ему добровольно. Благодаря этому, а

Развалины дворца и замка великихъ князей литовскихъ въ Вильнѣ.

также своимъ родственнымъ связямъ, онъ присоединилъ къ Литвѣ земли Витебскую и Волынскую и поставилъ въ зависимость отъ себя Кіевъ съ его областью. Гедиминъ сталъ называть себя великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ. Столицей онъ сдѣлалъ вновь построенный имъ городъ Вильну, тоже ставшій въ значительной степени русскимъ городомъ. Здѣсь былъ уже православный храмъ. Не стѣсня православныхъ, Гедиминъ такую же вѣротерпимость проявлялъ и къ католикамъ, которые даже основали въ Вильнѣ два монастыря. Сознывая все превосходство христіанства, самъ онъ, однако, не принялъ ни православія, ни католицизма (что неудачно предлагалъ ему папа), такъ какъ этимъ онъ раздражилъ бы язычниковъ-литовцевъ и не угодилъ бы или католикамъ, или православнымъ своимъ подданнымъ. Такъ онъ и

умеръ язычникомъ въ 1340 году, во время борьбы съ нѣмцами, при осадѣ одного замка. Тѣло князя, по древнему литовскому обычаю, сожжено было на кострѣ вмѣстѣ съ его боевымъ конемъ и любимымъ оруженосцемъ.

Ольгердъ (1345 — 1377) сынъ и преемникъ Гедимина, въ высшей степени осторожный и скрытный человекъ, и въ тоже время необычайно дѣятельный и воинственный, продолжалъ политику отца и докончилъ подчиненіе южной Руси. Воспользовавшись неурядицами въ Ордѣ, онъ отнялъ у татаръ земли Черниговскую, Сѣверскую и Подольскую, и отодвинулъ далеко въ степи татарскія орды, опоясавъ границу рядами укрѣпленій.

Ольгердъ.

Такимъ образомъ, при Ольгердѣ почти вся юго-западная Русь объединилась подъ властію литовскаго князя, освободившись вмѣстѣ съ тѣмъ изъ-подъ владычества татаръ. Сама Литва составляла теперь лишь незначительную сравнительно часть обширнаго литовско-русскаго княжества, въ которомъ православно-русскій элементъ имѣлъ преобладающее значеніе—какъ въ численномъ, такъ и въ культурномъ отношеніи. Русскіе нравы и обычаи распространялись теперь все болѣе и болѣе среди литовцевъ; русскій языкъ сдѣлался господствующимъ

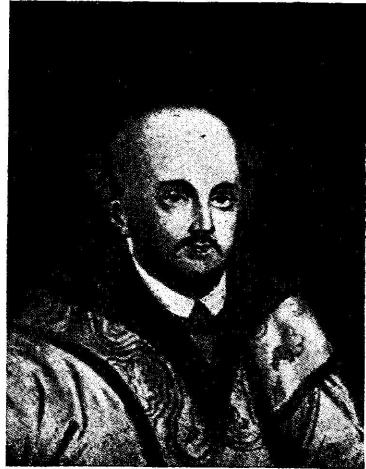
при дворѣ и языкомъ государственныхъ актовъ; значительно увеличилось и число православныхъ, особенно въ верхнихъ слояхъ литовскаго народа, т.-е. въ княжеской семьѣ и дружинѣ. Обѣ жены Ольгерда были православныя и дѣтей воспитывали въ православіи. Самъ Ольгердъ крестился еще въ молодости, хотя изъ политическихъ расчетовъ и утаивалъ это. Передъ смертію онъ постригся даже въ схиму. Хотя на ряду съ православіемъ водворилось въ Литвѣ и католичество, но народъ относился къ нему съ большою нетерпимостію, какъ къ «нѣмецкой вѣрѣ», и неоднократно избивалъ католическихъ монаховъ.

Литва, видимо, стояла на пути къ обрусѣнію въ виду того, что князья литовскіе, по языку, вѣрѣ и родственнымъ связямъ были близки съ русскими. Новгородъ, Псковъ и другіе города не рѣдко вступали въ союзъ съ Литвой, русскіе удѣльные князья и бояре переходили на службу въ Литву, литовскіе—въ Москву, вовсе не думая, что подчиняются иноземной силѣ.

Сліянію Литвы съ Москвой при преемникѣ и сынѣ Ольгерда Ягелло (1377—1434) помѣшало, однако, событіе, существенно измѣнившее положеніе русской народности и православія въ литовскомъ краѣ и надолго отсрочившее соединеніе юго-западной и сѣверо-восточной Руси. То было соединеніе литвы съ Польшей.

Соединеніе Литвы съ Польшей. Польское государство составилось изъ славянъ, обитавшихъ по Вислѣ и ея притокамъ и возникло почти одновременно съ русскимъ. Поляки по своему происхожденію, нравамъ и языку въ первое время мало отличались отъ русскихъ. Изъ княжескихъ фамилій, господствовавшихъ въ Польшѣ, возвысилось потомство Пястовъ. При одномъ изъ нихъ, женатомъ на нѣмецкой принцессѣ, въ Польшѣ усилилось вліяніе нѣмцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердилось христіанство—сначала, правда, по восточному обряду (X в.), но потомъ по обряду римско-католическому (XI в.). Впослѣдствіи, съ раздѣленіемъ церкви на Восточную и Западную, подчиненіе Польши Западной церкви и ея главѣ—папѣ, породило рознь въ отношеніяхъ польскаго населенія къ другимъ его славянскимъ братьямъ, исповѣдующимъ христіанство Восточной церкви,—опредѣлило особую отъ послѣднихъ исторію и культуру польскаго народа и въ значительной мѣрѣ отрѣзало его отъ основнаго материка славянства.

Во второй половинѣ XIV в., въ Польшѣ прекратилась династія Пястовъ, изъ которой доселѣ выбирали королей. Корона перешла сначала къ племяннику послѣдняго изъ Пястовъ—королю Венгерскому, а затѣмъ досталась дочери его Ядвигѣ. Всесильные въ Польшѣ магнаты и духовенство предложили ея руку великому литовскому князю Ягелло, рассчитывая при этомъ достигнуть разомъ двухъ цѣлей—избавиться отъ нападений одного опаснаго сосѣда и найти союзника для борьбы съ другимъ врагомъ—Тевтонскимъ орденомъ. Духовенство, кромѣ того, рассчитывало не только обратить литовцевъ въ католицизмъ, но утвердить свое вліяніе и въ Западной Руси. Ягелло

Ягелло.

былъ очень польщенъ такимъ предложеніемъ, выгоднымъ и для Литвы въ ея борьбѣ съ тевтонами, и охотно согласился принять католичество и крестить свой народъ. Провозглашенный на сеймѣ польскимъ королемъ подъ именемъ Владислава II, Ягелло въ 1386 году прибылъ въ Краковъ, торжественно перешелъ изъ православія (въ которомъ былъ воспитанъ своею матерью) въ католичество и женился на Ядвигѣ. Вслѣдъ затѣмъ новый король, въ сопровожденіи польскаго католическаго духовенства, прибылъ въ Вильно. Древній огонь литовскаго бога-громовника Перкуна былъ погашенъ, башни, съ которыхъ жрецы возвѣщали народу свои прорицанія, разрушены, заповѣдныя роши срублены. Видя, что униженные боги безмолствуютъ, бѣдные литвины смирились передъ волей короля, подкрѣпленной военной силой, и стали креститься, хотя и не понимали новой вѣры, проповѣдуемой на непонятномъ языкѣ. Всѣмъ новокрещеннымъ выдавали свитки изъ бѣлаго сукна и красивую обувь, и многіе изъ литовцевъ ради этого приходили креститься по нѣскольку разъ... Духовенство затѣмъ приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы прочно утвердить насажденное такимъ путемъ католичество. Вмѣстѣ съ вѣрою стало проникать въ Литву, на смѣну русскому, вліяніе польской образованности, польскихъ нравовъ и обычаевъ.

Ягелло попытался, по совѣту польскаго духовенства, распространить католичество и въ русскихъ областяхъ Литвы, но вызвалъ этимъ всюду сильное негодованіе. Литовцы также были недовольны королемъ, который поселился въ Краковѣ и окружилъ себя польской аристократіей. Этимъ воспользовался двоюродный братъ Ягелло, такъ же, какъ и онъ, измѣнившій православію,—В и т о в т ь, и при содѣйствіи тевтонскихъ рыцарей, которые рады были случаю ослабить своихъ враговъ, попытался образовать изъ Литвы и Зап. Руси особое владѣніе. Послѣ бесплодной борьбы съ соперникомъ и въ виду общаго сочувствія литовцевъ къ Витовту, Ягелло вынужденъ былъ уступить и призналъ Витовта великимъ княземъ Литвы, но съ тѣмъ, чтобы верховная власть надъ Литвою принадлежала польскому королю.

Витовтъ (1392—1430), князь очень рѣшительный и неразборчивый въ средствахъ, старался всѣми мѣрами увеличить свое княжество на счетъ сѣверо-восточной Руси. Воспользовавшись междуусобіями смоленскихъ князей, онъ присоединилъ къ Литвѣ С м о л е н с к у ю область. Несмотря на то, что дочь его (Софія Витовтовна) была замужемъ за московскимъ княземъ Василиемъ I, онъ велъ постоянную борьбу съ Москвою. Витовтъ попытался даже воспользоваться возник-

шими въ Золотой Ордѣ неурядицами, пріютилъ у себя изгнаннаго оттуда хана Тохгамыша и обѣщаль снова посадить его въ Сараѣ съ тѣмъ, чтобы онъ посадилъ его въ Москвѣ. Витовтъ, дѣйствительно, собралъ громадное ополченіе и вмѣстѣ съ Тохгамышемъ двинулся на Орду, но на берегахъ Ворсклы потерпѣлъ страшное пораженіе отъ татарскаго мурзы Эдигея. Послѣ этого онъ, поневолѣ, оставилъ свои притязанія на Москву и другія русскія области и границей между двумя княжествами назначена была рѣка Угра.

Неудача на Ворсклѣ заставила Витовта снова сблизиться съ Ягелло на условіяхъ болѣе тѣснаго единенія Литвы и Польши. Результатомъ соглашенія явился совмѣстный походъ на безпокойныхъ сосѣдей Литвы и Польши—тевтонскихъ рыцарей. Грозное девяностотысячное войско рыцарей было почти совсѣмъ истреблено поляками, литовцами и русскими въ знаменитой битвѣ при Танненбергѣ (въ Пруссіи, въ 1410 г.). Тутъ палъ самъ великій магистръ ордена со множествомъ рыцарей. Героємъ побѣды явился Витовтъ. Послѣ этого пораженія орденъ уже не могъ оправиться и при преемникѣ Ягелло призналъ себя въ ленной зависимости отъ Польши.

Совмѣстныя дѣйствія противъ тевтоновъ и предшествовавшее имъ соглашеніе завершилось вскорѣ (1413) съѣздомъ (на сеймѣ въ Городнѣ, на р. Бугѣ) съ одной стороны—Ягелло съ польскими панами, съ другой—Витовта съ знатнѣйшими литвинами. Составленъ былъ торжественный актъ уніи (соединенія) Литвы съ Польшей. Между прочимъ, положено было представителямъ обоихъ народовъ съѣзжаться впредь на общіе сеймы, для выбора королей польскихъ и для рѣшенія общихъ дѣлъ, а литовскому дворянству даны были владѣльческія права и привилегіи польской шляхты и усвоены польскіе гербы. Преимущества эти, возвышавшія литовское дворянство по образцу польскаго и пролагавшія дальнѣйшій путь вліянію Польши, давались, однако, только католикамъ. Вѣра большинства населенія—православіе—такимъ образомъ была явно принижена.

Витовтъ, вел. кн. Литовскій.

Витовту не нравилась зависимость русских областей Литвы въ церковномъ отношеніи отъ московскаго митрополита и онъ хлопоталъ въ Константинополѣ о назначеніи сюда особаго митрополита, но получилъ отказъ. Тогда онъ велѣлъ собору западно-русскихъ епископовъ избрать на кievскую митрополию ученаго болгарина, Григорія Цамблака. Отдѣленный отъ остальной Руси въ политическомъ отношеніи, юго-западный край обособился теперь и въ дѣлахъ церкви.

Послѣ Витовта Литва иногда имѣла отдѣльнаго князя изъ рода Ягеллоновъ, но, большею частію, соединялась съ Польшею подъ властію одного короля.

Московская Русь.

Начало Москвы. Въ то время, какъ юго-западная Русь объединилась подъ владычествомъ Литвы, Русь сѣверо-восточная собиралась въ одно цѣлое подъ главенствомъ Москвы.

Москва основана, по преданію, Юріемъ Долгорукимъ. Преданіе рассказываетъ, что тутъ находилось прежде помѣстье боярина Кучки, котораго Юрій казнилъ за какую-то вину, а помѣстье его присвоилъ себѣ. Мѣстность ему понравилась, и онъ велѣлъ построить городокъ на холмѣ Боровицкомъ, при впаденіи рѣки Неглинной въ Москву-рѣку (т.-е. тамъ, гдѣ находится теперь Кремль). Впервые этотъ городъ (какъ уже существующій и, слѣдовательно, основанный ранѣе) упоминается лѣтописью подъ 1147 годомъ (когда Юрій принималъ здѣсь и угощалъ одного изъ князей Сѣверскихъ, Святослава Ольговича, своего союзника въ борьбѣ съ Изяславомъ II Кіевскимъ). Название свое онъ получилъ отъ рѣки, на которой расположенъ (слово «Москва» по-фински значитъ мутная вода). Выгодное по тому времени торгово-промышленное положеніе Москвы на пограничьи Суздальской области съ владѣніями Рязанскими, Черниговскими и Смоленскими, на перекресткѣ водныхъ торговыхъ путей изъ южной Руси въ сѣверо-восточную и изъ юго-восточныхъ областей на сѣверо-западъ, рано сдѣлало городъ средоточіемъ особаго удѣльнаго княжества.

Начало возвышенія Москвы относится собственно ко времени княженія въ Москвѣ младшаго сына Александра Невскаго—Данила. Этотъ умный, дѣятельный князь и домовитый хозяинъ всю свою энергію употребилъ на увеличеніе и устройство своего удѣла и города. Онъ сдѣлалъ два важныхъ приобрѣтенія: отнялъ у Рязанскихъ князей Коломну, запиравшую устье Москвы-рѣки, и уговорилъ своего бездѣтнаго племянника (Іоанна Дмитріевича) оставить ему по

завѣщанію г. Переславль Залѣскій съ значительной по тому времени волостью.

Его сынъ и преемникъ, Юрій Даниловичъ, продолжая политику отца, отнялъ у смоленскихъ князей лежащій на верховьяхъ рѣки Москвы, г. Можайскъ съ удѣломъ. Такимъ образомъ, все теченіе Москвы-рѣки находилось теперь въ рукахъ московскихъ князей, и Юрій Даниловичъ явился уже однимъ изъ сильнѣйшихъ князей сѣверо-восточной Руси. Онъ сталъ теперь добиваться великаго княженія, хотя правъ на это, по родовымъ понятіямъ о старшинствѣ, и не имѣлъ. Но тутъ онъ встрѣтилъ соперника въ тверскомъ князѣ (Михаилѣ Ярославичѣ), который приходился ему двоюроднымъ дядей и имѣлъ всѣ права на старшинство. Тогда началась, ознаменованная большою жестокостію, упорная борьба Москвы съ Тверью. Борьба эта длилась свыше двадцати лѣтъ. Перевѣсъ сначала взялъ М и х а л ь, котораго ханъ и утвердилъ великимъ княземъ (1304—1319). По проiscaмъ Юрія, его казнили въ Ордѣ, и великимъ княземъ сдѣлался Ю р і й (1319—1326); послѣдній былъ убитъ сыномъ Юрія, Димитріемъ, по прозванію «грозная очи» и великимъ княземъ сдѣлался не задолго (1326—1328) братъ его А л е к с а н д р ь, у котораго наконецъ Іоаннъ Даниловичъ (по прозванію «Калита» т.-е. мѣшокъ съ деньгами, въ переносномъ смыслѣ—скопидомъ) и отнялъ, при помощи татаръ, великое княженіе.

Іоаннъ Калита (1328 — 1340) больше всѣхъ прежнихъ князей содѣйствовалъ возвышенію Москвы и объединенію подъ ея властью всѣхъ удѣльныхъ княжествъ, почему и получилъ названіе «перваго собирателя русской земли». Въ его характерѣ и дѣятельности особенно ярко отразились типическія черты большинства московскихъ князей—собирателей Руси, унаслѣдованныя ими отъ предковъ—князей суздальскихъ: бережливость, расчетливость, упорное преслѣдованіе разъ намѣченной цѣли (въ связи съ необыкновенною осторожностью) и, наконецъ, хозяйственная практичность. Онъ пользовался всѣми средствами къ достиженію главной цѣли—возвышенію Москвы на счетъ ея сосѣдей, хотя и рѣдко прибѣгалъ къ силѣ, развѣ уже когда была вѣрная надежда на успѣхъ. Не щадя, гдѣ было нужно, денегъ на подарки и подкупы ордынскихъ царевичей и главныхъ вельможъ, и безпрекословно повинуюсь волѣ хана, Калита заслужилъ такое довѣріе въ Ордѣ, что ему поручали непосредственный надзоръ за другими князьями и даже наказаніе ихъ, въ случаѣ ослушанія ханской волѣ. Мало того, онъ добился позволенія самому, вмѣсто баскаковъ, собирать дань ханскую («выходъ ордынской») съ областей сѣ-

верной Руси и отвозить ее въ Орду. Этимъ онъ и угодили населенію, которое избавилось отъ притѣсненій баскаковъ, и приумножалъ собственную казну, такъ какъ часть дани, расходившуюся прежде по карманамъ мелкихъ татарскихъ сборщиковъ, удерживалъ въ свою пользу.

Прикопивъ не малыя деньги, онъ покупалъ въ сосѣднихъ княжествахъ у обѣдѣвшихъ князей, бояръ и монастырей земли, села и даже цѣлые города и присоединялъ ихъ къ Москвѣ.

Вел. кн. Іоаннъ Даниловичъ Калита.

Вліяніе свое Калита простираетъ и на богатый Новгородъ, который онъ старался, при каждомъ удобномъ случаѣ, прижать, чтобы, кромѣ обычныхъ сборовъ въ пользу князя, возможно болѣе получить въ счетъ дани татарамъ. Политическое значеніе Москвы поднялось теперь въ глазахъ всей Руси. У богатаго и сильнаго, своими связями въ Ордѣ, московскаго князя заискивали князья тверскіе, суздальскіе и рязанскіе.

Благодаря расположенію хана и сбору дани самимъ Калитой, никто не смѣлъ обижать его людей: «перестали, говорить лѣтописецъ, поганые воевать Русскую землю, отдохнули христіане отъ насилія татарскаго, наступила тишина по всей землѣ». Въ спокойное отъ татаръ и княжескихъ усобицъ московское княжество сталь отовсюду стекаться рабочей людью, бояре также охотно переходили отъ другихъ князей на службу къ московскому.

Переселялись сюда иноземцы; даже татарскіе мурзы (мелкіе князья) стали поступать на службу къ богатому московскому князю. Земля его стала, такимъ образомъ, многолюднѣе и богаче другихъ. Москва наполнялась торговцами со всѣхъ сторонъ. Развивалась промышленность и торговля, умножались и доходы князя отъ пошлинъ, собираемыхъ съ купцовъ. Москва съ каждымъ годомъ все болѣе богатѣла и обстраивалась, привольнѣе стала здѣсь жизнь населенія.

Вмѣстѣ съ политическимъ и экономическимъ ростомъ Москвы при Калитѣ, возвышается и ея нравственное значеніе, особенно со времени перенесенія сюда мѣстопробыванія митрополіи. Съ упадкомъ Кіева, послѣ татарскаго погрома, митрополиты жили по большей части, въ новой столицѣ вел. князей — Владимірѣ. Но когда стало падать и значеніе Владиміра, какъ стольнаго города, а великіе князья, считаясь владимирскими, тѣмъ не менѣе — оставались жить въ Москвѣ, митрополиты стали подолгу проживать въ этомъ новомъ центрѣ сѣверо-восточной Руси. Митрополитъ св. Петръ особенно сблизился съ Іоанномъ Калитой, котораго любилъ за его набожность, уваженіе къ духовенству, щедрыя пожертвованія въ пользу церкви и умную хозяйственную дѣятельность въ краѣ и, склоняясь на просьбы Калиты, послѣдніе годы жизни своей провелъ въ Москвѣ. Прозорливый святитель рано оцѣнилъ возрастающее значеніе Москвы и ея князей и, предугадывая будущее возвышеніе этого города, завѣщаль похоронить себя въ построенномъ Калитой (по образцу Владимірскаго) Успенскомъ соборѣ. Мощи его стали потомъ одною изъ главныхъ святынь Москвы.

По словамъ житія св. Петра, онъ просилъ Калиту построить соборный храмъ и такъ говорилъ ему: «Если, сыне, послушаешь меня, то самъ прославишься больше всѣхъ князей, и весь родъ твой, и градъ сей возвеличится надъ всѣми русскими городами; святители будутъ обитать въ немъ и руки его въздуть на плечи враговъ его; также и мои кости будутъ положены въ немъ».

Преемникъ св. Петра, митрополитъ Θεогность, поселился окончательно въ Москвѣ и всѣми силами помогаль возвышенію Москвы, употребляя иногда противъ враговъ московскаго князя церковное запрещеніе.

Сдѣлавшись мѣстопробываніемъ митрополита (который былъ одинъ на всю русскую землю, между тѣмъ какъ князей было много), Москва еще болѣе возвысилась въ глазахъ народа и заняла въ сѣверо-восточной Руси то же мѣсто, какое нѣкогда занималь въ южной Руси Кіевъ. Перенесеніе митрополіи давало Москвѣ видъ столицы «всей Руси»; въ Москву отовсюду стекались лица, имѣвшія нужду до митрополита, какъ въ средоточіе церковнаго управленія. Съ тѣмъ вмѣстѣ возросло и значеніе московскаго князя, на котораго народъ привыкаль смотрѣть, какъ на главу всѣхъ другихъ князей. Встрѣчая покорность со стороны другихъ князей, и самъ Калита уже не довольствовался титуломъ «великаго князя владимірскаго», но сталъ именовать себя «великимъ княземъ всея Руси».

Предусмотрительный Калита старался упрочить великокняжеское достоинство за своимъ потомствомъ. При своихъ путешествіяхъ въ Орду онъ возилъ и своихъ сыновей, представляя ихъ хану, какъ вѣрнѣйшихъ его слугъ, и достигъ цѣли: великое княженіе утверждено было за его дѣтьми.

Симеонъ Гордый. Великокняжескій столъ послѣ Калиты занялъ старшій сынъ его Симеонъ Гордый (1340—1353). Князья тверской, суздальскій и др. пытались было оспаривать у него титулъ великаго князя, но ханъ рѣшилъ дѣло въ пользу богатаго и щедрого на подарки московскаго князя. Мало того, Симеону ханскимъ ярлыкомъ «даны были (по выраженію лѣтописца) всѣ князья русскіе подъ его руку», т.-е. считались его подчиненными, подручными. Умный и рѣшительный, твердый характеромъ, Симеонъ держалъ себя въ отношеніяхъ съ другими князьями властно и гордо (за что и получилъ свое прозваніе). Но по отношенію къ татарамъ Симеонъ держался политики отца, всячески смиряясь предъ ними; нѣсколько разъ онъ ѣздилъ въ Орду и возвращался оттуда съ большой честью и милостію. Расположеніе хановъ къ Москвѣ при немъ еще болѣе укрѣпилось.

Симеонъ умеръ еще въ полномъ цвѣтѣ силъ (36 лѣтъ) отъ моровой язвы, извѣстной въ лѣтописяхъ подъ именемъ черной смерти. (Это чрезвычайно заразительная болѣзнь обнаруживалась кровохарканіемъ, сопровождалась сильнымъ жаромъ, ознобомъ, припуханіемъ железъ, послѣ чего на третій день слѣдовала смерть. Кожа умиравшихъ покрывалась черными пятнами, отчего произошло и самое названіе болѣзни, которая изъ Азіи (изъ Китая и Индіи) перешла въ Западную Европу, а оттуда на ганзейскихъ корабляхъ завезена въ Новгородскую область и затѣмъ распространилась по Россіи, истребивъ множество народа.)

Іоаннъ II. Преемникомъ бездѣтнаго Симеона на великомъ княженіи былъ братъ его Іоаннъ Іоанновичъ, по прозванію Красный (красивый). Суздальскій князь пытался было оспаривать у него великокняжескій титулъ, но ханъ опять рѣшилъ дѣло въ пользу Москвы. Іоаннъ II (1353—1359), «кроткій, тихій и милостивый князь» (по выраженію лѣтописи), по характеру не походилъ на своего отца и старшаго брата; удѣльные князья его плохо слушались. Едва ли удалось бы ему сохранить первенство за Москвою, если бы не помогали московскіе бояре и особенно главный совѣтникъ и руководитель его—митрополитъ Алексѣй, который часто ѣздилъ въ Орду и пользовался большимъ расположеніемъ хана.

Митрополитъ Алексѣй пользовался въ Ордѣ славою чудотворца-цѣлителя недуговъ. Когда любимая жена хана Чанибека, Тайдула, сильно заболѣла глазами, то ханъ написалъ великому князю въ такомъ смыслѣ: «Слышалъ я, что Богъ не

Св. Петръ.

Св. Алексѣй.

(Храмъ Христа Спасителя въ Боркахъ).

отказываетъ молитвамъ главнаго попа вашего; пусть прїѣдетъ и помолится о моей царицѣ». Алексѣй поѣхалъ въ Орду и, по словамъ житія, чудеснымъ образомъ исцѣлилъ Тайдулу. Впослѣдствіи, когда сынъ Тайдулы, свирѣпый Бердибекъ, умертвивъ отца и братьевъ, воцарился въ Ордѣ и грозилъ походомъ на Русь, митрополитъ Алексѣй отправился въ Орду и при помощи Тайдулы сумѣлъ отворотить бѣду отъ Руси и даже полу-

чилъ отъ хана новый ярлыкъ, которымъ подтверждались прежнія льготы для русскаго духовенства, т.-е. освобожденіе его имѣній отъ татарскихъ даней и поборовъ.

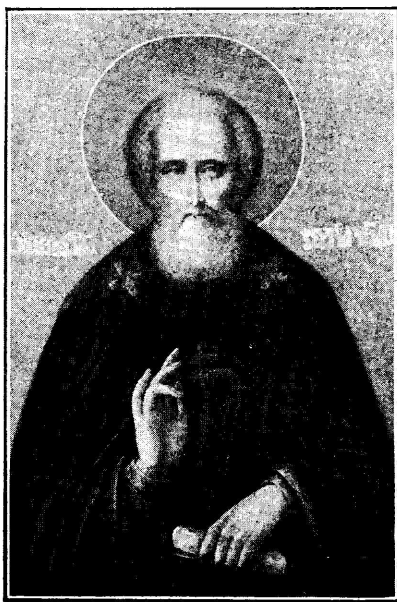
Послѣ смерти Іоанна III остался малолѣтній (9 лѣтъ) сынъ его Димитрій, который не могъ самъ за себя постоять въ Ордѣ. Этимъ воспользовался суздальскій князь *Димитрій Константиновичъ* и добился у хана ярлыка на великое княженіе. Недолго однако пришлось быть ему великимъ княземъ (1359—1363). Московскіе бояре, которые со временъ Калиты привыкли первенствовать надъ другими, энергично хлопотали въ Ордѣ за Димитрія Іоанновича и, при поддержкѣ митрополита св. Алексѣя, добились того, что титулъ великаго князя былъ предоставленъ ханомъ снова московскому князю. Димитрій суздальскій, послѣ безуспѣшной борьбы съ Москвою, вынужденъ былъ, несмотря даже на добытый имъ вновь ярлыкъ ханскій, отказаться отъ притязаній на Владимірскій столъ и даже выдалъ потомъ дочь свою за своего бывшего соперника.

Димитрій Донской (1363—1389).

Димитрій Іоанновичъ по своему отважному и рѣшительному характеру и по своей дѣятельности не походилъ на своего отца и дѣда. Онъ выросъ при иныхъ условіяхъ и дѣйствовалъ смѣлѣе ихъ. Значеніе и сила Москвы возросли теперь до того, что всѣ здѣсь привыкли считать великокняжеское достоинство какъ бы неотъемлемой принадлежностію влестителя Москвы, а другихъ князей сѣверо-восточной Руси—обязанными ему повиноваться. Даже малолѣтство Димитрія не помѣшало ему добиваться старшинства надъ другими князьями. Руководимый боярами, еще ребенкомъ, съ оружіемъ въ рукахъ, не взирая и на ярлыки ханскіе, онъ смѣло отстаивалъ права свои на великое княженіе. Сдѣлавшись великимъ княземъ, онъ, по выраженію лѣтописи, «сталъ всѣхъ князей русскихъ приводить подъ свою волю, а которые не повиновались, на тѣхъ началъ (силою) посягать».

Иначе, чѣмъ Калита и его преемники, относился Димитрій Іоанновичъ и къ татарамъ. Онъ былъ представителемъ новаго поколѣнія на Руси, которому чуждъ былъ трепеть отцовъ предъ однимъ только именемъ татаръ, которое не испытало татарскихъ нашествій и выросло, не видя даже татарскихъ сборщиковъ дани. Орда, между тѣмъ, видимо слабѣла вслѣдствіе внутреннихъ смуть и усобицъ и распадалась на части; иногда сразу являлось по нѣсколько хановъ, которые свергали одинъ другого. Понятно, что ярлыки быстро смѣнявшихся хановъ теряли теперь зна-

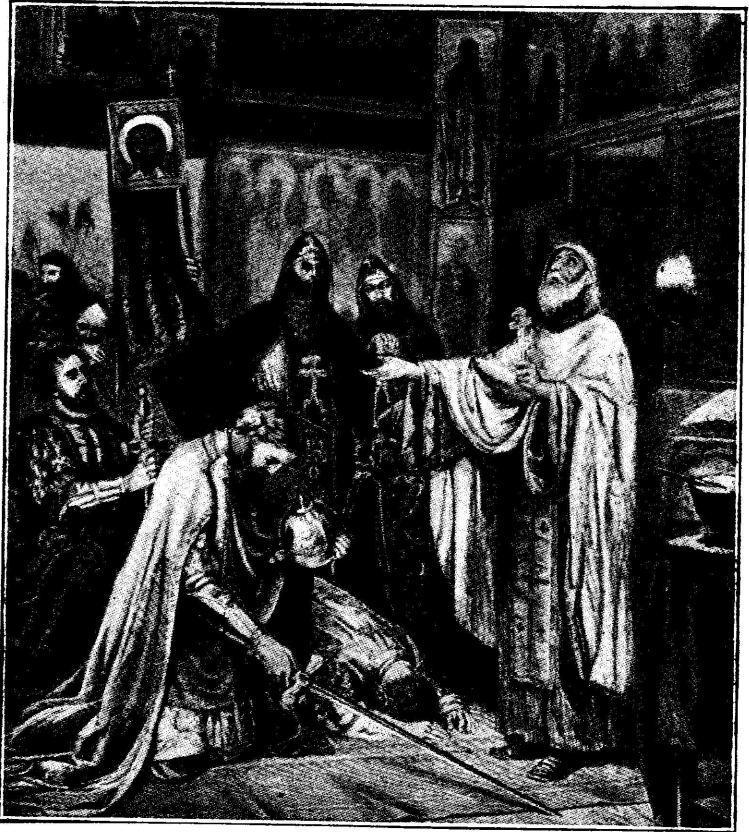
ченіе въ глазахъ князей, грозные приказы ихъ не имѣли прежняго устрашающаго дѣйствія, и въ умахъ русскихъ людей того времени созрѣвала мысль о сверженіи ненавистнаго ига, крѣпло стремленіе помѣряться силами съ лютымъ врагомъ въ открытомъ бою. Димитрій Іоанновичъ не отказался отъ этого замысла даже въ то время, когда вся Орда снова соединилась подъ властію М а м а я, и открылъ враждебныя дѣйствія противъ татаръ. Чтобы наказать Димитрія, Мамай послалъ на него большое войско. Димитрій самъ выступилъ къ нему навстрѣчу, во главѣ значительнаго ополченія, и разбилъ татаръ на голову на берегахъ рѣки В о ж и (притокъ Оки), въ рязанскомъ княжествѣ (1378). Эта первая большая побѣда русскихъ надъ своими поработителями послѣ долговременнаго тяжелаго ига сильно воодушевила всѣхъ на Руси. И когда вельдъ затѣмъ (лѣтомъ 1380 года) разнеслась вѣсть, что Мамай въ страшной ярости грозитъ напомнить русскимъ времена Батыя, собираетъ огромныя полчища татаръ и подвластныхъ имъ народовъ и заключилъ даже союзъ съ литовскимъ княземъ Ягелло, чтобы тѣмъ вѣрнѣе разгромить Московскую землю, Димитрій не палъ духомъ, но мужественно сталъ готовиться къ встрѣчѣ съ врагомъ.

Преподобный Сергій.

Куликовская битва. При вѣсти о движеніи Мамаея, вся сѣверная Русь пришла въ движеніе, со всѣхъ сторонъ стекались къ Москвѣ отряды воиновъ съ князьями во главѣ (только немногіе и, между прочимъ, Олегъ Рязанскій, изъ боязни татаръ, первые удары которыхъ должны были пасть на его область, уклонились отъ участія въ общемъ дѣлѣ). Собралось еще небывалое на Руси ополченіе—до 150.000 человекъ. Получилъ московскій князь и благословеніе отъ великаго подвижника и прозорливца, св. Сергія, основателя Троицкой лавры. Св. Сергій отпустилъ въ походъ съ Димитріемъ двухъ своихъ иноковъ—Пересвѣта и Ослябя, которые прежде были

боярами и отличались воинской доблестью. Обнадеженный предсказанной святителем побѣдой, Димитрій съ войсками бодро выступилъ навстрѣчу татарскимъ ордамъ, желая тѣмъ воспрепятствовать разоренію русскихъ областей монголами и, съ другой стороны, предупредить соединеніе Мамая съ

Св. Сергій благословляетъ вел. кн. Димитрія Донского передъ Куликовской битвой.

Ягелло литовскимъ. Войска русскія сошлись съ несмѣтными полчищами Мамая на Куликовомъ полѣ, при впадѣніи въ Донъ рѣки Непрядвы (8 сентября 1380 года).

Позиція, выбранная Димитріемъ, была удобная въ томъ отношеніи, что не позволяла Мамаю развернуть всѣ свои силы и охватить съ обѣихъ сторонъ войско русскихъ, какъ это было въ обычаѣ у татаръ; въ наиболѣе же опасномъ мѣстѣ для боя скрытъ былъ въ засадѣ, въ лѣсу, отборный запасный отрядъ,

подъ начальствомъ серпуховскаго князя Владиміра Андреевича и опытнаго волынскаго воеводы Дмитрія Боброка. Битва началась съ утра и отличалась небывалымъ ожесточеніемъ: каждый сознавалъ, что рѣшается вопросъ о дальнѣйшихъ судьбахъ Руси. Всѣ дрались съ непримѣрнымъ мужествомъ, не уступая ни пяди земли, задыхаясь въ тѣснотѣ самой отчаянной рукопашной схватки; князья, бояре, воеводы, даже самый великій князь, сражались въ рядахъ простыхъ воиновъ. Все поле было урито кровью и усѣяно тѣлами убитыхъ; груды труповъ мѣшали движенію конницы. Въ битвѣ пали и Пересвѣтъ, и Ослябя. Пользуясь своимъ превосходствомъ въ числѣ и смертію многихъ русскихъ вождей, татары прорвали, наконецъ, полки русскіе, стоявшіе на лѣвой сторонѣ (лѣвый флангъ), и стали заходить въ тылъ русскому войску, тѣсня его къ рѣчкѣ Непрядвѣ... Но въ этотъ критическій моментъ на нихъ ударили въ бокъ и съ тылу запасныя русскія войска, стоявшія въ засадѣ. Татары, уже истомленные долгой битвой, не выдержали неожиданнаго натиска свѣжихъ силъ, смѣшались и обратились въ беспорядочное бѣгство, оставивъ весь свой громадный и богатый станъ въ рукахъ побѣдителей.

Русскіе преслѣдовали ихъ на протяженіи сорока верстъ... Побѣда была полная, но велики были и потери понесенныя русскими: послѣ битвы изъ огромнаго русскаго войска едва осталось тысячъ сорокъ... Сражаясь наряду съ простыми воинами, Дмитрій отъ сильнаго утомленія лишился чувствъ и въ такомъ положеніи найденъ былъ послѣ битвы лежавшимъ подъ срубленнымъ деревомъ. Доспѣхи его были изсѣчены, но крѣпкое вооруженіе, къ счастью, предохранило его отъ серьезныхъ ранъ. Въ память этой великой побѣды, русская церковь установила ежегодно праздновать память по убиеннымъ на Куликовомъ полѣ въ такъ называемую, субботу Дмитровскую, (битва происходила въ субботу).

Значеніе Куликовской битвы. Куликовская побѣда вызвала небывалую радость во всѣхъ слояхъ русскаго общества, и оставила глубокое впечатлѣніе въ умахъ современниковъ: составленъ былъ цѣлый рядъ сказаній о достопамятной битвѣ, украшенныхъ легендами о разныхъ видѣніяхъ и чудесныхъ знаменіяхъ; Дмитрія прославляли, сравнивали его съ Александромъ Невскимъ, прозвали его «Донскимъ», а Владиміра Андреевича — «храбрымъ». Въмѣстѣ съ тѣмъ возросло въ высокой степени уваженіе и къ самой династіи московскаго князя, организатора побѣды надъ невѣрными. Народный духъ поднялся: ободренные успѣхомъ русскіе перестали бояться татаръ и смотрѣть на нихъ, какъ на непобѣдимыхъ, какъ на неиз-

бѣжное Божіе наказаніе за грѣхи. На первыхъ порахъ большинству русскихъ людей казалось даже, что насталь конецъ владычеству татаръ на Руси. Надежда эта не оправдалась—однимъ ударомъ сломить силу могущественной еще Орды было невозможно; въ этомъ отношеніи прямыхъ послѣдствій Куликовская битва не имѣла. Тѣмъ не менѣе, сила татарскаго ига была надломлена и владычество татаръ на Руси не могло уже возродиться въ прежнихъ тяжелыхъ формахъ, но стало неудержимо клониться къ упадку, по мѣрѣ дальнѣйшаго роста Москвы, по мѣрѣ того, какъ усиливалось религиозное и національное единство русскихъ, укрѣпленное удачнымъ исходомъ битвы за православную вѣру противъ магометанъ, при чемъ подъ знаменами московскаго князя собрались впервые ратники со всей сѣверной Руси. И до Куликова поля татары не вполне увѣрены были въ своихъ силахъ для борьбы съ Русью, о чемъ свидѣтельствуетъ союзъ Мамай съ Ягелло. Послѣ же Куликовскаго погрома они стали еще осторожнѣе въ своихъ отношеніяхъ къ русскимъ данникамъ, доселѣ покорнымъ и безотвѣтнымъ, стремились дѣйствовать не столько силою, сколько хитростію, совершая иногда нападенія врасплохъ, внезапные набѣги на Москву, но въ общемъ—изъ наступательнаго постепенно переходили въ оборонительное положеніе, тогда какъ русскіе начали дѣйствовать наоборотъ. Въ послѣднемъ отношеніи Куликовская побѣда послужила какъ бы исходнымъ пунктомъ новаго періода въ исторіи нашей страны, новаго явленія, продолжающагося и доселѣ: **п о с т у п а т е л ь н а г о д в и ж е н і я Р о с с і и н а А з і ю.**

Набѣгъ Тохтамыша. Несмотря на страшное поражение, Мамай успѣлъ собрать новыя силы и, злобствуя на великаго князя московскаго, намѣренъ былъ отомстить ему внезапнымъ набѣгомъ, но былъ низложенъ новымъ ханомъ Золотой Орды—Тохтамышемъ. Послѣдній потребовалъ отъ русскихъ князей прежней дани и покорности. Когда же они не исполнили его требованія, Тохтамышъ, спустя два года послѣ Куликовской битвы, сдѣлалъ внезапный набѣгъ на московское княжество. Внезапностію и быстротою набѣга ханъ рассчитывалъ застать Дмитрія врасплохъ. Дѣйствительно, Дмитрій не имѣлъ наготовѣ войска, потому что народное ополченіе послѣ похода, обыкновенно, распускалось по домамъ; онъ уѣхалъ на сѣверъ собирать войска. Тѣмъ временемъ, татары быстро двинулись къ Москвѣ, сожигая и истребляя все на своемъ пути. Перепуганные жители заперлись со всѣмъ своимъ имуществомъ въ Кремль, кругомъ котораго въ княженіе Дмитрія были построены крѣпкія стѣны. Видя, что городъ нельзя

взять открытою силою, и опасаясь прихода великокняжеской рати, варвары пустились на хитрость. Они стали увѣрять гражданъ-защитниковъ города, что ханъ пришелъ наказать только Димитрія, а противъ нихъ ничего не имѣетъ и ничего имъ не сдѣлаетъ, если они выкажутъ покорность и отворятъ ворота. Двое изъ захваченныхъ татарами суздальскихъ князей, обманутые или застрашенные татарами, клялись въ справедливости обѣщаній Тохтамыша. Москвичи повѣрили. Татары хлынули толпой въ открытыя для нихъ ворота и принялись рубить саблями всѣхъ безъ разбору и топтать конями... Избивши и ограбивши жителей, татары зажгли городъ (при этомъ погибло множество книгъ, отовсюду снесенныхъ въ Кремль). Прослышавъ затѣмъ о движеніи великокняжескихъ войскъ, Тохтамышъ удалился, уводя съ собою нѣсколько десятковъ тысячъ плѣнныхъ. На пепелищѣ Москвы потомъ собрано было свыше 24,000 труповъ, не считая сгорѣвшихъ и утонувшихъ... Опасаясь подобныхъ же внезапныхъ набѣговъ и опустошеній на будущее время, Димитрій отправилъ сына своего Василія съ боярами въ Орду и вновь призналъ себя данникомъ татарскихъ хановъ.

Послѣдніе годы княженія Димитрія. Димитрій Иоанновичъ прожилъ недолго послѣ Куликовской битвы и тревожныхъ событій Тохтамышева набѣга. Онъ скончался въ 1389 году, еще въ цвѣтушемъ возрастѣ (39 лѣтъ). Но и въ послѣдніе годы своей жизни онъ не переставалъ заботиться объ ослабленіи удѣльныхъ князей и объ установленіи тѣснѣйшей связи всѣхъ русскихъ областей съ Москвою. Такъ, онъ заключилъ договоръ съ двоюроднымъ братомъ, героемъ Куликовской битвы — Владиміромъ Андреевичемъ. Послѣдній сязывался «служить старшему брату безъ ослушанія», а старшій братъ обязывался «кормить его по его службѣ»: прежнія родственныя отношенія, такимъ образомъ, замиряются служебными. Владиміръ обѣщается не домогаться московской отчины Дмитріевой и великаго княженія владимірскаго и обязывается считать сына Дмитріева Василія своимъ «старшимъ» братомъ: впервые дядя (т.-е. старшій въ родѣ) призналъ старшинство племянника и обязался служить ему. То было полное нарушеніе родовыхъ понятій о старшинствѣ. Такимъ образомъ, не только во внѣшнихъ, но и во внутреннихъ дѣлахъ Димитрій достигъ важныхъ результатовъ. Это сказалось въ его духовномъ завѣщаніи. Здѣсь встрѣчается небывалое до того времени распоряженіе: московскій князь благословляетъ своего старшаго сына Василія не только Москвою, но и великимъ княженіемъ Владимірскимъ, называя послѣднее уже своею отчиною.

Сознавая свою силу, Донской, очевидно, не боится, что другіе русскіе князья рѣшатся оспаривать великняжеское достоинство у его сына, и не стѣсняется тѣмъ, что ханъ можетъ дать ярлыкъ кому-нибудь изъ нихъ.

Василій I (1387—1425).

По смерти Донского великимъ княземъ сдѣлался сынъ его Василій Дмитріевичъ. Въ дѣйствіяхъ этого умнаго и дѣятельнаго князя видно много благоразумной умѣренности, умѣнья пользоваться случаемъ и обстоятельствами. При немъ значительно двинулось впередъ расширеніе московскихъ владѣній. Въ началѣ своего княженія онъ ѣздилъ въ Орду и принять былъ тамъ съ небывалымъ еще почетомъ. Пользуясь этимъ, Василій купилъ у Тохтамыша ярлыкъ на Нижній-Новгородъ и Муромъ.

Нашествіе Тамерлана. Тохтамышъ не безъ причины оказывалъ благосклонность Василію. На Тохтамыша двинулся новый могучій монгольскій завоеватель, подобный Чингисхану, страшный своею силою и жестокостію, Тимуръ или **Т а м е р л а н ъ**. Сплотивъ въ одно цѣлое разрозненныя орды татаръ, Тамерланъ разгромилъ страны Средней Азіи, оставляя всюду на мѣстахъ пирамиды изъ череповъ истребленныхъ имъ людей. Ему былъ обязанъ Тохтамышъ престоломъ Золотой Орды; однако оказался не благодарнымъ и вооружился противъ Тамерлана, но былъ разбитъ и принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ въ лѣсахъ болгарскихъ. Преслѣдуя врага, Тамерланъ вступилъ въ русскіе предѣлы, взялъ Елецъ и опустошилъ окрестную страну. Русскимъ людямъ казалось, что возобновляются времена Батыя. Великій князь, однако, не потерялся: онъ не медля велѣлъ собираться войску и во главѣ многочисленной рати сталъ на границахъ своего княжества, на берегахъ Оки. А чтобы поднять народный духъ, велѣлъ перенести въ Москву изъ Владиміра чудотворную икону Богоматери, привезенную туда Андреемъ Боголюбскимъ. Василію, впрочемъ, не пришлось дожидаться врага: Тамерланъ, опустошивши оба берега Дона, двинулся съ своимъ полчищемъ обратно въ Азію. Наступали осеннія непогоды, бѣдные же сѣверные края не представляли воинамъ Тимура ничего привлекательнаго послѣ богатыхъ странъ Азіи. По словамъ сказанія о нашествіи Тамерлана, онъ ушелъ изъ предѣловъ Русской земли въ тотъ именно день (26 авг.), когда жители Москвы встрѣчали образъ Владимірской Божіей Матери. Съ той поры образъ этотъ остался въ Успенскомъ соборѣ Москвы, какъ главнѣйшая святыня города, а день срѣтенія ея Москвою сталъ церковнымъ праздникомъ (иконы Владимірской Божіей Матери).

Набѣгъ Эдигея. Послѣ разгрома Тамерлана Золотая Орда долго не была опасна Московскому князю. Ханы смѣнялись—одинъ за другимъ; Василій отказывался платить дань, ссылаясь на то, что земля бѣдна, денегъ взять не съ кого, хотя дань шла въ казну великокняжескую; въ Москвѣ, наконецъ, открыто стали посмѣиваться надъ послами и гостями ордынскими. Управлявшій всѣми дѣлами отъ имени хана, старый мурза Э д и г е й (побѣдитель Витовта на берегахъ Ворсклы) вышелъ изъ терпѣнія и рѣшился наказать Москву быстрымъ набѣгомъ, подобно Тохтамышу. Объявивъ великому князю, что намѣренъ со всей ордой итти на Литву, онъ взаимѣнъ того съ необыкновенною скоростію устремился къ Москвѣ, опустошая все на пути своемъ. Застигнутый врасплохъ, Василій Дмитріевичъ ушелъ въ Кострому. Эдигей простоялъ подъ Московою около мѣсяца, но не смогъ взять города и, прослышавъ о новыхъ смутахъ въ Ордѣ, отступилъ, взявъ предварительно съ Москвы откупъ въ 3,000 рублей. Съ дороги Эдигей прислалъ письмо къ великому князю, въ которомъ жалуется на то, что онъ слушаетъ молодыхъ бояръ и забываетъ Орду, обращаясь къ ней только за помощью противъ Литвы.

Отношенія къ Литвѣ. Ослабленные татары, видимо, не страшны были Руси: они могли вредить теперь только внезапными, чисто разбойническими набѣгами. Самая дань, которую имъ платили, являлась уже чѣмъ-то вродѣ откупа отъ этихъ набѣговъ. Гораздо опаснѣе становился теперь новый врагъ Руси—Литва. Объединители юго-западной Руси, почувявъ свою силу, стали простирать виды и на области сѣверной Руси, которыя стягивали подъ свою руку князья московскіе. Василию Дмитріевичу пришлось изъ-за этого вступить въ борьбу съ своимъ тестемъ—Витовтомъ (онъ былъ женатъ на его дочери Софіи Витовтовнѣ). Властолюбивый и воинственный литовскій князь успѣлъ овладѣть Смоленскомъ, воспользовавшись происходившими тамъ междоусобицами и недовольствомъ смольнянъ противъ своего князя. Московскій князь велъ себя съ большою осторожностію; насколько возможно было, уступалъ тестю (чѣмъ вызвалъ противъ себя недовольство въ Москвѣ); но когда послѣдній, не удовлетворившись Смоленскомъ, обнаружилъ стремленіе подчинить себѣ и другія русскія области (Новгородъ и Псковъ), Василій объявилъ ему войну. Три раза сходились соперники со своими войсками, но до битвы дѣло не дошло: оба князя были очень осторожны. Дѣло кончилось миромъ, по которому рѣка Угра была назначена границей между московскими и литовскими владѣніями.

Василій II Темный (1425—1462).

Борьба съ Юріемъ Галицкимъ и его дѣтьми. Василию Васильевичу было всего 10 лѣтъ, когда скончался отецъ его; тѣмъ не менѣе, никто изъ постороннихъ удѣльныхъ князей теперь и не думалъ оспаривать власти у Василя, какъ нѣкогда оспаривали у малолѣтнаго Дмитрія Донского. Зато, неожиданно нашелся ему соперникъ среди близкихъ родичей, а именно—дядя Василя, Юрій Дмитриевичъ Галицкій, основывавшій свои притязанія на старинныхъ правахъ наслѣдства. Увѣщанія митрополита ни къ чему не привели. Тогда передали спорное дѣло на судъ хана. Послѣдній рѣшилъ его въ пользу московскаго князя.

На рѣшеніе хана повліяла, между прочимъ, льстивая рѣчь хитраго и ловкаго московскаго боярина Ивана Всеволожскаго, предварительно задарившаго ханскихъ совѣтниковъ. Когда Юрій ссылался на свое родовое старѣйшинство, какъ дядя, Всеволожскій указалъ хану, что его воля должна быть выше всякихъ законовъ и обычаевъ: не стѣсняясь ничѣмъ, ханъ можетъ отдать свой улусъ, кому захочетъ... Ханъ не только присудилъ великое княженіе племяннику, но даже велѣлъ Юрію, по азіатскому обычаю, «вести коня» въ поводу подъ Василемъ. Послѣдній, однако, не захотѣлъ безчестить дядю. Въ благодарность за услугу, Василій обѣщаль Всеволожскому жениться на его дочери, но потомъ, по волѣ матери своей, гордой Софьи Витовтовны, женился на княжнѣ Боровской. Оскорбленный Всеволожскій уѣхалъ къ Юрію и сталъ подстрекать его на войну; неудовольствіе усилилось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что на свадьбѣ Софья Витовтовна сняла съ сына Юрія, Василя Косога, драгоценный поясъ, который, какъ ей сказали, принадлежалъ нѣкогда свекрови ея (женѣ Дмитрія Донского), былъ подмѣненъ, переходилъ изъ рукъ въ руки и, наконецъ, достался Василию Косому. Косой вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Дмитриемъ Шемякой, тотчасъ же уѣхалъ съ пира, поклявшись отомстить за оскорбленіе.)

Недовольный рѣшеніемъ хана и побуждаемый своими безпокойными сыновьями, Юрій началъ войну съ Василемъ, разбилъ его и выгналъ изъ Москвы; вслѣдъ за изгнанникомъ устремились бояре и служилые люди Москвы, стараясь всѣми средствами помочь Василию. Юрій вскорѣ умеръ и Москву поспѣшилъ, уже безъ всякаго права, занять старшій сынъ его, В а с и л і й К о с о й, но не долго здѣсь удержался; не встрѣтивъ ни въ комъ поддержки, онъ попалъ въ плѣнъ къ ве-

ликому князю и тотъ, въ порывѣ вражды, приказалъ его ослѣпить. Тогда братъ Косого, Д м и т р і й Ш е м я к а началъ, въ свою очередь, борьбу съ Василиемъ Васильевичемъ, вѣроломнымъ образомъ захватилъ его въ плѣнъ въ то время, какъ тотъ былъ на богомольѣ въ Троицкомъ монастырѣ, и приказалъ ослѣпить его. (Съ тѣхъ поръ Василя Васильевича стали звать Т е м н ы м ъ). Шемяка овладѣлъ великимъ княженіемъ и держалъ слѣпого Василя въ заточеніи, но, побуждаемый общимъ недовольствомъ населенія (въ народѣ и до сихъ поръ осталась память о «Шемякиномъ судѣ») и увѣщаніями духовенства, вынужденъ былъ выпустить Василя на свободу и отдать ему обратно Москву. Потомъ онъ вновь пытался поднять борьбу съ великимъ княземъ. Василий предварительно отдалъ свое дѣло на судъ духовенству, которое отправило Шемякѣ грозное посланіе. Въ немъ духовенство вооружается противъ стараго порядка престолонаслѣдія, осуждаетъ Шемякина отца за то, что тотъ не по праву искалъ великаго княженія и, приравнивая дѣйствія Шемяки къ поступкамъ Каина и Святополка, грозитъ ему проклятіемъ. Шемяка, не внявъ этимъ увѣщаніямъ, но былъ разбитъ московскими войсками и бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ его отравили.

Смертію Шемяки кончилась послѣдняя и единственная усобица въ родѣ Калиты, отличавшаяся крайнею жестокостію (вліяніе татарскаго ига). Василий II, несмотря на потерю зрѣнія и отличавшую его слабость характера, вышелъ побѣдителемъ изъ тяжелой двадцатилѣтней слишкомъ борьбы, благодаря усердному и единомудушному содѣйствію бояръ, духовенства и всего населенія, которому порядокъ престолонаслѣдія по прямой линіи (отъ отца къ сыну) болѣе обезпечивалъ общій миръ и спокойствіе, чѣмъ прежніе порядки съ ихъ нескончаемыми усобицами.

Отношенія къ другимъ князьямъ. Утвердившись на великомъ княженіи, Василий уничтожилъ удѣлы въ московскомъ княжествѣ, повыгнавъ оттуда князей—своихъ родственниковъ. Остальныя области сѣверо-восточной Руси, слишкомъ слабыя сравнительно съ Москвой вынуждены были стать въ зависимыя къ ней отношенія. Такъ, *Рязанскій* князь предъ смертію самъ отдалъ Василию II въ опеку своего малолѣтняго сына. Василий перевезъ его въ Москву, а въ Рязань послалъ для управленія своихъ намѣстниковъ. *Тверской* князь заискивалъ у Василя и выдалъ дочь свою за старшаго сына московскаго князя. *Новгородъ*, вздумавшій было оказать помощь Шемякѣ, едва не лишился своей самостоятельности, заплатилъ Василию огромный откупъ,

отказался отъ права раздавать вѣчевыя грамоты безъ участія великаго князя и обязался не принимать никого изъ враждебныхъ ему князей. Во *Псковъ* власть Москвы утвердилась еще болѣе: онъ сталъ принимать себѣ князьями намѣстниковъ московскаго князя.

Преобладаніе Москвы въ вѣсѣ восточной Руси было теперь совершенно обезпечено, тѣмъ болѣе, что Золотая Орда во время княженія Василия II совсѣмъ ослабѣла: отъ нея отдѣлились два враждебныхъ ей ханства—Казанское и Крымское.

Дѣла церковныя Въ развитіи московскаго единопольскаго митрополита самымъ виднымъ сотрудникомъ Василия Темнаго былъ митрополитъ *Иона*, по своей выдающейся дѣятельности въ этомъ отношеніи напоминавшій свв. Петра и Алексѣя. Со времени его въ Москвѣ стали выбирать митрополита исключительно изъ русскихъ епископовъ. Случилось это такимъ образомъ. Въ 1439 году во Флоренціи собрался духовный соборъ для обсужденія вопроса о соединеніи (уніи) восточной и западной церквей. Императоръ и патріархъ константинопольскіе добивались этой уніи, надѣясь, что съ уничтоженіемъ распри восточной и западной церквей, папа и западные государи помогутъ Византіи въ борьбѣ съ турками. Русскій митрополитъ *Исидоръ* (родомъ изъ грековъ) присутствовалъ на этомъ соборѣ и принялъ унію, согласившись на подчиненіе русской церкви папѣ. *Василій II* велѣлъ его за это, по возвращеніи, посадить подъ стражу и низложить. *Исидоръ* бѣжалъ и умеръ въ Римѣ кардиналомъ. Въ Москвѣ рѣшились болѣе не обращаться за посвященіемъ митрополитовъ къ константинопольскому патріарху. На мѣсто *Исидора* соборомъ русскихъ епископовъ избранъ былъ *рязанскій епископъ Иона*. Русская церковь стала независимою отъ Византіи, и московскіе митрополиты уже не ѣздили болѣе въ Константинополь на посвященіе, тѣмъ болѣе, что вскорѣ (1453) онъ былъ взятъ турками.

Между тѣмъ, литовскіе князья, недовольные дѣятельностью митрополита, жившаго постоянно въ Москвѣ и дѣйствовавшаго въ интересахъ московскаго князя, выхлопотали, незадолго до паденія Византіи, у константинопольскаго патріарха особаго митрополита для *Кіева* (1458). Съ той поры на Руси было два митрополита—московскій и кіевскій.

Послѣднія распоряженія Василия II. *Василій Темный* скончался въ 1462 г., оставивъ великокняжескій престоль своему старшему сыну *Юанну*, котораго еще при жизни своей объявилъ великимъ княземъ и соправителемъ: всѣ грамоты писа-

лись отъ имени двоихъ великихъ князей. Передъ смертію Василій, по старому обычаю, надѣлили удѣлами и младшихъ сыновей, но такъ, что всѣ они вмѣстѣ имѣли гораздо меньше городовъ, чѣмъ старшій Іоаннъ.

Причины возвышенія Москвы. Обозрѣвая ходъ событій, мало-по-малу выдвинувшихъ Москву на первое мѣсто въ ряду другихъ городовъ сѣверо-восточной Руси, можно замѣтить, что возвышеніе города зависѣло отъ положенія Москвы, дѣятельности ея князей и отношенія къ нимъ населенія.

Первоначальное возвышеніе Москвы зависѣло отъ ея выгоднаго географическаго положенія (на перекресткѣ водныхъ торговыхъ путей и въ центрѣ другихъ областей, загоразивавшихъ собою Москву отъ внѣшнихъ враговъ) и особенно отъ дѣятельности князей ея. Унаслѣдовавъ отъ своихъ предковъ, суздальскихъ князей, расчетливость, бережливость, осторожность, умѣнье пользоваться обстоятельствами, они еще болѣе развили эти качества въ той трудовой школѣ, которую прошли, пытаясь устроить свое маленькое княжество. Этими качествами московскіе князья выдѣлялись среди всѣхъ, благодаря этому одержали они верхъ и надъ болѣе ихъ сильными претендентами на великое княженіе—тверскими князьями. Тверь по своему географическому положенію была въ условіяхъ не менѣе благоприятныхъ, чѣмъ Москва, но князья ея постигли своего положенія быстрѣе и легче, чѣмъ московскіе, и въ характерѣ большинства ихъ не доставало терпѣнія и выдержанности, а, наоборотъ, было много отваги и порывистой храбрости—качествъ мало пригодныхъ въ эпоху татарскаго ига. Вопросъ о великомъ княженіи рѣшался теперь не храбростію, ни тѣмъ менѣе—правами старшинства, но ярлыкомъ ханскимъ, который давался наиболѣе выдержанному, наиболѣе щедрому на подарки, князю. Послѣднія качества легче другихъ, благодаря особенностямъ своего положенія, могли усвоить себѣ князья московскіе. Можно сказать даже, что въ этой 2-й школѣ—сношеній съ татарами—доразвились и укрѣпились наслѣдственныя черты ихъ характера и сдѣлались своего рода фамиліной особенностью въ родѣ Калиты, съ поразительнымъ единобразіемъ проявлявшейся почти у всѣхъ, безъ исключенія, князей московскихъ, до Василія III включительно. Благоволеніе хановъ, поручавшихъ московскому князю даже самый сборъ дани съ населенія, создавало «тишину» во владѣніяхъ московскаго князя. Сюда со всѣхъ сторонъ прилиvalo населеніе; съ тѣмъ вмѣстѣ росли доходы и силы князя, а, слѣдовательно—и возможность всегда держать въ своихъ рукахъ ярлыкъ на великое княженіе. Въ Москву устреми-

лись и бояре изъ другихъ удѣльныхъ княжествъ, такъ какъ было почетнѣе да и выгоднѣе служить сильнымъ, чѣмъ слабымъ, князьямъ; не желая, затѣмъ, терять преимуществъ великокняжескихъ бояръ, они усердно поддерживали московскихъ князей въ борьбѣ съ другими за первенство. Другая вліятельная сила въ тогдашнемъ обществѣ — духовенство, издавна стоявшая за единою властью (такъ какъ вмѣстѣ съ единствомъ политическимъ упрочивалось и единство церковное), также прикнуло къ сильнымъ московскимъ князьямъ, отличавшимся своей набожностію и усердіемъ къ церкви, и охотно поддерживало ихъ. Объединеніе Руси подъ ихъ властію соотвѣтствовало и матеріальнымъ интересамъ духовнаго сословія, такъ какъ трудно было охранять во время княжескихъ междоусобицъ церковныя земли, разсѣянныя по разнымъ княжествамъ. Мѣстопробываніе же митрополита въ Москвѣ сдѣлало ее средоточіемъ всей Руси въ церковномъ отношеніи и возвысило ее въ глазахъ народа. Духовная власть явилась могучей нравственной поддержкой власти московскаго князя.

Не мало помогла возвышенію Москвы и та счастливая случайность, что домъ Калиты не былъ многочисленъ; и въ ту пору, какъ кругомъ, у соперниковъ Москвы, господствовали ослаблявшіе ихъ силы, раздоры и дробленіе земель, — въ Москвѣ не было усобицъ въ княжеской семьѣ, и безъ особенныхъ препятствій, само собой, установилось престолонаслѣдіе по прямой линіи, отъ отца къ сыну. Когда же княжеская семья размножилась и возникли усобицы (при Василии II), власть вел. князя успѣла уже окрѣпнуть, а населеніе настолько привыкло къ новому порядку и главное — оцѣнило всѣ выгоды, съ нимъ соединенныя, что энергически противодействовало всѣмъ попыткамъ поколебать его.

Между тѣмъ, какъ Москва возвышалась и крѣпла, стягивая къ себѣ сѣверо-восточную Русь, сила татаръ, безсознательно способствовавшихъ этому объединенію, постепенно падала и уменьшалась. Золотая Орда слабѣла отъ внутреннихъ неурядицъ и распадалась на части. Явилась, такимъ образомъ, возможность стряхнуть иго варваровъ, и во главѣ общенароднаго движенія силою вещей стали князья московскіе. Куликовская битва, соединившая подъ знаменами Москвы всю сѣверную Русь противъ общаго врага, выдвинула московскаго князя на первое мѣсто, въ качествѣ руководителя общаго дѣла. Удачный исходъ ея укрѣпилъ это положеніе. Съ той поры московское княжество изъ удѣла стало превращаться въ національное государство, а московскій князь изъ вотчинника сдѣлался политическимъ объединителемъ всего великорусскаго племени

вынесшаго на плечахъ своихъ тяготу иноземнаго ига и составившаго собою основное ядро русской народности, подъ гегемоніей Москвы. Такъ Москва—о б и р а т е л ь н и ц а Р у с и—явилась и ея освободительницей отъ тяжелой неволи и по праву стала центромъ государства, новой столицей его на смѣну Кіеву (и временно замѣнившему его Владиміру).

Образованіе великорусскаго государства. Іоаннъ III (1462—1505)

Іоаннъ III выросъ среди тяжелыхъ впечатлѣній—въ самый разгаръ борьбы Василія Темнаго съ Шемякой, когда все кругомъ дышало измѣной, злобой и коварствомъ. Онъ видѣлъ затѣмъ торжество своего слѣпота въ упорной борьбѣ съ врагами за великокняжескую власть, и въ юные еще годы сдѣлался его соправителемъ и помощникомъ, съ титуломъ великаго князя; принималъ дѣятельное участіе въ правительственныхъ дѣлахъ и неоднократно сопровождалъ Московскую рать въ походахъ на татаръ. Впечатлѣнія дѣтства въ связи съ ранней опытностію въ дѣлахъ правленія отразились на характерѣ Іоанна и его послѣдующей дѣятельности, какъ правителя. Наслѣдственныя свойства потомковъ Калиты достигли въ его лицѣ наибольшаго своего развитія. Въ высшей степени осторожный и расчетливый, скрытный и недовѣрчивый, онъ тщательно обдумывалъ каждый свой шагъ и никогда не увлекался. Онъ лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ умѣлъ пользоваться обстоятельствами и, хотя медленно, но неуклонно, съ замѣчательной выдержкой и настойчивостію, доводилъ до конца разъ начатое дѣло, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ. Такимъ путемъ ему удалось не только выполнить задачи, намѣченныя дѣятельностію его предшественниковъ, но и пойти далѣе ихъ.

Великій князь Іоаннъ III.

Иоаннъ III почти завершилъ дѣло объединенія сѣверо-восточной Руси, присоединивши къ Москвѣ самыя значительныя ея части—Тверь, большую половину рязанскаго княжества и затѣмъ Новгородъ; такимъ образомъ подъ его властію объединились всѣ области, занятыя великорусскимъ племенемъ—и на сѣверѣ, и на востокѣ. Въ связи съ этимъ, онъ началъ наступательное движеніе на Литву съ цѣлью возвращенія юго-западныхъ русскихъ областей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ окончательно свергнулъ татарское иго и возобновилъ сношенія съ Западной Европой, положивъ тѣмъ начало сближенію Россіи съ Западомъ.

Покореніе Великаго Новгорода подготовлялось постепенно и стояло въ связи какъ съ господствовавшими въ немъ издавна внутренними неурядицами, такъ и съ объединительной дѣятельностью московскихъ князей. Вѣчевое устройство Новгорода порождало постоянные раздоры между гражданами: черные люди враждовали съ боярами, недвольные ихъ преобладаніемъ въ управленіи; боярскія фамиліи ссорились между собою изъ-за общественныхъ должностей; шумныя вѣчевыя сходки кончались зачастую открытымъ междоусобіемъ. При такихъ порядкахъ дошло до того, что Великому Новгороду не повиновались даже его собственныя колоніи: Вятка и Двинская земля стремились къ самостоятельности и часто враждовали съ нимъ; значительнѣйшій изъ пригородовъ—Псковъ добился въ половинѣ XIV в. полной независимости, съ именемъ «младшаго брата» Новгорода.

Между тѣмъ, Москва усиливалась и стремилась наложить свою руку на богатую общину, оборонявшуюся отъ враговъ не оружіемъ, но чаще всего деньгами. Со временъ Калиты рѣдкій изъ московскихъ князей не совершалъ похода на Новгородъ, заставляя его каждый разъ вносить большія суммы за подтвержденіе «старинныхъ вольностей». Съ волостей своихъ новгородцы обязывались, сверхъ того, платить Москвѣ особую ежегодную дань («черный боръ»). При Василіи II, когда явно обозначилось преобладаніе Москвы на сѣверо-востокѣ, «Господину Великому Новгороду» пришлось уже поступиться и нѣкоторыми изъ коренныхъ своихъ «вольностей»: онъ отказался отъ права раздавать вѣчевыя грамоты безъ согласія вел. князя и обязался не принимать никого изъ враждебныхъ ему князей. Новгородцы понимали, что въ ближайшемъ будущемъ имъ грозитъ полная потеря самостоятельности, и искали опоры на сторонѣ, у Литвы, естественной соперницы Москвы. Къ этому и ранѣе стремились многіе новгородцы, особенно изъ боярской партіи, чаявшей сохранить свое пре-

обладаніе и свои привилегіи, при сближеніи съ аристократическимъ польско-литовскимъ государствомъ. Но большинство населенія недружелюбно относилось къ мысли о подданствѣ князьямъ-католикамъ; значительная часть бояръ также тяготѣла къ православной Москвѣ. При Іоаннѣ, однако, въ виду грозившей опасности, литовская партія взяла перевѣсъ; предводителями ея стали богачи *Борекіе*, во главѣ со своею матерью, знаменитой *Марѳой Посадницею* (вдовой посадника), и перетянули вѣче на свою сторону. Къ польско-литовскому королю *Казимиру IV* отправлено было посольство. Новгородцы переходили къ нему въ подданство, а *Казимиръ*, съ своей стороны, обязывался защищать ихъ отъ московскаго князя, охранять православную вѣру и соблюдать старинныя вольности новгородскія; между прочимъ, въ договоръ съ *Казимиромъ* новгородскіе бояре вставили характерное требованіе—чтобы король не принималъ жалобъ на нихъ со стороны смердовъ.

Обнадеженные помощію польскаго короля, новгородцы съ пренебреженіемъ отнеслись къ увѣщаніямъ «одуматься», съ которыми неоднократно обращался къ нимъ хладнокровный и сдержанный *Іоаннъ*, нагрубили и съ безчестіемъ отпустили пословъ его. Тогда посовѣтовавшись съ боярами и духовенствомъ, *Іоаннъ* двинулся на Новгородъ съ большою ратью (1471). Походу былъ приданъ религіозный характеръ: великій князь велѣлъ совершать всюду молебствія, разсылалъ щедрыя милостыни церквамъ и нищимъ; новгородцы объявлены были «измѣнниками православію и отступниками въ латинство». Къ давней розни суздальцевъ съ новгородцами прибавилось, такимъ образомъ, еще религіозное чувство. Къ ополченію примкнули, по требованію *Іоанна*, тверитяне и даже псковичи. Новгородцы спѣшили собрать, какъ можно, больше войска: силою погнали на войну множество плотниковъ, ремесленниковъ и чернорабочихъ, людей, къ бою не привычныхъ; на берегахъ р. *Шелони* это большое, но нестройное ополченіе было на голову разбито московской передовой ратью. Въ числѣ плѣнниковъ попался одинъ изъ сыновей *Марѳы Борецкой*,—*Іоаннъ* велѣлъ казнить его вмѣстѣ съ тремя другими знатными новгородскими боярами.

Между тѣмъ *Казимиръ IV*, занятый своимъ дѣломъ, помощи не прислалъ, московская рать нещадно пустошила землю «измѣнниковъ»; въ довершеніе всего Новгороду грозилъ голодь, такъ какъ прекращень былъ подвозъ хлѣба. Новгородцы упали духомъ; московская партія взяла теперь верхъ надъ литовскою, и къ *Іоанну* отправили пословъ, во главѣ

съ сторонникомъ Москвы, владыкою Теофиломъ, бить челомъ о мирѣ. Великій князь внялъ челобитью Теофила и примирился съ новгородцами. Онъ взялъ съ нихъ только большыя окупы (15.500 р.) и обязательство не передаваться Литвѣ, но вѣчевого устройства не тронулъ, оставивъ въ силѣ только тѣ ограниченія, какія были сдѣланы при Василии II. Съ обычной своей осторожностію, Іоаннъ медлилъ рѣшительнымъ шагомъ, опасаясь вызвать тѣмъ отчаянное сопротивленіе новгородцевъ.

Умѣренность Іоанна умножила число сторонниковъ Москвы, а принадлежавшее вел. князю, право верховнаго суда дало возможность еще болѣе усилить московскую партію. Когда по уходѣ московской рати, въ Новгородѣ опять начались обычные раздоры партій и богачи—сторонники Литвы стали притѣснять своихъ противниковъ, послѣдніе ѣздили съ жалобами въ Москву. Великій князь, наконецъ, самъ пріѣхалъ въ Новгородъ и потребовалъ обвиненныхъ на судъ; судъ былъ по старой формѣ, въ присутствіи владыки и посадника; виновныхъ въ насиліяхъ и обидахъ велѣно было сковать и отправить въ Москву, въ числѣ ихъ оказалось большинство главарей литовской партіи. Обезсиливъ послѣднюю и ближе познакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ Новгородѣ, Іоаннъ рѣшилъ, что пришло время нанести послѣдній ударъ вольной общинѣ, и воспользовался первымъ подходящимъ случаемъ. Разъ въ Москву явились послы отъ вѣча и (безъ вѣдома послѣдняго, вѣроятно—по порученію архіепископа и бояръ, приверженныхъ къ Москвѣ) назвали великаго князя «государемъ» (т.-е. полнымъ властителемъ), а не «господиномъ», какъ звали прежде. Іоаннъ немедленно послалъ спросить новгородцевъ: «Какого хотятъ они государства? Хотятъ ли, чтобы у нихъ былъ одинъ судъ государевъ?» Новгородцы пришли въ страшное волненіе, тутъ же на вѣчѣ изрубили нѣсколько сторонниковъ Москвы и послали сказать, что они не желаютъ ничего новаго, но хотятъ, чтобы все осталось по старинѣ. Но Іоаннъ твердилъ одно: «Я не хотѣлъ у нихъ государства,—сами прислали, а теперь запираются, выставляютъ меня лжецомъ»,—и объявилъ второй походъ на Новгородъ. На этотъ разъ сопротивленія не было и городъ былъ взятъ безъ битвы. На смиренные запросы новгородцевъ Іоаннъ отвѣчалъ: «Хотимъ въ Великомъ Новгородѣ такого же государства, какое у насъ въ Москвѣ; вѣчевому колоколу у васъ не быть и государство все намъ держать». Послѣ долгихъ переговоровъ и попытокъ склонить Іоанна на милость, новгородцы вынуждены были на все согласиться и присягнули Іоанну, какъ

самовластному государю (1478). Вѣчевой колоколь сняли и увезли въ Москву. Туда же отправили и престарѣлую Марѳу Посадницу съ внукомъ и нѣсколькими боярами.

Не прекращавшіяся и послѣ того, волненія въ Новгородѣ и попытки сноситься съ Литвою подавлены были, наконецъ, рѣшительной мѣрой: нѣсколько тысячъ лучшихъ семей новгородскихъ переселены были въ города восточной Россіи, а на ихъ мѣсто переведены дѣти боярскія и купцы изъ московской области. вмѣстѣ съ тѣмъ, по приказу великаго князя похватили ганзейскихъ купцовъ и бросили въ тюрьму, а товары ихъ отобрали въ казну. Торговля съ Ганзой послѣ этого почти прекратилась, что окончательно подорвало значеніе Новгорода.

Вслѣдъ за Новгородомъ покорена была самая значительная изъ его колоній—община Вятская, а равно и другія обширныя владѣнія Новгорода на сѣверѣ Россіи (земли Пермская, Печорская, Югорская).

Присоединеніе Твери и другихъ областей. Послѣ паденія Новгорода Тверь была уже со всѣхъ сторонъ окружена московскими владѣніями, и присоединеніе ея къ Москвѣ было только вопросомъ времени. Послѣдній тверской великій князь Михаилъ Борисовичъ (родственникъ Иоанна по женѣ) думалъ упрочить свое положеніе союзомъ съ Казиміромъ IV и попалъ въ то же положеніе, что и новгородцы. Иоаннъ объявилъ ему войну, Казиміръ помощи не далъ, и Михаилъ бѣжалъ въ Литву, не осмѣливаясь оружіемъ противиться Иоанну, тѣмъ болѣе, что тверскіе бояре, одинъ за другимъ, стали переѣзжать на службу въ Москву. Такимъ образомъ Тверь мирно была присоединена къ Москвѣ (1485), а князья мелкихъ тверскихъ удѣловъ и бояре перешли на службу къ московскому государю.

Точно также безъ кровопролитія Иоаннъ присоединилъ удѣлъ Верейскій, удѣлы всѣхъ своихъ братьевъ и часть Рязанской области, пользуясь для того всякими—важными и не важными—поводами.

Неприсоединенными остались только Псковъ и часть Рязанской области—и то потому, что безусловно повиновались Иоанну. Окончательное присоединеніе ихъ Иоаннъ оставилъ на долю своего преемника.

Сверженіе татарскаго ига. Во время княженія Иоанна III зависимость Руси отъ татаръ существовала больше по имени, чѣмъ въ дѣйствительности и, видимо, приходила къ концу. Расшатываемая внутренними междусобіями и борьбой съ отложившимися отъ нея ханствами—Крымскимъ и Казанскимъ, Золотая Орда не имѣла силъ даже для того,

чтобы настоять на регулярной уплатѣ дани въ опредѣленномъ размѣрѣ, какъ было прежде, и вынуждена была довольствоваться тѣми дарами, какіе давалъ ханскимъ посламъ московскій князь, но не постоянно, а лишь тогда, когда, по обстоятельствамъ, нужно было отклонить татаръ отъ большихъ вторженій. При извѣстной расчетливости и даже скупости Іоанна III, дары эти не могли быть особенно значительны. Наконецъ, *Ахматъ*, послѣдній ханъ Золотой Орды, заручившись союзомъ съ польскимъ королемъ Казиміромъ IV, рѣшительно потребовалъ отъ Іоанна прежней дани и прежнихъ знаковъ покорности, и получилъ не менѣе рѣшительный отказъ. Побуждаемый общимъ народнымъ настроеніемъ, совѣтами своей матери и жены, многихъ бояръ и особенно духовника своего, ростовскаго архіепископа *Вассіана*, Іоаннъ готовился дать открытый отпоръ Ахмату, тѣмъ болѣе, что имѣлъ надежнаго себѣ союзника въ лицѣ заклятаго врага Ахмата—крымскаго хана *Менгли-Гирея*. Сильная московская рать двинута была навстрѣчу Ахмату, который пробирался со своей ордой къ западу чрезъ владѣнія своего союзника—польскаго короля и приблизился къ р. *Угрѣ*, состоявшей границу московской земли.

Оба ополченія стали другъ противъ друга на противоположныхъ берегахъ рѣки, не рѣшаясь пойти въ наступленіе. Ахматъ дожидался помощи отъ Казиміра. Крайне осторожный Іоаннъ опасался дать битву хану и поставить все въ зависимость отъ случайностей военнаго дѣла. Населеніе волновалось, какъ передъ битвой на Куликовомъ полѣ; высшее духовенство и особенно *Вассіанъ* горячо убѣждали Іоанна безъ боязни и колебаній итти навстрѣчу Ахмату. «Зачѣмъ боишься смерти,—говорилъ ему *Вассіанъ*:—вѣдь ты не безсмертенъ; а безъ року нѣтъ смерти ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю; дай мнѣ, старику, войско въ руки и увидимъ, уклоню ли я лицо свое предъ татарами!» Іоаннъ отправился къ войску и завелъ тамъ мирные переговоры съ Ахматомъ. Не получая помощи отъ Казиміра, ханъ былъ радъ такому обороту дѣлъ, но потребовалъ, чтобы самъ великій князь явился къ нему «бить челомъ». Іоаннъ, конечно, отказался. Тогда ханъ предложилъ прислать для переговоровъ сына или брата Іоанна. И на это не согласились. Татары, наконецъ просили прислать для переговоровъ значнаго боярина... Но въ эту пору пришло къ Іоанну посланіе отъ *Вассіана*, и переговоры были совсѣмъ прерваны. Въ сильныхъ, краснорѣчивыхъ выраженіяхъ убѣждалъ *Вассіанъ* своего духовнаго сына «стать на брань противъ безбожнаго Ахмата», напоминая ему примѣры мужества древнихъ русскихъ кня-

зей и особенно Димитрія Донского, приводилъ библейскіе примѣры, горячо увѣщевалъ его не слушаться людей, совѣтовавшихъ избѣгать битвы...

Между тѣмъ наступили морозы. Рѣка Угра стала, татары могли теперь безпрепятственно двинуться на другой берегъ. Іоаннъ велѣлъ войску отступать, чтобы дать битву на болѣе удобномъ мѣстѣ. Но татары, плохо одѣтые, побоялись морозовъ и двинулись назадъ, въ степи (1800). Помощи изъ Литвы они такъ и не получили; союзникъ Іоанна, Менгли-Гирей, напалъ на Литву и отвлекъ тѣмъ войска Казимира отъ соединенія съ Ахматомъ. Въ то же время московскіе отряды вмѣстѣ съ крымскими напали на беззащитный Сарай и разграбили его. Ахматъ спѣшилъ въ свою разоренную столицу, но на пути былъ убитъ однимъ татарскимъ княземъ.

1480 годъ считается послѣднимъ годомъ владычества татаръ надъ русской землей. Двадцать лѣтъ спустя, вѣрный союзникъ Іоанна, Менгли-Гирей, послѣ кровопролитной борьбы съ сыновьями Ахмата, окончательно разгромилъ Кипчакское царство.

Скоро и Казань утратила свою независимость. Воспользовавшись начавшимися тамъ усобицами, Іоаннъ помогъ хану Мегметъ-Аминю въ борьбѣ съ братомъ; въ благодарность за это Мегметъ-Аминь, утвердившись на престолѣ, призналъ себя подручникомъ московскаго князя.

Борьба съ Литвой. Іоаннъ III первый изъ московскихъ князей начинаетъ наступательное движеніе на Литву, съ цѣлью возвращенія отошедшихъ къ ней западно-русскихъ областей. Онъ сталъ называть себя «государемъ всея Руси» и высказывалъ мысль, что всѣ западныя русскія области съ православнымъ населеніемъ должны принадлежать ему, какъ потомку св. Владиміра и православному государю, а не иновѣрному польско-литовскому королю.

Въ свою очередь, населеніе западно-русскихъ областей, видимо, все болѣе и болѣе начинаетъ тяготиться зависимостью

Вел. кн. Іоаннъ III и ханскіе послы.

отъ католическихъ властей; при Іоаниѣ многіе изъ мелкихъ пограничныхъ князей Чернигово-Сѣверской области перешли со своими городами изъ литовскаго подданства въ московское. Послѣдовавшая затѣмъ, война съ Москвою была крайне неудачна для Литвы: московскій воевода Даниилъ Щеня, благодаря умѣло устроенной засадѣ, разбилъ на-голову литовское войско (при Дорогобужѣ), при чемъ попалъ въ плѣнъ и самъ начальникъ литовскаго войска (гетманъ Консантинъ Острожскій). Литва вынуждена была уступить Москвѣ всѣ отложившіяся отъ нея земли Сѣверской области. Литовцы пробовали уговорить Іоанна заключить «вѣчный миръ» съ Польшей, но тотъ не согласился, и открыто заявилъ, что будетъ добывать отъ Литвы древнія русскія земли, захваченныя ею. «Хотите вѣчнаго мира,—сказалъ онъ,—отдайте Смоленскъ и Кіевъ».

Братъ съ Софьей Палеологъ. Весьма важнымъ событіемъ по своимъ послѣдствіямъ была женитьба Іоанна III на греческой царевнѣ. Послѣ паденія Константинополя въ 1453 г. братъ послѣдняго Византійскаго императора Ѳома Палеологъ нашель себѣ убѣжище при папскомъ дворѣ. Папы покровительствовали Палеологамъ, памятуя Флорентійскую унію. Ѳома умеръ въ Римѣ, оставивъ дочь Софью. Папа искалъ ей супруга и, по совѣту одного изъ греческихъ митрополитовъ, приставшихъ къ Флорентійской уніи, предложилъ руку Софьи великому князю Московскому, незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшему. Папа надѣялся при посредствѣ Софьи снова завести съ Москвою переговоры о соединеніи церквей. Въ Москвѣ, въ свою очередь, были польщены предложеніемъ невѣсты изъ такой знатной царственной фамиліи.

Софья пріѣхала въ Москву и обвѣнчалась съ Іоанномъ. Прибывшій вмѣстѣ съ нею, папскій легатъ (кардиналъ Антоній) пробовалъ вести въ Москвѣ переговоры о соединеніи церквей, но никакого успѣха не имѣлъ. Софья, съ своей стороны, и не думала содѣйствовать видамъ папы, ея дѣятельность обращена была на другое. Племянницѣ греческаго императора, знакомой съ пышностью и величіемъ византійскаго двора и съ порядками жизни на Западѣ, не нравилась простота, которая господствовала въ образѣ жизни московскихъ князей, въ ихъ отношеніяхъ къ боярамъ, и Софья стала побуждать своего супруга окружить себя большой пышностью и величіемъ на византійскій лады. Въ связи со всѣмъ этимъ измѣняются постепенно обычаи и внѣшняя обстановка великокняжескаго двора въ Москвѣ. При дворѣ великаго князя, подобно Византіи,

заводится пышный церемоніаль, являются особые придворные чины (конюшій, постельничій и др.); доступъ къ великому князю сталъ труднѣе, обращеніе съ подданными суровѣе и властнѣе, чѣмъ прежде. Измѣнилось и положеніе боярскаго сословія. Великій князь сталъ жаловать въ бояре за заслуги, — требовалъ отъ нихъ строго-почтительнаго отношенія къ своей особѣ и подѣ конецъ княженія почти пересталъ съ ними соѣтоваться.

Московскіе бояре, среди которыхъ было не мало потомковъ удѣльныхъ князей — Рюриковичей и Гедиминичей, были крайне недовольны такой переменой и, считая главной виновницей всего Софью, сильно ее не взлюбили. Это, между прочимъ, сказалося въ вопросѣ о престолонаслѣдіи. Старшій сынъ великаго князя отъ перваго брака, Іоаннъ Молодой, уже объявленный наслѣдникомъ престола, умеръ еще при жизни отца (1490), оставивъ сына Димитрія. Возникъ вопросъ, кому теперь быть наслѣдникомъ престола: внуку Іоанна Димитрію или другому сыну вел. князя — отъ Софьи, Василию? Бояре приняли сторону Димитрія, а Софью настолько успѣли очернить предъ государемъ, что онъ удалил ее отъ двора. Димитрія торжественно вѣнчали на великое княженіе въ Успенскомъ соборѣ по особому чину, заимствованному изъ Византіи. Но вскорѣ происки бояръ обнаружались и главнѣйшіе изъ противниковъ Софьи жестоко поплатились за свои козни: одному (князю Ряполовскому) отрубили голову, двоихъ (князей Патрикѣевыхъ) постригли въ монахи. Софья съ сыномъ была возвращена, и наслѣдникомъ объявленъ Василій Іоанновичъ, а Димитрія заключили подѣ стражу.

Сношенія съ Западной Европой. При Іоаннѣ III Московская Русь, какъ самостоятельное и притомъ значительное по своимъ размѣрамъ и силѣ государство, возобновляетъ (прерванныя татарщиной) сношенія съ Западной Европой. При этомъ преслѣдовались какъ политическія цѣли — присканіе союзниковъ для борьбы съ общими врагами и т. п., такъ и особенно практическія — стремленіе стать въ уровень съ другими въ военномъ дѣлѣ, въ устройствѣ и украшеніи городовъ, въ развитіи ремесель и промысловъ и т. д. Западные государства охотно шли навстрѣчу этимъ стремленіямъ и сами искали сближенія съ сильнымъ московскимъ государемъ, преслѣдуя, разумѣется, свои политическіе и торговые интересы.

Такъ начались при Іоаннѣ дипломатическія «пересылки» съ Даніею — ради борьбы съ Швеціей, съ Венгріей и Германіей изъ-за польскихъ дѣлъ, съ Венеціей, куда

Успенскій соборъ въ Москвѣ.

Юаннъ посылалъ пословъ для нужныхъ ему мастеровъ, и особенно съ Италией, въ которой тогда настала эпоха Возрожденія наукъ и искусствъ и которая славилась своими художниками и мастерами. Наибольшую извѣстность между ними получилъ у насъ Аристотель Фіоравенти, строитель главной московской святыни—Успенскаго собора, на мѣстѣ обветшавшаго собора, выстроеннаго при Калитѣ (Аристотелю платили большую по тому времени сумму — 10 руб. въ мѣсяць).

Въ то же время построены были каменные соборы—Архангельскій (служившій усыпальницей государей Москвы) и Благовѣщенскій (имѣвшій значеніе домовою церкви вел. князя). Для торжественныхъ собраній и приемовъ, выстроено было особое зданіе, такъ называемая «Грановитая палата». Кремль былъ обведенъ вновь каменной стѣной съ красивыми воротами и башнями. Для себя Юаннъ III отстроилъ каменный дворецъ; подражая ему, митрополитъ и нѣкоторые бояре также выстроили себѣ каменные дома. Кромѣ зодчихъ, изъ Зап. Европы выписано не мало и другихъ «хитрыхъ мастеровъ», которые лили пушки, открыли серебряную руду въ Печорскомъ краѣ, чеканили монету изъ русскаго сере-

Архангельскій соборъ.

бра и проч. Принятыя Иоанномъ на службу нѣмцы и литовцы, свѣдущіе въ ратномъ дѣлѣ, учили русскихъ иноземному строю; при этомъ впервые была заведена артиллерія (итальянецъ Дебосисъ въ 1482 г. слилъ знаменитую «царь-пушку», которая и теперь изумляетъ своею огромностью).

Изданіе Судебника.

Однимъ изъ наиболее важныхъ актовъ правительственной дѣятельности Иоанна III явилось изданіе **судебника** (1497) года съ правилами суда и судопроизводства, взамѣнъ «Русской Правды», которая считалась

Благовѣщенскій соборъ.

уже несоотвѣтствовавшей потребностямъ времени. И ранѣе съ тою же цѣлью въ разныхъ областяхъ издавались князьями особые судебные уставы и грамоты въ руководство княжамъ и намѣстникамъ. Съ объединеніемъ же сѣверо-восточной Руси было необходимо отмѣнить областныя отличія и ввести всюду одинаковыя правила судопроизводства. Въ этихъ видахъ, по порученію Иоанна, и составленъ былъ дьякомъ Гусевымъ новый сводъ судебныхъ законовъ изъ судебныхъ уставовъ и грамотъ прежнихъ князей.

Местъ и самоуправство, которыя допускались въ «Русской Правдѣ», въ Судебникѣ уже не встрѣчаются: судъ и расправу правительство теперь беретъ исключительно на себя. Взиманіе штрафовъ въ качествѣ наказанія, установленное «Русской Правдой», считается недостаточнымъ для дѣлъ уголовныхъ: теперь вводятся пытки, тѣлесныя казни и смертная казнь—въ чемъ отразилось, очевидно вліяніе татарскаго владычества и связаннаго съ нимъ огрубленія нравовъ. Въ запутанныхъ дѣлахъ тяжущимся предоставлялось иногда рѣшать ихъ споръ «по лемъ», т.-е. судебнымъ поединкомъ. Бойцы, одѣвъ броню, бились, обыкновенно, дубинами (ослопами) въ присутствіи судей, при чемъ судебные

лыми обличеніями достигъ того, что митрополить Зосима вынужденъ былъ оставить каѳедру. Съ согласія Іоанна, созванъ былъ духовный соборъ, на которомъ ересь была осуждена, главари ея были сожжены, а второстепенные руководители заключены въ тюрьму. Заслуживаетъ вниманія, что знаменитый подвижникъ того времени Ниль Сорскій (названный такъ по обители его на р. Сорѣ, въ 15 верстахъ отъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря), вмѣстѣ со многими старцами заволжскихъ монастырей отстаивалъ мнѣніе, что церковь должна бороться съ еретиками лишь духовными средствами, увѣщаніемъ, мѣрами кротости. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что на Западѣ не только въ эту пору, но и гораздо позже не только католики, но и реформаты прибѣгали къ кострамъ.

На томъ же соборѣ поднять былъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть вотчинами. Ниль Сорскій горячо возставалъ противъ этого, доказывая, что монастырямъ владѣть вотчинами не слѣдуетъ, такъ какъ онѣ отвлекаютъ иноковъ отъ монашескихъ обѣтовъ и обременяютъ мірскими заботами. Но Іосифъ Санинъ и большинство епископовъ отстаивали право монастырей на владѣніе имѣніями, указывая на то, что монастыри своими богатствами помогаютъ бѣднымъ (во время голода въ монастырѣ Іосифа кормилось до 500 чел.) и что только при этихъ условіяхъ въ монастыри могутъ поступать люди знатнаго происхожденія, лица занимавшіяся «книжнымъ дѣломъ», готовившіяся къ принятію архіерейскаго сана и пр. (монастыри въ ту пору были единственными пріютами грамотности).

Завѣщаніе Іоанна III. Умирая, Іоаннъ завѣщалъ старшему сыну Василию великое княженіе, съ наиболѣе значительными городами. По старому обычаю и остальные четыре сына его также получили разные города во владѣніе, но всѣ ихъ удѣлы, вмѣстѣ взятые, не равнялись и половинѣ земель великаго князя. Младшіе братья обязались присягой повиноваться старшему; они не имѣли права въ удѣлахъ судить уголовныя дѣла, чеканить монету и сноситься съ иностранными государями. Если бы кто изъ нихъ умеръ бездѣтнымъ—удѣлъ его долженъ наследовать старшій. Мало того, младшіе братья обѣщались, въ случаѣ смерти Василія, признать великимъ княземъ и подчиниться его будущему сыну, своему племяннику. Такимъ образомъ предупреждались всякія попытки нарушить престолонаслѣдіе по прямой линіи и устранялась опасность для самодержавія преемниковъ Іоанна III.

Значеніе дѣятельности Іоанна III—въ томъ прежде всего, что онъ не опустилъ изъ вниманія всѣхъ благопріятныхъ Московскому государству явленій: онъ не торопилъ событій; скорѣе даже, по своей обычной осторожности, замедлялъ ихъ—такъ, напр., Новгородъ онъ взялъ въ два приѣма; но онъ не пропустилъ ни одного удобнаго случая и дѣлалъ свое дѣло медленно, прочно и вѣрно. Его спокойная политика принесла крупный результатъ—при немъ совершилось объединеніе всего великорусскаго племени, подъ державой московскаго князя. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ естественное послѣдствіе этого движенія, наносится послѣдній ударъ слабѣвшей Ордѣ; окончательно свергается монгольское иго и Московское княжество становится самостоятельнымъ, *національнымъ* великорусскимъ *государствомъ*. Сознаніе своей силы и самостоятельности, какъ независимаго владѣтеля въ ряду другихъ государей, сосѣдей Москвы, невольно вывело мысль Іоанна и окружающихъ его лицъ, изъ тѣснаго круга мѣстныхъ заботъ и интересовъ за предѣлы Московскаго княжества, гдѣ тоже были русскіе люди, но только подъ властію чуждыхъ имъ по вѣрѣ и происхожденію государей пробудили, заглохнувшую въ удѣльный періодъ, въ умахъ князей мысль о Русской землѣ, какъ единомъ цѣломъ, о древней колыбели русскаго народа—Кіевѣ, о старинныхъ русскихъ областяхъ на Западѣ, поповшихъ подъ вліяніе католицизма и т. д. Этимъ опредѣляется, между прочимъ, характеръ отношеній Іоанна III къ Литвѣ, его сношенія съ Зап. Европой и пр. Въ данномъ случаѣ, да и во многихъ другихъ, Іоаннъ III не вызывалъ и не двигалъ событій,—можно бы сказать, что они его двигали; онъ шелъ тихо, но увѣренно и ровно, не сбиваясь съ пути, и зашелъ далѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ.

Василій III (1505—1533).

Василій III продолжалъ политику отца, Іоанна III, какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ: онъ еще болѣе усилилъ самодержавную власть великаго князя, присоединилъ къ Москвѣ послѣдніе удѣлы, сохранявшіе еще нѣкоторую независимость,—Псковъ, Рязань и Сѣверское княжество (за что и носить въ исторіи названіе «послѣдняго собирателя Русской земли») старался увеличить предѣлы государства со стороны Литвы, послѣ борьбы съ которой захватилъ въ свои руки Смоленскъ. По личному характеру онъ сильно напоминалъ своего отца, хотя и уступалъ ему дарованіями.

Самодержавіе при Василии III еще болѣе усилилось. Отецъ его, все-таки, по временамъ совѣтовался съ боярами, допускалъ иногда и противорѣчія себѣ; Василий совсѣмъ пересталъ съ ними совѣтоваться, а «встрѣчи» (противорѣчія) не терпѣлъ и вообще не довѣрялъ боярамъ. Онъ окружилъ себя людьми незнатными—дьяками, которыхъ привязывалъ къ себѣ разными милостями и въ которыхъ могъ встрѣтить себѣ лишь полнѣйшую покорность. Онъ только для вида отдавалъ дѣла на обсужденіе боярской думы, а рѣшалъ по-своему, совѣтуясь съ своимъ любимцемъ—дворецкимъ (Шигоной Поджогинымъ) и однимъ изъ приближенныхъ дьяковъ. Съ лицами, недовольными такими порядками, Василий III расправлялся сурово: боярину Берсеню, который осмѣлился жаловаться на то, что великій князь рѣшаетъ всѣ дѣла, «запершишь самъ-третей», отрубили голову; князь Холмскій, женатый на сестрѣ государя, за «высокоумничанье» попалъ въ тюрьму; митрополитъ Варлаамъ, не одобрявшій поступковъ Василия и печаловавшійся за опальныхъ бояръ, лишился своего сана и заточенъ въ монастырь. Впрочемъ, вообще казней при немъ было мало; онъ предпочиталъ брать съ бояръ, подозрѣваемыхъ въ намѣреніи отѣхать въ Литву, поручныя расписки въ вѣрности; въ случаѣ попытокъ отѣхать—налагалъ большіе штрафы и кромѣ того сдавалъ виновнаго подъ денежное поручительство другимъ боярамъ.

У братьевъ своихъ Василий не отнималъ удѣловъ, но учредилъ за ними строгій надзоръ и держалъ въ строгомъ повиновеніи. Племянникъ его (и соперникъ по престолу) Димитрій, заключенный подъ стражу еще Іоанномъ III, такъ и умеръ въ тюрьмѣ. Вообще сила и значеніе вел. князя Московскаго, имѣвшаго полную власть надъ жизнью и имуществомъ всѣхъ своихъ подданныхъ—какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ—стояла теперь такъ высоко, что баронъ Гербенштейнъ, бывшій въ Москвѣ посломъ отъ германскаго императора, въ своихъ лю-

Василій III.

бопытныхъ запискахъ о Московіи выразился такъ: «властію надъ своими подданными московскій государь превосходитъ едва ли не всѣхъ монарховъ въ мірѣ».

Послѣдніе удѣлы. Псковъ, Рязань и Сѣверское княжество Василій III присоединилъ къ Москвѣ не только безъ войны, но и безъ всякаго почти сопротивленія: имъ уже не подъ силу было бороться съ московскимъ княземъ.

По поводу ссоры Псковичей съ однимъ изъ намѣстниковъ (княземъ Репня-Оболенскимъ) Василій III пріѣхалъ въ Новгородъ. «Копитесь, копитесь, жалобщики,—провозглашали псковичамъ бояре вел. князя:—всѣмъ управу дадутъ». И въ Новгородѣ съѣхались почти всѣ знатнѣйшіе псковичи. «Поимани есте Богомъ и государемъ великимъ княземъ всея Руси»,—заявили имъ теперь бояре Василя III, и всѣхъ задержали. Въ Псковъ, вслѣдъ затѣмъ, прибылъ дьякъ и отъ имени великаго князя предъявилъ требованіе объ уничтоженіи вѣча и всѣхъ старыхъ порядковъ. Лишившись своихъ главарей, псковичи сильно упали духомъ; по словамъ лѣтописи, они проплакали о своей вѣчевой свободѣ цѣлыя сутки, которые просили на размышленіе, и, наконецъ, объявили, что не хотятъ поднимать рукъ на государя и во всемъ ему повинуются. Вѣчевой колоколъ былъ снятъ и увезенъ изъ Пскова, до 300 богатыхъ псковскихъ семействъ перевезены въ Москву, а на ихъ мѣсто переселено столько же купеческихъ семействъ изъ московскихъ городовъ.

Вскорѣ безъ борьбы присоединена была и Рязань. Съ рязанцами, которые отличались смѣлымъ, непокойнымъ характеромъ, было поступлено такъ же, какъ и съ новгородцами и псковичами: многія семьи помѣщиковъ выселены въ Москву, а ихъ помѣстья розданы москвичамъ.

Присоединеніе Новгородъ-Северскаго удѣла было послѣднимъ шагомъ въ дѣлѣ уничтоженія удѣльной системы, принесшей столько зла Русской землѣ и породившей массу нестроений. Московскій князь сдѣлался теперь единодержавнымъ властителемъ всей сѣверо-восточной Руси.

Борьба съ Литвой. Съ самаго начала княженія у Василя III шли пререканія съ Литвою. Польско-литовскій король Сигизмундъ I даже потребовалъ у Василя Іоанновича возврата земель, захваченныхъ у Литвы его отцомъ. Послѣдовавшая затѣмъ борьба Москвы съ Литвою кончилась удачно для Василя: онъ захватилъ въ свои руки Смоленскъ.

Въ войнѣ съ Литвой важныя услуги оказаль Василю одинъ западно-русскій вельможа, князь Михаилъ Глинскій. Онъ былъ любимцемъ покойнаго короля Александра, и, какъ человекъ весьма по тому времени образованный, пробывшій долгое время за границей и искусный въ дѣлѣ ратномъ, имѣлъ громадное вліяніе на короля. Завистники Глинскаго сумѣли уронить его въ глазахъ новаго короля. Гордый вельможа поклялся отомстить и вступилъ въ тайныя сношенія съ Василюемъ III. Глинскій побудилъ его на войну съ Литвой въ неудобное для послѣдней время, направлялъ дѣйствія московскихъ войскъ и волновалъ Западную Русь, гдѣ у него была масса сторонниковъ.

Война закончилась перемиріемъ, по которому Смоленскъ, болѣе ста лѣтъ находившійся подъ властію Литвы, остался за Москвою.

Борьба съ татарами. Много хлопотъ надѣлала также Василюю борьба съ татарами. Властвовавшіе въ Крыму, сыновья Менгли-Гирея, вѣрнаго союзника Іоанна III, не слѣдовали примѣру отца. Не опасаясь остатковъ разсѣянной Золотой Орды, не тревожимые Турціей, Гиреи не боялись теперь нападать и на Московскія владѣнія. Крымцы вошли въ сношенія съ казанцами, неожиданно сдѣлали набѣгъ на московскія владѣнія, страшно опустошили ихъ и пробрались къ самой Москвѣ. Василій уѣхалъ на сѣверъ собирать войско, и хищники поспѣшили уйти, уводя съ собою огромное количество плѣнныхъ.

Собравшись съ силами, Василій Іоанновичъ вскорѣ отместилъ казанцамъ, разорилъ ихъ землю и посадилъ тамъ ханомъ своего подручника (касимовскаго царевича Еналея).

Что касается крымцевъ, то отражать каждый разъ силою неожиданные летучіе набѣги хищниковъ пока не представлялось возможности. Приходилось задабривать разбойничьи орды ежегодными «поминками» (подарками), чтобы онѣ оставляли въ покоѣ русскія области. Но и это плохо помогало: то подарковъ имъ казалось мало, а то они брали такія же «поминки» съ Польши съ обязательствомъ напасть на русскіе предѣлы. Иногда же, взявъ деньги съ той и другой стороны, крымцы грабили поочередно и Москву, и Литву, пользуясь ихъ взаимною враждою.

Семейныя дѣла. Василій III женился еще при жизни отца на дочери незнатнаго дворянина Соломоніи Сабуровой, выбранной за красоту. По совѣту одного грека, ссылавшагося на примѣры византійскихъ императоровъ, Іоаннъ III собралъ въ Москву до 1500 красивѣйшихъ дѣвицъ на смотръ. Изъ

нихъ и была выбрана Соломонія. Этотъ обычай выбора супруги вел. князю утвердился потомъ на Руси. Болѣе двадцати лѣтъ прожилъ онъ съ женою, но, къ великому огорченію Василя, дѣтей у нихъ не было. Опасаясь, что послѣ его смерти престолъ перейдетъ къ какому-либо изъ братьевъ, которыхъ онъ считалъ неспособными къ управленію, Василій, съ разрѣшенія митрополита Данила, во всемъ согласовавшись съ видами вел. князя, рѣшился развестись съ Соломоніей, заключилъ ее въ монастырь и женился на племянницѣ извѣстнаго польско-литовскаго выходца Михаила Глинскаго — Еленѣ. Подъ вліяніемъ молодой супруги, воспитанной на Западѣ, вел. князь сталъ усваивать нѣкоторые иноземные обычаи и даже сбрилъ себѣ бороду, къ великому недовольству ревнителей старины.

Переходъ удѣльнаго быта въ государственный. Іоаннъ III и Василій III являются послѣдними «собирателями Руси». При нихъ завершилось объединеніе всего великорусскаго племени подъ державой московскаго князя. Границы московскаго княжества совпадаютъ теперь съ предѣлами великорусской народности. Уже ранѣе, еще при Дмитріи Донскомъ, жители разныхъ великорусскихъ областей, несмотря на удѣльную рознь князей, сознавали себя единымъ народомъ, что и сказалось общими дѣйствіями населенія разныхъ княжествъ на Куликовомъ полѣ. Теперь національное самосознаніе великоруссовъ нашло себѣ внѣшнее выраженіе этого единства всѣ: княжества сливаются съ Москвою, образуя съ нею одно цѣлое. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ естественное послѣдствіе этого движенія, наносится послѣдній ударъ слабѣвшей Ордѣ, окончательно свергается монгольское иго, и московское княжество становится самостоятельнымъ національнымъ великорусскимъ государствомъ. И если раньше Московскіе князья, дѣлая свои пріобрѣтенія, или, какъ тогда выражались «примыслы», смотрѣли на себя, какъ на удѣльныхъ собственниковъ своихъ земель, какъ на владѣльцевъ своихъ «вотчинъ» (достояніе отцовъ), то теперь, когда ходомъ событій потомки Калиты стали во главѣ народнаго объединенія, собрали вокругъ себя всю сѣверную Русь, они получили уже значеніе вождей цѣлаго народа, государей въ общепризнанномъ значеніи этого слова. Московскому государю приходится ступать въ тѣ или иныя отношенія уже не съ удѣльными князьями, а съ иноземными государями. Этимъ опредѣляется, между прочимъ, характеръ отношеній Іоанна III и Василя III къ Литвѣ, начавшіяся при Іоаннѣ III сношенія съ Западной Европой и

др. Московскіе государи стали держать себя величественно и властно и не во внутреннихъ только, но и во ви́шнихъ отношеніяхъ. Между прочимъ, Іоаннъ III началъ титуловаться *ц а р е м ь* (цезарь), считая себя какъ бы наслѣдникомъ византійскихъ императоровъ. На великокняжескихъ печатяхъ при Іоаннѣ къ прежнему московскому гербу — изображенію св. Георгія Побѣдоносца, поражающаго дракона — присоединяется теперь византійскій гербъ — двуглавый орелъ. Съ паденіемъ Константинополя (1453 г.) на Востокъ не осталось ни одного независимаго православнаго государства, и въ глазахъ русскихъ людей Москва являлась теперь единственной защитницей православія и преемницей завѣтовъ Византіи. Величавую мысль о всемірной роли Москвы, ставшую тогда общимъ достояніемъ, книжники того времени выразили даже въ особой оригинальной формѣ: «Два Рима пали» (вторымъ Римомъ называли Константинополь), писалъ псковскій инокъ Филоеѣй, «третій Римъ (Москва) стоитъ, а четвертому не бывать!»

Измѣненія въ положеніи бояръ. Въ княженіе Іоанна III и Василия III, съ переходомъ удѣльнаго быта въ государственный, вслѣдствіе политическаго объединенія Великороссіи, измѣнились составъ и настроеніе боярства и произошли существенныя перемѣны въ его отношеніяхъ къ великому князю, сравнительно съ прежнимъ временемъ. Въ удѣльный періодъ бояре ѣхали въ Москву съ разныхъ сторонъ и отъ другихъ князей за служебными выгодами. И чѣмъ богаче становился московскій князь, тѣмъ лучше было и его слугамъ — боярамъ. Поэтому-то они такъ усердно и содѣйствовали присоединенію другихъ удѣловъ къ Москвѣ. Въ свою очередь московскіе князья привыкли опираться на бояръ, видѣли въ нихъ главныхъ своихъ помощниковъ. Въ своихъ завѣщаніяхъ князья, даже такіе, какъ Симеонъ Гордый, совѣтуютъ сыновьямъ опираться на старыхъ бояръ, во всемъ ихъ слушаться, вспоминаютъ о ихъ дѣятельности съ теплымъ чувствомъ. Стремленія и интересы обѣихъ сторонъ видимо совпадали.

Послѣ объединенія всѣхъ удѣловъ подъ властію Москвы это единство нарушилось. Въ Москву тогда явились на службу сами удѣльные князья въ качествѣ новыхъ бояръ московскаго князя, явились уже не за выгодами, а съ сожалѣніемъ объ утраченныхъ выгодахъ. Изъ хозяевъ они теперь превратились въ слугъ. Памятуя свое прежнее положеніе, новые князья-бояре, бывшіе Рюриковичи и Гедиминоичи («княжата» какъ ихъ звали по Москвѣ), потребовали себѣ и получили по своему «отечеству», т.-е. происхожденію, первыя мѣста, да и на послѣдующее время, въ лицѣ своихъ потомковъ, заявляли

права на первенство предъ другими старослужилыми боярами, заслонили ихъ собой предъ великимъ княземъ. Постепенно развился порядокъ замѣщенія крупныхъ и наиболѣе вліятельныхъ должностей не по заслугамъ, а по происхожденію, по родовитости бояръ (мѣстничество). Порядокъ этотъ породилъ нескончаемыя распри въ средѣ боярства, раздоры между верхнимъ и нижнимъ его слоями и непримиримыя фамилійныя распри въ средѣ и самого высшаго боярства. Это ослабило его силу и вліяніе въ ту пору, какъ власть великаго князя и въ сознаніи народномъ—и въ сознаніи самихъ носителей этой власти все болѣе и болѣе усиливалась. Это безсиліе знатнаго боярства во всѣхъ отношеніяхъ ярко и наглядно сказалось послѣ смерти Василія III, въ малолѣтство его сына и преемника Іоанна IV, во время десятилѣтняго «правленія бояръ».

Вмѣстѣ съ измѣненіями въ положеніи бояръ, съ переходомъ удѣльнаго быта въ государственный, происходятъ перемѣны и въ быту остального населенія. Въ удѣльное время только князья, хозяева удѣловъ, сидѣли неподвижно въ своихъ владѣніяхъ. Остальное населеніе по прежнему свободно переходило съ мѣста на мѣсто, смотря по тому, куда увлекалъ его потокъ колонизаціи въ поискахъ болѣе удобной для обработки земли, или лучшихъ условій службы. Постоянный «дворъ» удѣльныхъ князей (на смѣну прежней «дружины») составлялся изъ лицъ, вступавшихъ къ нимъ на вольную службу по договору (бояре и «слуги вольные») и затѣмъ изъ купленныхъ рабовъ или принявшихъ «кабалу», т.-е. записавшихся въ пожизненные холопы, смердовъ (холопы и «люди»). Бояре помогали князю въ управленіи, «люди» и холопы составляли княжескую рать и рабочихъ на его пашняхъ и промыслахъ. Остальные свободные хлѣбопашцы смерды, получившіе въ XIV в. названіе крестьянъ («христіанъ»), жившіе на землѣ князя или на частныхъ боярскихъ земляхъ, вносили, по общей разверсткѣ «міромъ», князю извѣстный податной окладъ («тянули тягло») или платили боярину за землю работой или хлѣбомъ. Но они вольны были уходить къ другому князю или на земли другихъ бояръ по окончаніи условленныхъ у землевладѣльца полевыхъ работъ (чаще всего, по установившемуся съ теченіемъ времени обычаю, послѣ «Юрьева дня»—26 ноября).

Свободное распоряженіе бояръ своей службой у князя и вотчинами и передвиженія крестьянъ съ мѣста на мѣсто, съ переходомъ удѣльнаго быта въ государственный, стали встрѣчать препятствія и стѣсненія. Еще ранѣе московскіе князья ста-

рались ограничивать право вольныхъ слугъ и бояръ, соединять личную службу другому удѣльному князю съ землевладѣніемъ въ московскомъ княжествѣ. Съ объединеніемъ великорусскихъ княжествъ подъ властью Москвы право это само собой отпало. Мало того, московскіе князья стали теперь запрещать боярамъ продавать вотчины безъ особаго разрѣшенія; съ усложненіемъ внѣшнихъ отношеній страны, всѣ землевладѣльцы обязаны были участвовать въ защитѣ государства, являться на войну «конны, людны и оружны», съ достаточнымъ количествомъ ратныхъ людей, коней и оружія. Чтобы имѣть побольше войска и въ награду за ратную службу военно-служилымъ людямъ своего двора, князь сталъ давать имъ податныя (или, такъ называемыя, «черныя») земли во временное, пожизненное владѣніе, съ обязанностью являться по первому зову на защиту страны отъ внѣшнихъ враговъ. Въ отличіе отъ вотчинъ—наслѣдственныхъ владѣній, такія земли стали называться по мѣстьямъ. Особенно много такихъ помѣстій къ XVI в. роздано было въ пограничныхъ мѣстностяхъ, которымъ грозила большая опасность отъ нападений извнѣ.

Кромѣ помѣстій, служилымъ людямъ, особенно во время призыва на войну, давали иногда и жалованье—деньгами, а тѣмъ изъ нихъ, которые посылались намѣстниками и волостелями, предоставляли «кормленіе» т.е. право получать съ опекаемаго ими населенія того или другого города или волости «кормы» (или дары) припасами или деньгами въ извѣстные опредѣленные сроки (напр., къ большимъ праздникамъ), а также особую плату за отправленіе суда (судебныя «пошлины»). Порядокъ раздачи городовъ и волостей въ кормленіе, допускавшійся по мѣстамъ и въ удѣльное время, теперь сталъ повсемѣстнымъ обычаемъ и тяготилъ населеніе, что и вызвало при преемникѣ Василю III—Юаннѣ IV попытку его отмѣны.

Въ свою очередь, помѣстная система имѣла послѣдствіемъ большую зависимость крестьянъ отъ землевладѣльцевъ. Работа крестьянъ на помѣщика за землю давала послѣднему средства, для исправнаго исполненія ратной службы. Чѣмъ больше было крестьянъ у помѣщика и чѣмъ правильнѣе шла ихъ работа, тѣмъ исправнѣе могъ быть и помѣщикъ въ своихъ обязанностяхъ предъ государствомъ. Въ виду этого постоянныя передвиженія крестьянъ, а тѣмъ болѣе уходъ ихъ съ земли того или другого помѣщика были одинаково невыгодными и для помѣщика, и для правительства. Отсюда возникаетъ къ концу XVI в. рядъ мѣръ, направленныхъ къ прекращенію этихъ передвиженій крестьянъ, къ прикрѣпленію ихъ къ землѣ.

Хронологія важнѣйшихъ событій русской исторіи,

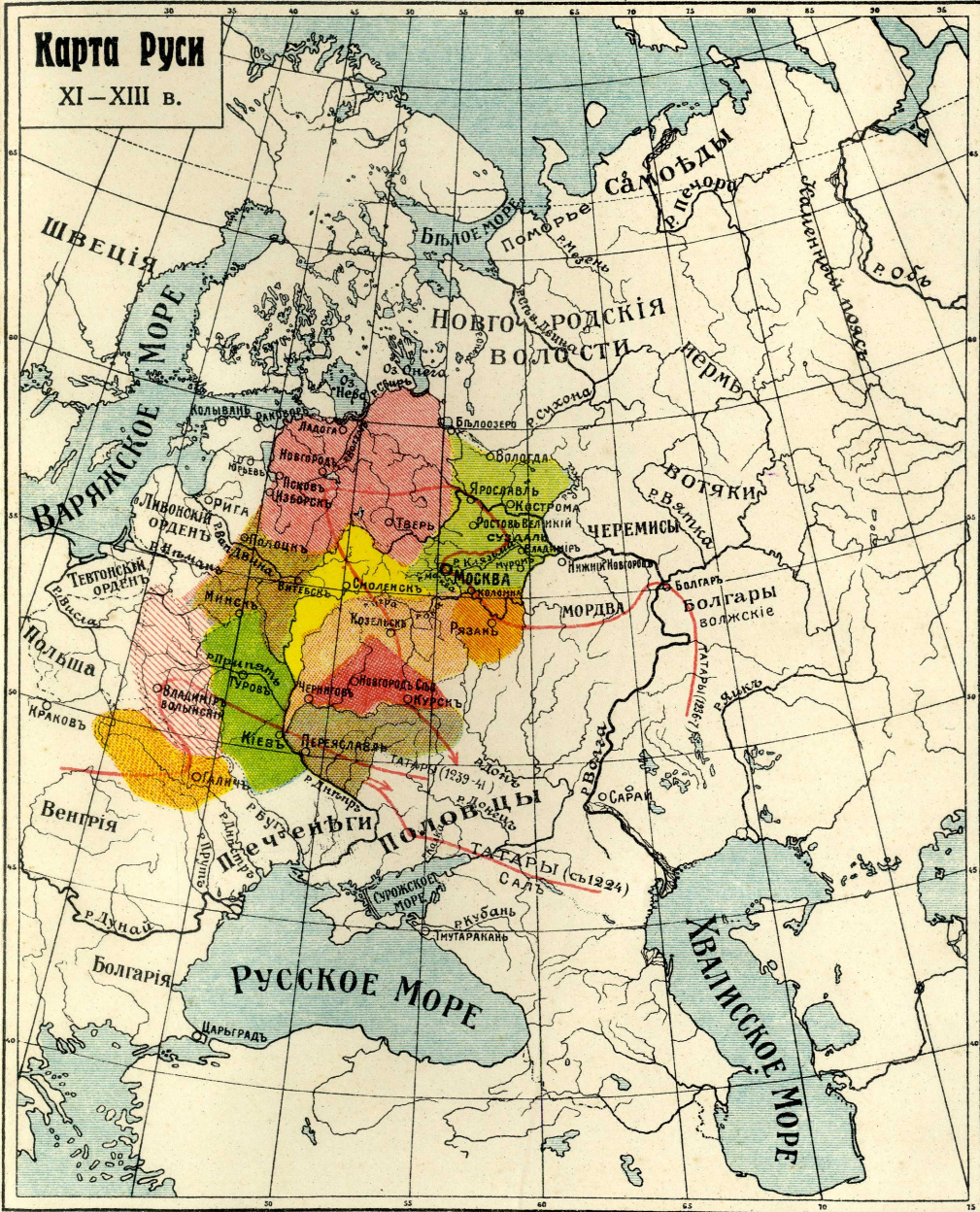
отъ начала Руси до Іоанна IV.

862. Основаніе русскаго государства. Призваніе князей.
957. Кончина Св. Ольги.
972. Кончина Святослава.
980—1015. Владиміръ Святой.
988. Принятіе христіанства Владиміромъ. Крещеніе Киянъ.
1019—1054. Ярославъ Мудрый.
1097. Съѣздъ князей въ Любечъ.
1113—1125. Великое княженіе Владиміра Мономаха.
1147. Первыя извѣстія о Москвѣ.
1169. Взятіе Кіева Андреемъ Боголюбскимъ. Перенесеніе великокняжеской столицы во Владиміръ на Клязьмѣ.
1175. Смерть Андрея Боголюбскаго.
1176—1212. Всеволодъ III Большое гнѣздо.
1201. Основаніе ордена меченосцевъ.
1223. Битва на Калкѣ.
1237. Нашествіе Батыя.
1238. Смерть Юрія II въ битвѣ на Сити.
1240. Взятіе Кіева татарами.
1240—1480. Эпоха монгольскаго ига.
1240. Невская побѣда.
1242. Ледовое побоище.
1252—1263. Александръ Невскій.
1264. Смерть Данила Галицкаго.
1316—1341. Княженіе Гедимина.
1326. Перенесеніе столицы въ Москву.
1328—1340. Іоаннъ Калита.
1363—1389. Дмитрій Донской.
8 сент. 1380. Куликовская битва.
1386. Соединеніе Литвы съ Польшей.
1389—1425. Василій I.
1410. Битва при Танненбергѣ.
1425—1462. Василій II Темный.
1462—1505. Іоаннъ III.
1472. Бракъ съ Софіей Палеологъ.
1478. Паденіе В. Новгорода.
1480. Сверженіе монгольскаго ига.
1485. Присоединеніе Твери.
1497. Изданіе 1-го Судебника.
1510. Присоединеніе Пскова.
1514. Взятіе Смоленска.
1523. Послѣдніе удѣлы.
-

Карта Руси

XI—XIII в.

Карта Руси

въ XIV—XV в.

	Московское княжество половины XV в.		Литва.
	Тверское княжество.		Новгородская земля.
	Смоленск. земля.		Рязанское княжество.
	Польша.		Русь въ концѣ XV вѣка.
	Псков. земля.		

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Древнѣйшіе обитатели Европейской Россіи: Скиѣмъ и эллины. Готы, гунны, авары.	3
2. Природа страны и ея вліяніе на исторію русскаго народа	7
3. Славянское племя. Происхожденіе славянъ. Разселеніе и древнѣйшій бытъ восточныхъ славянъ. Религія славянъ	9
4. Сосѣди славянъ	17
5. Начало Русскаго государства. Разсказъ летописи	21
6. Объединеніе подъ властью Кіева. Зношенія съ Византіей. Борьба со степью: Олегъ. Игорьъ. Св. Ольга. Святославъ. Объединеніе племенъ: Торговья сношенія съ Византіей и борьба со степью. Раздоры между сыновьями Святослава.	23
7. Кіевская Русь. Крещеніе Руси при Владимірѣ св. Послѣдствія принятія христіанской вѣры. Духовенство. Монастыри. Просвѣщеніе и искусство	34
8. Кіевская Русь при Ярославѣ Мудромъ и его потомкахъ. Усобицы дѣтей св. Владиміра. Ярославъ Мудрый. Завѣщаніе Ярослава. Родовыя княжескія отношенія и причины усобицъ. Усобицы при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава I. Владиміръ Мономахъ. Усобицы въ семьѣ Мономаха. Упадокъ Кіевской Руси. Борьба съ половцами. Слово о полку Игоревѣ	47
9. Государственный и общественный бытъ Кіевской Руси. Князь. Дружина. Люди. Города и торговля	60
10. Новгородская Русь. Торговый характеръ жизни Новгорода. Колонизація русскаго сѣвера новгородцами. Новгородское государственное устройство. Псковъ	69
11. Прибалтійскій край	76
12. Суздальская Русь. Суздальская область. Андрей Боголюбскій. Всеволодъ III Большое гнѣздо. Удѣльный бытъ	78
13. Татарское нашествіе и начало ига. Татары и битва на Калкѣ. Нашествіе Батяя. Бытъ и нравы татаръ. Монгольское иго и его вліяніе. Русь въ первое время монгольскаго ига. Александръ Невскій. Отношеніе Александра Невскаго къ татарамъ	87
14. Юго-западная Русь и ея подчиненіе Литвѣ. Волинь и Галиція. Преобладаніе бояръ въ Галиціи. Даниилъ Галицкій и судьба его потомства. Образованіе Литовско-русскаго государства. Гедиминъ. Ольгердъ. Соединеніе Литвы съ Польшой. Витовтъ.	100

	<i>Стр.</i>
15. Московская Русь. Начало Москвы. Иоаннъ Калита. Симеонъ Гордый. Иоаннъ II	110
16. Димитрій Донской. Куликовская битва. Значеніе Куликовской битвы. Набѣгъ Тохтамыша. Послѣдніе годы княженія Димитрія	116
17. Василій I. Нашествіе Тамерлана. Набѣгъ Эдигея. Отношенія къ Литвѣ	122
18. Василій II Темный. Борьба съ Юріемъ Галицкимъ и его дѣтьми. Отношенія къ другимъ князьямъ. Дѣла церковныя. Послѣднія распоряженія Василія II. Причины возвышенія Москвы	124
19. Образованіе великорусскаго государства. Иоаннъ III. Покореніе Великаго Новгорода. Присоединеніе Твери. Сверженіе татарскаго ига. Борьба съ Литвой. Бракъ съ Софьей Палеологъ. Сношенія съ Западной Европой. Изданіе Судебника. Церковныя дѣла. Завѣщаніе Иоанна III. Значеніе дѣятельности Иоанна III	129
20. Василій III. Самодержавіе при Василіи III. Послѣдніе удѣлы. Борьба съ Литвой. Борьба съ татарами. Семейныя дѣла. Переходъ удѣльнаго быта въ государственныя. Измѣненія въ положеніи бояръ	142